

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 6/2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и финансовых рынков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой
прикладной институциональной экономики экономического
факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Головнин М.Ю.**
Механизмы расширения сферы использования валют стран
с формирующимися рынками в мировой валютной системе 7
- Кузнецов А.В.**
Управление НИОКР: российские проблемы и мировой опыт. 18
- Ушкалова Д.И.**
К вопросу о влиянии мировых цен на темпы инфляции в России
и мерах по снижению внешних инфляционных рисков 38
- Матвеевский С.С.**
Азиатский банк развития и его влияние на экономический рост ... 51

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Ахапкин Н.Ю.**
Промышленное производство в условиях пандемии коронавируса:
динамика и структура 67
- Мальцев А.А.**
Устойчивое развитие российской экономики в контексте
глобальных вызовов 81
- Проценко И.О., Агафонов Д.В., Кузнецов В.В.**
Перспективы формирования единых межрегиональных тарифов
на услуги по передаче электрической энергии в условиях
проведения единой государственной тарифной политики 97
- Юхно А.С.**
Корпоративное управление информационно-
коммуникационными технологиями в цифровую эпоху 127

ФИНАНСЫ

- Андрюшин С.А., Григорьев Р.А., Никитина С.А., Свиридов А.П.**
Денежно-кредитная политика Банка России в условиях
экосистемной трансформации банковской деятельности
и введения цифрового рубля. 146
- Афанасьев Г.В., Орлова Т.С., Жукович В.В.**
Создание мировой децентрализованной электронной валюты
в период развития глобализации и цифровых технологий 166

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

- Гебреселассие А.М.**
Определяющие факторы индустриализации малых
и средних предприятий в штате Тыграй, Эфиопия 186

CONTENTS

WORLD ECONOMY

- Golovnin M.Yu.**
Measures to Expand the Use of Emerging Market Currencies
in the International Monetary System 7
- Kuznetsov A.V.**
R&D Management: Russian Problems and World Experience 18
- Ushkalova D.I.**
On the Issue of the Impact of World Prices on Inflation Rates
in Russia and Measures to Reduce External Inflationary Risks 38
- Matveevsky S.S.**
Asian Development Bank and its Impact on Economic Growth 51

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Akhapkin N.Yu.**
Industrial Production Under the Coronavirus Pandemic:
Dynamics and Structure 67
- Maltsev A.A.**
Sustainable Development of the Russian Economy
in the Context of Global Challenges 81
- Protsenko I.O., Agafonov D.V., Kuznetsov V.V.**
The Unified Interregional Tariffs Formation Prospects for Electric Power
Transmission Services in the Context of a Unified State Tariff Policy ... 97
- Yukhno A.S.**
ICT Governance in the Digital Era 127

FINANCE

- Andryushin S.A., Grigoryev R.A., Nikitina S.A., Sviridov A.P.**
Russian Central Bank Monetary Policy under Conditions of Banks
Ecosystem Transformation and Introduction of Digital Ruble 146
- Afanasyev G.V., Orlova T.S., Zhukovich V.V.**
Building a Decentralized World E-currency in Development Globalization
and Digital Technologies 166

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

- Gebreselassie A.M.**
Determinant Factors of Industrial Integration of Small and Medium
Enterprises in Manufacturing Sector In Tigray Regional State, Ethiopia . . 186

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

М.Ю. ГОЛОВНИН

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор ФГБУН Институт экономики РАН

МЕХАНИЗМЫ РАСШИРЕНИЯ СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВАЛЮТ СТРАН С ФОРМИРУЮЩИМИСЯ РЫНКАМИ В МИРОВОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЕ¹

В статье рассматриваются вопросы, связанные с увеличением доли валют стран с формирующимися рынками на мировом валютном рынке в первые два десятилетия XXI в., а также факторы, сдерживающие усиление их позиций в мировой валютной системе. Предлагается комплекс мер по продвижению валют стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе, в том числе: изменения в системе ее управления; увеличение объемов выпуска долговых ценных бумаг, номинированных в данных валютах; их использование в операциях многосторонних банков развития; запуск действующего многостороннего механизма валютных свопов среди стран с формирующимися рынками; реализация проектов финансовой интеграции в отдельных интеграционных объединениях. Содержатся отдельные предложения по интернационализации российского рубля.

Ключевые слова: мировая валютная система, глобальная финансовая система, валюты стран с формирующимися рынками, региональная финансовая интеграция, БРИКС.

JEL: F31, F33.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_7_17.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ по фундаментальной научно-исследовательской работе «Конкуренция валют в мировой валютной системе».

Изменение роли и позиций валют стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе в XXI в.

Первые два десятилетия XXI в. были отмечены относительным усилением позиций валют стран с формирующимися рынками на мировом валютном рынке. Согласно данным Банка международных расчетов, доля десяти основных валют стран с формирующимися рынками² с 2001 г. по 2019 г. увеличилась с 6,4 до 18,5%³. Особо следует отметить изменение позиций китайского юаня, доля которого на мировом валютном рынке за рассматриваемый период увеличилась практически с нуля до 4,3%, а вместе с гонконгским долларом в 2019 г. она составляла 7,8%⁴ (см. табл. 1).

Таблица 1

Доли основных валют стран с формирующимися рынками на мировом валютном рынке (в %, исходя из общей суммы в 200%)

	2001 г.	2004 г.	2007 г.	2010 г.	2013 г.	2016 г.	2019 г.
CNY	0,0	0,1	0,5	0,9	2,2	4,0	4,3
HKD	2,3	1,8	2,7	2,4	1,4	1,7	3,5
KRW	0,7	1,1	1,2	1,5	1,2	1,7	2,0
MXN	0,9	1,1	1,3	1,3	2,5	1,9	1,7
INR	0,4	0,3	0,7	0,9	1,0	1,1	1,7
RUB	0,4	0,6	0,7	0,9	1,6	1,1	1,1
ZAR	1,0	0,7	0,9	0,7	1,1	1,0	1,1
TRY	0,0	0,1	0,2	0,7	1,3	1,4	1,1
BRL	0,4	0,3	0,4	0,7	1,1	1,0	1,1
TWD	0,3	0,4	0,4	0,5	0,5	0,6	0,9

Источник: составлено автором по: Bank for International Settlements data. <https://www.bis.org/statistics/rpfx19.htm?m=6%7C381%7C677>, [1, p. 10].

Однако при этом говорить о качественных изменениях в позиции валют этих стран в мировой валютной системе пока явно преждевременно — они не выполняют в значительном объеме функции денег на уровне глобальной экономики.

² К этим валютам относятся: китайский юань, гонконгский доллар, корейская вона, мексиканский песо, индийская рупия, российский рубль, южноафриканский ранд, турецкая лира, бразильский реал, тайваньский доллар.

³ Необходимо учитывать, что поскольку в валютной сделке участвует пара валют, то доля отдельных валют на мировом валютном рынке считается от общей суммы в 200%.

⁴ [1, p. 10]; https://www.bis.org/statistics/rpfx19.htm?m=6_381_677.

Значимым исключением здесь является китайский юань, позиции которого на мировом валютном рынке, как мы видели, усилились наиболее существенно. Решение о включении юаня с 1 октября 2016 г. в корзину валют, определяющих курс специальных прав заимствования (СДР) МВФ, позволило китайской валюте значительно продвинуть свои позиции в качестве валюты номинирования мировых валютных резервов: ее доля увеличилась с 1,1%, на конец декабря 2016 г., до 2,6%, на конец июня 2021г.⁵ При этом китайский юань вышел на пятую позицию среди мировых резервных валют, обойдя канадский и австралийский доллар.

Существуют различные теоретические объяснения роли тех или иных валют в мировой валютной системе. Рыночный подход делает акцент на сфере их обращения и способности выполнять отдельные функции денег в глобальной экономике.

В рамках рыночного подхода выделяются различные факторы, которые определяют позиции валют стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе: масштаб их экономик, участие в международной торговле и движении капитала, размеры национальных финансовых рынков, внутренняя финансовая стабильность и волатильность валютных курсов [2].

Отдельно следует обратить внимание на сферу обращения валют в современной экономике. В условиях растущей роли финансовых потоков именно они, а не внешнеторговые потоки, определяют роль валют на мировом валютном рынке. Так, в 2019 г. лишь 30% сделок на валютном рынке приходилось на сделки спот, а остальные — это различные срочные сделки, обслуживающие в основном финансовые транзакции⁶. В условиях, когда страны с формирующимися рынками относительно в меньшей степени вовлечены в финансовые потоки в мировой экономике, их валюты заведомо проигрывают в конкурентной борьбе валютам из развитых стран.

Яркой иллюстрацией этого тезиса является незначительный объем международных ценных бумаг, выпускаемых в национальных валютах стран с формирующимися рынками и номинированных в их национальных валютах. Так, в валютах девяти стран с формирующимися рынками были номинированы на конец 2010 г. международные долговые ценные бумаги объемом 38,5 млрд долл.⁷ (что составляло лишь 0,19% от общего объема находившихся в обращении на тот момент между-

⁵ Рассчитано по: данные МВФ. <https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4>.

⁶ Рассчитано по: данные Bank for International Settlements data. <https://www.bis.org/statistics/rpfx19.htm?m=6%7C381%7C677>.

⁷ Оценка проводилась по принципу резидентства.

народных долговых ценных бумаг). По состоянию на конец 2020 г. этот показатель вырос до 73,9 млрд долл. (или 0,27%)⁸. При этом на конец 2020 г., лидирующие позиции занимали Гонконг (28,1 млрд долл.), Китай (16,5 млрд долл.) и Мексика (14,5 млрд долл.), что в целом соответствует позициям валют этих стран на мировом валютном рынке (см. табл. 1). В остальных странах с формирующимися рынками, рассматриваемых в данной статье, объем международных долговых ценных бумаг, номинированных в национальных валютах, в обращении на данную дату не превышал 5 млрд долл.⁹

Теоретические подходы, учитывающие международную политику и основанные, в частности, на международной политической экономии или на посткейнсианских концепциях, обращают внимание на заведомо более низкий статус валют стран с формирующимися рынками в мировой «иерархии валют». Одно из возможных объяснений заключается в том, что эти валюты характеризуются как «краткосрочные инвестиционные валюты» в связи с их более низкой премией за ликвидность, для компенсации которой страны-эмитенты вынуждены предлагать более высокие ставки процента [3]. Это обстоятельство также делает позиции валют данных стран зависимыми от конъюнктуры мировых финансовых рынков, усиливая их на этапах роста цен активов и международных потоков капитала и ослабляя во время кризисов.

Если сопоставить позиции десяти ведущих валют стран с формирующимися рынками с их позициями в мировой экономике, с участием в международном движении капитала, со степенью развития национальных финансовых рынков и достигнутым уровнем валютной и финансовой стабильности, то можно заключить, что в целом их относительные позиции отражают выделенный нами набор факторов. Так, позиции Китая в мировой экономике главным образом определяются масштабом его экономики, развитой внутренней финансовой системой (хотя она и отличается не очень высокой степенью открытости), низкими темпами инфляции и относительно невысокой волатильностью валютного курса. Гонконг в полной мере реализует преимущества международного финансового центра: при небольшом масштабе экономики высокоразвитый финансовый сектор и финансовая стабильность способствуют продвижению гонконгского доллара на мировом валютном рынке. Преимуществами в области финансовой стабильности пользуется и Республика Корея. Вместе с тем страны с формирующимися рынками и с относительно крупными экономи-

ками (Индия, Россия, Бразилия) не в полной мере реализуют имеющийся потенциал, связанный с масштабом, из-за невысокого уровня развития финансовых рынков и недостаточной финансовой стабильности.

Меры, направленные на усиление позиций валют стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе

Рыночный подход к продвижению валют стран с формирующимися рынками делает основной акцент на валютной и финансовой либерализации (формальное снятие валютных ограничений) и на поддержке макроэкономической и финансовой стабильности внутри страны. Однако, как показывает практика, подобный упрощенный подход не работает. Полная валютная либерализация, проведенная в России начиная с 2007 г., не дала существенного эффекта с точки зрения усиления позиций рубля на внешних рынках, тогда как Китаю удалось добиться существенных успехов в области интернационализации юаня, сохраняя контроль за операциями трансграничного движения капитала.

Таким образом, особого внимания заслуживают специальные меры, которые принимаются для содействия интернационализации валюты. Среди всех рассматриваемых нами стран именно Китай наиболее последовательно проводил соответствующую политику.

Китайская политика интернационализации юаня началась с продвижения расчетов с китайской валютой во внешнеторговых сделках (в первую очередь с соседними странами). Затем она постепенно распространялась на операции с капиталом (по мере снятия валютных ограничений, которые в стране продолжают действовать в этой области). При этом в международных операциях с национальной валютой были задействованы офшорные центры и связанные с ними юрисдикции (главным образом Гонконг, что также способствовало усилению позиций гонконгского доллара). Из мер экономической политики Китая следует особо выделить заключение Народным банком Китая двусторонних соглашений о валютном свопе в китайских юанях. На конец 2020 г. действовало 31 подобное соглашение на общую сумму около 567 млрд долл. [4, р. 36].

На позиции национальной валюты также оказывает воздействие выбор режима денежно-кредитной политики и валютного курса (см. табл. 2).

Мы видим, что большинство стран с формирующимися рынками используют режим инфляционного таргетирования, сочетая его с регулируемым плаванием валютного курса (лишь в России и Мексике действует свободно плавающий валютный курс). В то же время

⁸ Рассчитано по: данные Банка международных расчетов. <https://stats.bis.org/statx/srs/table/c1#>.

⁹ Данные Банка международных расчетов. <https://www.bis.org/statistics/secstats.htm?m=6%7C33%7C615>.

Китай и Гонконг, валюты которых в наибольшей степени интернационализированы среди стран с формирующимися рынками, достаточно жестко регулируют валютный курс.

Таблица 2

Режимы денежно-кредитной политики и валютного курса в отдельных странах с формирующимися рынками (по состоянию на апрель 2021 г.)

Страна	Режим денежно-кредитной политики (де факто)	Режим валютного курса (де факто)
Китай	Таргетирование денежной массы	Режим, напоминающий ползучую привязку
Гонконг	Валютное управление	Жесткая привязка валюты (к доллару США)
Республика Корея	Инфляционное таргетирование	Плавающий валютный курс
Индия	Инфляционное таргетирование	Плавающий валютный курс
Россия	Инфляционное таргетирование	Свободно плавающий валютный курс
Бразилия	Инфляционное таргетирование	Плавающий валютный курс
Мексика	Инфляционное таргетирование	Свободно плавающий валютный курс
ЮАР	Инфляционное таргетирование	Плавающий валютный курс
Турция	Инфляционное таргетирование	Плавающий валютный курс

Источник: [5, p. 14–17].

Одним из направлений расширения сферы обращения национальной валюты является участие страны в том или ином региональном интеграционном объединении. Однако само по себе оно не гарантирует продвижение национальной валюты на мировом валютном рынке. Так, Н. Леви отмечает, что участие Мексики в НАФТА (в настоящее время – USMCA) способствовало усилению позиций песо, тогда как интеграционные инициативы Бразилии в МЕРКОСУР не помогли укрепить позиции реала. При этом Мексика характеризуется низким уровнем развития собственной национальной финансовой системы, поскольку она интегрирована в финансовую систему США [6].

В рамках азиатских региональных интеграционных объединений уже действуют инициативы, которые нацелены на увеличение роли национальных валют этих стран. Среди них можно выделить две основные: инициативу по созданию регионального рынка облигаций и Чиангмайскую инициативу. Первая инициатива включала в себя в том числе создание Азиатского облигационного фонда 2 (ABF2), который осуществлял вложения в государственные ценные бумаги, номинированные в национальных валютах (первый фонд (ABF1) вкладывал

средства в государственные ценные бумаги, номинированные в иностранных валютах). Кроме того, был разработан ряд других проектов по финансовой интеграции в Азии, прежде всего в рамках АСЕАН. Чиангмайская инициатива представляла собой изначально систему двусторонних валютных свопов в формате АСЕАН + 3 (Япония, Китай, Республика Корея). В 2010 г. она была преобразована в многосторонний формат, и совокупный объем потенциальных валютных свопов был увеличен в 2014 г. до 240 млрд долл. Однако фактически инициатива так и не заработала, в отличие, например, от двусторонних валютных свопов Федеральной резервной системы, других центральных банков развитых стран, а также уже упоминавшихся валютных свопов Народного банка Китая.

Предложения по развитию механизмов расширения сферы использования валют стран с формирующимися рынками

Исходя из концепции иерархии международных валют, изменение позиции валют стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе возможно лишь при усилении роли этих стран в глобальном управлении, в том числе в процессах реформирования мировой валютно-финансовой системы. Формально это уже происходит, поскольку после глобального экономического и финансового кризиса 2007-2009 гг. лидирующую роль в этом реформировании заняла Группа 20 (G20), в состав которой входят 11 стран с формирующимися рынками. Однако позиции этих стран в Группе 20 не консолидированы. Отчасти функции по консолидации были взяты объединением БРИКС, в которое входит 5 из 11 стран с формирующимися рынками – членов Группы 20.

В рамках БРИКС пока не удалось сформировать целостную повестку реформирования мировой валютно-финансовой системы в интересах стран с формирующимися рынками. Тем не менее объединение БРИКС продвигает ряд важных инициатив:

1. Оно поддерживает реформу международной финансовой архитектуры, прежде всего системы управления Международным валютным фондом и Всемирным банком, с целью повышения веса голосов стран с формирующимися рынками (в первую очередь самих стран БРИКС) в этих институтах. Теоретически консолидация позиций стран с формирующимися рынками и повышение их удельного веса в общем объеме голосующих акций данных организаций может способствовать формированию выгодной для них повестки, в том числе по продвижению валют этих стран в мировой валютной системе. Однако столь радикальное продвижение реформы двух ведущих Бреттон-Вуд-

ских институтов представляется, по крайней мере в среднесрочной перспективе, маловероятным.

2. Как было отмечено выше, одним из сдерживающих факторов для усиления позиций валют стран с формирующимися рынками являются значительные колебания курсов их валют. Для их стабилизации важную роль могли бы сыграть как действующее соглашение многосторонней Чиангмайской инициативы, так и созданный в рамках БРИКС, но еще не начавший функционировать Пул условных валютных резервов.

3. В Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. отдельно выделяется такой пункт, как «содействие усилиям по увеличению доли национальных валют во взаимных платежах» [7, р. 7], напрямую нацеленный на усиление позиций этих валют. В этом же направлении может действовать заявленное в Стратегии создание Фонда облигаций в национальных валютах (видимо, по аналогии с ABF2). Кроме того, в рамках уже действующих институтов БРИКС, в частности Нового банка развития, предусмотрено «расширение использования национальных валют» [7, р. 7].

Существуют многочисленные предложения по развитию выпусков международных ценных бумаг, номинированных в национальных валютах стран с формирующимися рынками, например, в рамках Мирового банка и региональных банков развития, в том числе индексируемых на инфляцию [8, р. 9]. В целом вопросы, связанные с переходом многосторонних банков развития на финансирование в национальных валютах, активно дискутируются и стоят на повестке дня¹⁰. Движением в этом направлении стало создание наднационального фонда Currency Exchange Fund (ТСХ), который страхует валютные риски использования в расчетах валют стран с формирующимися рынками. По итогам 2020 г. валовая стоимость производных ценных бумаг Фонда, номинированных в соответствующих валютах, составила около 4,4 млрд долл. [10, р. 8].

Страны с формирующимися рынками, с одной стороны, сталкиваются с более волатильными потоками капитала, чем развитые страны, а с другой – в большей степени зависят от колебания курсов своих валют. В этих условиях для данной группы стран особое значение приобретает возможность использования ограничений на трансграничное движение капитала. Отношение к подобным ограничениям претерпело серьезные изменения после глобального экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг. В 2010–2012 гг. появился ряд работ исследователей МВФ, в которых отмечается, что применение ограничений на международное движение капитала может иметь позитив-

ные последствия для национальных экономик¹¹. Однако одностороннее введение подобных ограничений странами с формирующимися рынками не позволяет в полной мере реализовать их преимущества. На наш взгляд, необходимо поставить вопрос об использовании ограничений на трансграничное движение капитала (в мягкой форме) как составной части защитного механизма от кризисных потрясений на глобальном уровне. Ю. Парк и Ч. Выплош фактически подчеркивают эту же мысль, обращая внимание на то, что контроль за притоком капитала не может быть эффективным без контроля за (последующим) его оттоком. Для этой цели они предлагают использовать механизм Группы 20 с целью установления правил, при которых страны с формирующимися рынками могут обращаться к мерам контроля за трансграничным движением капитала [13, р. 26–27].

Еще одним коллективным механизмом, содействующим поддержанию курсов валют стран с формирующимися рынками, могли бы стать системы многостороннего валютного свопа. Однако, как мы видели, ни Чиангмайская инициатива, ни Пул условных валютных резервов БРИКС пока не работают. В том числе это связано с отсутствием спроса на подобный механизм в рамках Чиангмайской инициативы. Поэтому ускорение запуска Пула условных валютных резервов в БРИКС могло бы содействовать дальнейшей активизации создания сети подобных соглашений между странами с формирующимися рынками.

С позиций интересов России, безусловно, основное значение имеет расширение процессов интернационализации российского рубля. Однако при обсуждении этой проблемы необходимо иметь в виду два важных соображения. С одной стороны, рост интернационализации связан и с дополнительными рисками усиления воздействия внешних шоков на финансовую систему и экономику страны. При отсутствии защитных механизмов в виде ограничений на трансграничное движение капитала эти риски для России имеют важное значение. Это показали прошедшие экономические кризисы 2008–2009 гг. и 2014–2016 гг. Формирование подобных защитных механизмов, даже при введении некоторых ограничений на процесс интернационализации, позволило бы сохранить устойчивость национальной валюты, что в более длительной перспективе будет способствовать данному процессу. С другой стороны, Россия находится под действием санкций со стороны западных стран, ограничивающих возможность ее участия в мировых финансовых потоках.

Как нам представляется, политика России по интернационализации рубля могла бы проводиться на нескольких уровнях. На нацио-

¹⁰ См., например, [9].

¹¹ См., например, [11; 12].

нальном уровне наибольшее значение имеет обеспечение экономического роста и повышение удельного веса России в мировой экономике (однако данная проблема выходит за рамки настоящей статьи), развитие национальной финансовой системы и обеспечение механизмов стабилизации валютного курса. На региональном уровне, в первую очередь в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), важно запустить действенные проекты финансовой интеграции, дополнительным эффектом от которых станет расширение сферы внешнего обращения рубля не только в области внешней торговли (здесь на пространстве ЕАЭС достигнут существенный эффект [14, р. 232–233]), но и в области финансовых сделок. Мерами в этом направлении могли бы стать формирование регионального рынка облигаций (с использованием азиатского опыта), расширение кредитования в рублях со стороны Евразийского банка развития, а также создание ряда других возможных проектов. Наконец, на глобальном уровне России важно принять участие в построении повестки дня по усилению позиций стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе, используя в первую очередь свое членство в БРИКС и Группе 20.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Triennial Central Bank Survey. Foreign exchange turnover in April 2013: preliminary global results. Bank for International Settlements. 2013. September.
2. Maziad S., Farahmand P., Wang S., Segal S., Ahmed F. Internationalization of Emerging Market Currencies: A Balance Between Risks and Rewards // IMF Staff Discussion Note. 2011, October 19. SDN/11/17.
3. De Souza Lima Orsi B. Currency Internationalisation and Currency Hierarchy in Emerging Economies: The Role of the Brazilian Real. PhD thesis, University of Leeds, 2019. <https://etheses.whiterose.ac.uk/24021>.
4. Perks M., Rao Y., Shin J., Tokuoka K. Evolution of Bilateral Swap Lines // IMF Working Paper. 2021. No. 210.
5. IMF Annual Report. 2020. Washington DC: International Monetary Fund, 2021. Appendix II. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2021/eng/downloads/appendix.pdf>.
6. Levy N. The internationalization of local currencies of emerging countries: the experience of the Mexican Peso and the Chinese Renminbi // Brazilian Keynesian Review. 2018. Vol. 4. No. 1.
7. Strategy for BRICS Economic Partnership. BRICS, November 2020. P. 7 <https://eng.brics-russia2020.ru/images/114/81/1148155.pdf>.
8. Powell A. Promoting the International Use of Emerging Country Currencies: The Case of Local Currency Debt Issuance for Latin America and the Caribbean // The BRICS and Asia, Currency Internationalization and International Monetary Reform. Paper No. 8. Asian Development Bank, The Centre for International Governance Innovation and the Hong Kong Institute for Monetary Research, 2014. <https://www.cigionline.org/publications/promoting-international-use-emerging-country-currencies-case-local-currency-debt>.

9. Bresser-Pereira L.C., Bechelaine C. Multilateral development banks, new developmentalism and local currency financing // Brazilian Journal of Political Economy. 2019. Vol. 39. No. 4.
10. TCX Annual Report 2020. <https://www.tcxfund.com/wp-content/uploads/2021/07/TCX-AR-2020-single-page.pdf>.
11. Korinek A. The New Economics of Capital Controls Imposed for Prudential Reasons // IMF Working Paper, 2011.
12. Chowdhury I., Keller L. Managing Large-Scale Capital Inflows: The Case of Czech Republic, Poland and Romania // IMF Working Paper. 2012. No. 138.
13. Park Yu.Ch., Wyplosz Ch. International Monetary Reform: A Critical Appraisal of Some Proposals / In Reform of the International Monetary System. An Asian Perspective. Ed. by M. Kawai, M.B. Lamberte, P.J. Morgan. Springer, 2014.
14. Golovnin M., Ushkalova D. Russian in International Economic Institutions: Are There Contradictions in the Regional and Global Agendas // Post-Communist Economies. 2021. Vol. 33. No. 2–3.

ABOUT THE AUTHOR

Golovnin Mikhail Yurievich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Director of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
mg-inecon@mail.ru

MEASURES TO EXPAND THE USE OF EMERGING MARKET CURRENCIES IN THE INTERNATIONAL MONETARY SYSTEM

The article examines the issues related, on the one hand, to the increase in the share of currencies of emerging markets in the global foreign exchange market during the first two decades of the XXI century, and on the other hand, to factors restraining their positions in the international monetary system. Based on current practice, a set of measures is proposed to promote emerging market currencies in the international monetary system, including changes in global governance; an increase in the volume of issuance of debt securities denominated in these currencies; their use in the operations of multilateral development banks; the launch of an operational multilateral foreign exchange swap facility among emerging market economies; implementation of financial integration projects in separate integration associations. The article contains several proposals for the internationalization of the Russian ruble.

Keywords: international monetary system, global financial system, currencies of emerging markets, regional financial integration, BRICS.

JEL: F31, F33.

А.В. КУЗНЕЦОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, внештатный
сотрудник Института исследований международных экономических
отношений Финансового университета при Правительстве РФ,
директор ИНИОН РАН

**УПРАВЛЕНИЕ НИОКР: РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И МИРОВОЙ ОПЫТ¹**

В статье показано, что значительное снижение уровня финансирования НИОКР в России приводит к отставанию нашей страны от мировых лидеров в научно-технологическом и социально-экономическом развитии. Отмечается недостаточная роль государства в прямой поддержке науки, особенно в стимулировании притока высококвалифицированных кадров в сферу фундаментальных исследований, а также в сохранении их в российской прикладной науке. Указывается на ряд ошибок при реформировании российской сферы НИОКР в 2010-е годы, что в итоге усиливает периферийный характер российской экономики в мировом хозяйстве. Данное исследование базируется на анализе современных российских реалий, а также на некоторых недооцененных примерах из зарубежного опыта, прежде всего южнокорейского и западногерманского, а также венгерского. При этом отмечается ошибочность идеализации опыта ФРГ по формированию ведущих научных обществ.

Ключевые слова: реформа науки в России, научные кадры, расходы на НИОКР, научные общества в ФРГ, сохранение научных кадров южнокорейским государством, реформа Венгерской академии наук.

JEL: O38, O57.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_18_37.

По данным МВФ, среднегодовой рост ВВП в мире в 2013–2020 гг. составил 1,3%. Однако в России за тот же период средний показатель был лишь 0,3%, а в целом по группе развивающихся и постсоциалистических стран он составлял 2,2%. Темпы восстановительного роста в России в 2021–2022 гг., после пика коронакризиса, как ожидается, также будут ниже, чем в мире в целом [20, р. 42]. Можно назвать разные причины стагнации экономического развития в России, но мы обратим внимание на одну из самых очевидных, проистекающих из базовых

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по госзаданию Финансового университета по теме НИР «Трансформационные процессы в системе международных экономических отношений в современных условиях».

вых моделей экономического роста. В последние десятилетия заметно повысилась роль научно-технической информации, а если рассматривать в более широком плане, – знаний разного рода как самостоятельного фактора производства в условиях научно-технологического прогресса. В итоге классическая двухфакторная производственная функция Кобба-Дугласа все чаще заменяется учеными на полученную из нее трехфакторную степенную функцию, где наряду с трудом и капиталом самостоятельной переменной выступает научно-техническая информация (подробнее см., например: [9]). Очевидно одно: если страна хронически отстает по расходам на НИОКР, то закономерно ожидать от ее национальной экономики вялой динамики.

**Усиливающееся отставание России по расходам
на НИОКР**

Об информации как важном факторе производства написано уже очень много. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что категории «информация» и «знания» нельзя отождествлять. Строго говоря, фактором производства выступают научно-технические знания (т.е. обработанная, усвоенная и применяемая в производстве информация) [8, с. 50]. Основным средством производства знаний, обеспечивающих переход на новый, более высокий технологический уровень, остаются НИОКР. При этом именно отношение расходов на НИОКР к ВВП, а также численность занятых в этой сфере являются основными индикаторами, свидетельствующими о перспективах тех или иных стран в мировой гонке за экономическое лидерство. К сожалению, Россия в 2000-е годы выбрала иную стратегию, ставящую под вопрос саму возможность долгосрочного устойчивого развития нашей страны (см. табл. 1).

Россия находится на 9-м месте по абсолютным расходам на НИОКР, даже при их расчете по паритетах покупательной способности валют (ППС), который не совсем корректно проводить для сферы НИОКР из-за важности импорта высокотехнологичного оборудования и необходимости конкурировать за квалифицированные кадры в глобальном масштабе. Отставание от высокоразвитых государств (за исключением, пожалуй, Канады), а также и от Китая, быстро усиливается. Россию опередили уже Республика Корея и остров Тайвань, постепенно нагоняет и Турция. Если от абсолютных показателей перейти к относительным, то видно, что по относительным показателям Россию перегнали все более-менее успешные постсоциалистические страны.

Многие годы после перестройки в соответствии с либеральной рыночной парадигмой считалось, что рынок является идеальным регулятором, в том числе в области стимулирования научных иссле-

Таблица 1

**Расходы на НИОКР и численность персонала в сфере НИОКР
в 2000-е годы**

Страна	Расходы на НИОКР, в ценах 2015 г. в расчете по ППС, млрд долл.			Расходы на НИОКР к ВВП, %			Персонал в сфере НИОКР (в расчете на полные ставки), тыс. человек		
	2005	2013	2019	2005	2013	2019	2005	2013	2019
1. США	393,0	468,1	612,7	2,52	2,71	3,07	...	...	...*
2. Китай	93,2	309,9	514,8	1,31	2,00	2,23	1365	3533	4800
3. Япония	154,7	167,6	171,9	3,18	3,31	3,20	897	866	903
4. Германия	82,3	106,2	132,5	2,44	2,84	3,19	475	589	736
5. Южная Корея	34,0	72,0	100,1	2,52	3,95	4,64	215	401	526
6. Франция	50,9	59,6	64,1	2,05	2,24	2,20	350	417	464
7. Великобритания	37,9	42,7	51,7	1,55	1,62	1,76	325	377	486
8. Остров Тайвань	18,3	31,7	43,0	2,32	3,01	3,49	149	234	272
9. Россия	27,0	36,7	39,2	0,99	1,03	1,04	920	827	754
10. Италия	24,6	28,9	34,3	1,04	1,30	1,47	175	247	356
11. Канада	26,7	26,3	27,6	1,97	1,71	1,59	219	233	≈240
12. Турция	6,9	14,8	24,8	0,57	0,82	1,06	49	113	183
...									
Швеция	13,3	14,6	17,7	3,36	3,26	3,39	78	81	91
Израиль	8,2	11,5	16,9	4,05	4,10	4,93	...	...	...
Польша	3,9	8,3	16,1	0,56	0,87	1,32	77	94	164
Чехия	3,4	6,2	7,9	1,17	1,90	1,94	43	62	79
Венгрия	2,2	3,4	4,6	0,92	1,39	1,48	23	38	57

* По США приводится только статистика по исследователям, численность которых увеличилась с 1,1 млн человек в 2005 г. до более чем 1,5 млн в 2018 г., тогда как аналогичный показатель по Китаю увеличился с 1,1 млн человек до 1,9 млн, в Японии данный показатель стабилизировался на уровне 0,68 млн, а в России сократился с 0,46 млн до 0,41 млн человек, что меньше чем уровень в Южной Корее, где в 2005 г. было только 0,18 млн исследователей.

Источники: составлено автором по: Table 2. Gross domestic expenditure on R&D (GERD) as a percentage of GDP; Table 3. Gross domestic expenditure on R&D (GERD) at 2015 prices and PPP; Table 9. Total R&D personnel in full-time equivalent // Main Science and Technology Indicators: Volume 2020/1. Paris: OECD, 2020 & Volume 2021/1. Paris: OECD, 2021.

дований. Однако в нашей стране государство сохраняет свою ведущую роль на экономическом поле, том числе и в отношении науки. С 2013 г. запущена государственная программа «Развитие науки и технологий» (в 2019 г. досрочно прекращена, в настоящее время ее сменила более

амбициозная, но также не лишенная существенных недостатков, как показано в [3], программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»), а с 2018 г. – национальный проект «Наука и университеты». Государство увеличивает расходы на НИОКР, но темпы роста этих расходов отстают от роста ВВП, в то время как во многих высокоразвитых странах государство продолжает активно наращивать финансирование НИОКР (особенно на прорывных направлениях), несмотря на высокую активность бизнеса в этих областях. Так, максимальный показатель отношения госрасходов на НИОКР к ВВП в России наблюдался в 2015 г., достигнув 0,77%, затем он снизился к 2019 г. до 0,69% (что не намного выше уровня 2005 г., когда доля НИОКР составляла 0,62% ВВП). Поскольку это выше среднего уровня для стран ОЭСР, то принято считать, что в России государство не должно тратить больше средств на науку. К тому же есть мнение, что за финансирование со стороны компаний ученые должны отчитываться более убедительно, демонстрируя реальную экономическую эффективность, по крайней мере в прикладных исследованиях [1, с. 3]. Однако стоит вспомнить, что в Германии и Южной Корее отношение госрасходов на НИОКР к ВВП постоянно растет – с 0,69% и 0,58% в 2005 г. до 0,82% и 0,94% в 2015 г. и 0,89% и 0,96% в 2019 г. соответственно. Вырос за эти годы показатель и у таких стран, как Польша, Венгрия и Чехия, хотя лишь до 0,43%, 0,49% и 0,65% соответственно [19, р. 21].

В ряде стран действительно именно бизнес является главным двигателем развития сферы НИОКР. Так, в США ассигнования бизнеса на НИОКР увеличились с 1,59% ВВП этой страны в 2005 г. до 1,94% ВВП в 2019 г., в КНР – с 0,88% китайского ВВП до 1,70%, а в стремительно наращивающей расходы на НИОКР Южной Корее – с 1,89% до 3,57% ВВП [19, р. 20]. В России наблюдается совершенно иная картина: траты бизнеса на НИОКР в 2019 г. составили 0,31% ВВП, причем в этот показатель включены и расходы подконтрольных государству компаний. Ситуация почти не меняется последние полтора десятка лет, когда в стране сложился, казалось бы, стабильный политический режим, сокращающий неэкономические риски для инвесторов. Отчасти это объясняется тем, что не созданы эффективные налоговые и прочие стимулы для роста НИОКР частных компаний. Например, налоговая нагрузка на российских производителей телекоммуникационного оборудования значимо выше по сравнению с США и Китаем [2]. Более того, крупнейшие игроки в России действуют в сырьевых секторах, не склонных к проведению масштабных НИОКР. Так, трудно ожидать даже от подконтрольных государству сырьевых гигантов – «Газпрома» и «Роснефти» – многократного увеличения расходов на НИОКР. По данным годовых отчетов компаний, в 2020 г. «Газпром» потратил на эти цели 0,34% своей выручки, а «Роснефть» – 0,47%, тогда как веду-

щие западные нефтегазовые ТНК «Royal Dutch Shell» и «Total» – соответственно 0,50% и 0,64% своей выручки.

Однако величина расходов на НИОКР не является единственным фактором, однозначно определяющим результативность как фундаментальной, так и прикладной науки. Не менее значимыми представляются институциональные составляющие -- каким образом организована наука, каким образом функционирует система научных организаций, и, соответственно, насколько эффективной оказывается система управления НИОКР включающая не только распределение средств, но и получение адекватной отдачи. (При этом под отдачей мы не подразумеваем «сиюминутную» коммерческую эффективность: результаты фундаментальной науки обычно предполагают большие вложения и многолетние исследования.) На эту проблему неоднократно указывали ведущие российские эксперты (см., например [7]). При этом, на наш взгляд, в контексте российских проблем организации науки и управления НИОКР, важно проанализировать опыт зарубежных стран с лучшими, чем у России, показателями в сфере НИОКР, и определить, что из этого опыта возможно продуктивно применить, а что категорически не следует использовать в России, учитывая наши отечественные институциональные особенности.

Проблемы управления НИОКР в России

Один из основных вопросов результативности науки – это высокопрофессиональные научные кадры. Поэтому кадровой политике государство должно уделять особо пристальное внимание и формировать правильные ориентиры. Сегодня довольно странной выглядит кадровая политика в российском научно-образовательном секторе. С одной стороны, декларируется повышение зарплаты на основном месте работы (особенно в академическом секторе) и одновременно начинается проводиться политика по вытеснению совместителей во многих вузах (в результате, например, на многих факультетах ведущего вуза страны – МГУ им. М.В. Ломоносова – ученые с выдающимися научными результатами заменены на штатных преподавателей-чтецов, нередко даже без ученых степеней). С другой стороны, в России фактически сохраняется множественная занятость. В значительной степени ее стимулировала пресловутая реформа РАН 2013 г., в основе которой лежало стремление достичь значений индикаторов роста зарплаты российских ученых, установленных Указом Президента РФ №597 от 7 мая 2012 г.², которые в современных условиях выполнить очень сложно.

² Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». <https://base.garant.ru/70170950>.

Во-первых, как показала практика исполнения указа, рядовые научные сотрудники были обособлены как от заведующих исследовательскими лабораториями (отделами), так и от научно-технического, библиотечного и другого персонала научных организаций. Для нивелирования разных условий в оплате между различными (по штатному расписанию) категориями сотрудников, выполняющих практически в равной степени важные, а самое главное, взаимосвязанные между собой функции в одном и том же научном учреждении, руководители вынуждены порой искать законные, но сложные способы решения данной проблемы: переводить научных работников на доли ставок или на инженерные должности, руководителей лабораториями переводить на условия работы по совместительству, решать вопросы с сотрудниками научных библиотек и т. п.

Как следствие, указ президента РФ ведет не к повышению престижа научной работы, а к «выдавливанию» ученых из НИИ в вузы (поскольку в университетах должности преподавателей-совместителей сохраняются, так как именно с помощью выходцев из институтов РАН обеспечивается быстрый рост публикационной активности). Кроме того, постепенно развивается процесс деградации научных библиотек, и медленно, но неуклонно разрушаются научные школы в стенах академических организаций.

Во-вторых, исходно ошибочным был базовый подход – решать цель сугубо плановой экономики (т. е. повышение престижности профессии через директивный рост зарплаты) методами рынка. Позиция правительства состоит в том, чтобы финансировать «зарплатный указ», то есть государственное задание на уровне 1/3 от необходимого, предлагая научным организациям остальные средства получать в равной пропорции за счет дополнительного бюджетного финансирования и внебюджетных доходов³. Вместе с тем равновесная рыночная зарплата ученого, по крайней мере в Москве, где концентрируется основной исследовательский потенциал России, оказывается ниже определенных в упомянутом указе президента РФ 200% от средней заработной платы по столице. Иначе говоря, даже на зарплату в 100% от среднего по столице размера нередко выстраивается очередь из отвечающих предъявленным требованиям претендентов, особенно молодых исследователей (рассчитывающих получить к пику карьеры 2–3 места работы сразу) или, напротив, пенсионеров.

При этом «конкурсные» (грантовые) деньги, которые должны обеспечить еще 1/3 зарплаты, в условиях действительно честных конкурсов неизбежно ведут к мелкотемью и доминированию «быстрой» науки.

³ Как Профсоюз работников РАН участвовал в решении актуальных для научного сообщества проблем // Научное сообщество. 2021. № 5. С. 10.

Ведь при конкурсе в 3–6 проектов на одно место нормальный исследователь должен подать хотя бы 4 заявки. В случае весьма вероятной победы не одной, а двух-трех из них, он оказывается «завален» работой. При этом уже за год до срока завершения проекта исследовательский коллектив должен вновь «искать счастья». Ликвидация РФФИ, заметно сократившая возможности российских ученых получать государственное грантовое финансирование, ничего не меняет по существу – одновременная реализация 3–4 проектов по-прежнему гипотетически возможна, хотя стала сложнее технически. Утилитаризм, свойственный обществу потребления, требует от науки давать конкретный и быстрый результат. «От научных результатов требуется выгода, и они превращаются в рыночный товар, а ученый – в маркетолога и рекламиста, обязанного уметь его продавать. Коммерциализация, прагматизация и ориентация на сиюминутную прибыль перерождают науку в хозяйственно-производственную сферу, призванную ограничиваться обслуживанием экономических и технологических нужд» [4]. Количество времени, затрачиваемого научными работниками на подготовку конкурсных заявок, независимо от положительного или отрицательного результата конкурса, возрастает. Ученые вынуждены проводить исследования во все более жестких временных рамках, связанных с необходимостью отчитываться и регулярно, в течение короткого периода, показывать конкретные достижения [11].

Наконец, довольно странным выглядит ожидание коммерциализации фундаментальных исследований на уровне, равном их финансированию со стороны государства по планам государственного задания. Если какому-то институту это удастся, то возникает большой риск, что прикладные исследования фактически будут представлены как фундаментальные. Правда, на самом деле вопрос несколько сложнее [10]. Грань между фундаментальными и прикладными науками действительно стирается, а внешнее финансирование может поступать на основе оценки результатов, полученных в прежние периоды фундаментальных исследований. Иначе говоря, деля институты и вузы на разные категории, государство стремится оставить достойное финансирование только организациям, которые в предыдущие десятилетия показали значимые результаты [5]. Для страны с хронически положительным сальдо торгового баланса, а значит «обреченной» на избыточные финансовые ресурсы при проведении грамотной государственной политики, по меньшей мере странным выглядит отказ от финансирования НИОКР по широкому фронту научных направлений. Как известно, в рамках ФАНО неоднократно предпринималась попытка из примерно 150–160 реально существовавших в стенах РАН обособленных укрупненных научных направлений оставить финансирование 30–40, максимум 60–70. Это путь к превращению России в страну

мировой «периферии», поскольку прорывные научные результаты редко получаются в рамках рутинных исследований, показавших свою эффективность 20–50 лет назад. Кроме того, одаренные молодые исследователи, которым «не повезло» работать в России в тех научных дисциплинах, где в 1990–2000-е годы были организационные и иные проблемы, обрекаются государством на эмиграцию в зарубежные научные центры либо уход из науки, например, в бизнес.

Следует упомянуть еще об одной важной ошибке, совершенной в России в сфере НИОКР в организационном плане, о гонке за количеством статей в зарубежных наукометрических базах данных, а также о слиянии крупных научных центров. Мы не будем обсуждать плюсы и минусы перехода на западные стандарты подготовки научных статей – время покажет, насколько это верное решение, которое сейчас очень активно обсуждается многими российскими учеными (судя по числу статей в РИНЦ). Хотя за последнее время культура цитирования коллег и предшественников действительно повысилась, нередко происходит формальное раздувание списка литературы в ущерб основному тексту (когда для подробного описания результатов исследования почти не остается места). Более стройное изложение по модели IMRAD (введение, методы, результаты и обсуждение) сопровождается потерей национальной модели лучших образцов статей российских обществоведов («статья-детектив»). Кроме того, попытка преодолеть разрыв между столичной и периферийной наукой при публикации статей в научных журналах сопровождается повышенным вниманием к географии научных учреждений, в которых работают авторы, иногда даже в ущерб качеству статей. Кроме того, стремясь «продать себя», журналы стараются публиковать часто цитируемых авторов в ущерб традиционной функции давать площадку для дискуссий в рамках новых научных школ.

Другим отрицательным явлением становится имитация научной деятельности за счет приоритетной оценки не качества исследовательской работы, а ее наукометрических показателей. За последние 5–7 лет это происходит в России практически повсеместно. Связано это с тем, что во многих отчетах ученых и научных организаций перед государственными инстанциями «вклад в науку» подменяется «публикационной активностью». Достаточно вспомнить, что даже в Указе Президента РФ от 7 мая 2021 г. № 599⁴ в качестве целевого показателя фигурирует доля российских публикаций (любого качества и в любых журналах) с индексацией в Web of Science. Цитируемость также не имеет прямой связи с научной ценностью содержания статьи [13]. После вала кри-

⁴ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». <https://base.garant.ru/70170946>.

тических публикаций (в том числе в научной прессе) в середине 2010-х годов накал страстей по поводу внедрения наукометрии в жизнь российских ученых утих. Однако представители некоторых вузов, демонстрирующих наибольшие «успехи», при этом продолжают акцентировать внимание на позитивных сторонах количественных оценок эффективности деятельности ученых и организаций, в лучшем случае предлагая различные способы повышения «точности» таких инструментов. Вместе с тем по-прежнему звучат и удручающие высказывания о том, что растущая подотчетность ученых и исследователей обществу в условиях современной России превращается в подотчетность вертикали власти. Причем установленные на политическом уровне цели укрепления экономических и политических позиций страны в мире постепенно замещаются задачами максимизации частной эффективности высокоранговых участников данных торгов. В результате происходит качественная модификация сферы науки – классические ученые-исследователи постепенно замещаются политизированными администраторами академического типа и академическими предпринимателями, которые, в отличие от стран Запада, в России борются за перераспределение государственных финансовых ресурсов в пользу возглавляемых ими вузов и исследовательских организаций в рамках вертикальных административных торгов [6].

Южнокорейский опыт развития сферы НИОКР и подготовки научных кадров

В условиях слабой активности частного бизнеса в сфере НИОКР весьма полезным для России может оказаться южнокорейский опыт. Прежде чем в Южной Корее проведением НИОКР стали активно заниматься частные конгломераты чеболь, вклад которых стал заметно проявляться с конца 1980-х годов, в стране были созданы государственные исследовательские институты и подготовлены необходимые для проведения научных работ профессиональные научные и инженерные кадры (в 1960–1970-е годы). Однако и сейчас государство в Южной Корее играет важную роль в национальной инновационной системе, опираясь в том числе на многочисленные исследовательские институты, созданные в 1970-е и получившие новый импульс для развития в 1980-е годы. Так, например, в 1976 г. был создан Корейский институт технологий в сфере электроники, который в 1985 г. путем слияния с работавшим в сфере телекоммуникаций институтом был преобразован в ETRI – Институт изучения электроники и телекоммуникаций. Уже на волне демократизации были созданы Корейский институт фундаментальных исследований (1988 г.) и Национальный институт термоядерных исследований (1995 г.). В этих условиях молодые спе-

циалисты, получавшие профессиональную подготовку, были обеспечены рабочими местами в НИИ, что не вынуждало их эмигрировать в другие страны, хотя формально в вузах наблюдалась избыточная занятость. В этом заключается особенность южнокорейской инновационной модели – сильные государственные НИИ (создавшие большое количество дополнительных рабочих мест) и сеть частных компаний при слабых вузах (хотя именно в вузах занято более половины сотрудников с учеными степенями). Вместе с тем стоит отметить, что в настоящее время роль университетов в южнокорейской инновационной системе постепенно увеличивается [17].

В отличие от многих постсоциалистических стран, в Южной Корее никогда не делалась ставка на приток прямых иностранных инвестиций для приобретения новых готовых технологий. Зарубежные технологии поступали сначала через импорт лицензий (чтобы зарубежные ТНК не подрывали позиций тогда еще слабых чеболь), а потом в соответствии с концепцией Мун Хвэ Чана была сделана ставка на покупку за рубежом не технологий, а самих фирм, их разрабатывающих (потом эту стратегию с успехом и в больших масштабах начал повторять Китай). Параллельно в 1980-е годы был открыт доступ инвестиций иностранных ТНК в Южную Корею. Примечательно, что в Южной Корее стремительно растущий удельный вес НИОКР, осуществляемых бизнес-структурами, а не университетских НИОКР приводит к сокращению значения исследований, проводимых подконтрольными государству институтами. Это закономерно, поскольку в частные компании постепенно уходит прикладная и экспериментальная наука.

Тем не менее абсолютные расходы Корейского института науки и технологий (специализируется в когнитивных науках, биомедицине, материаловедении, экологических технологиях и др.) увеличились за первое десятилетие XXI в. более чем вдвое, а Корейского института передовой науки (специализируется в энергетике, медицине, безопасности и проч.) почти втрое. При этом подчеркнем, что сокращение удельного веса государства в финансировании НИОКР не противоречит росту расходов государства на НИОКР не только в абсолютном выражении, но и в пропорции к ВВП. При этом в Республике Корея пришли к выводу, что наиболее эффективным является наращивание расходов на НИОКР в периоды экономических кризисов. В годы подъема положительный эффект от наращивания расходов на НИОКР оказывается меньше [18].

Китай идет по сходному с южнокорейским пути, поскольку в стране понимают, что на первых порах именно государственный сектор должен абсорбировать подготовленные в государственных вузах научные кадры. Финансовые ассигнования в сферу «знаний» в качестве фактора производства «работают» лишь при наличии необходимого персо-

нала. Как показывает южнокорейский опыт, уже через два-три десятилетия научные кадры начнут привлекаться в лаборатории олигархических по своей природе частных исследовательских и инновационных компаний [17]. Если же в России в государственных вузах сохранять подготовку квалифицированных кадров, пригодных для научной деятельности, в условиях сокращения для них рабочих мест, то это лишь будет стимулировать эмиграцию или уход в сектора, далекие от науки.

Ограниченные возможности использования западногерманского опыта в России

К сожалению, в России по-прежнему больше внимания обращают не на азиатский, а на западноевропейский опыт, игнорируя при этом исторические реалии формирования тех или иных подходов к управлению НИОКР. Например, в конце 2020 – начале 2021 г. наша общественность ознакомилась с предложением внедрить в нашей стране германскую модель⁵. Как человек, много лет изучающий ФРГ, считаю своим долгом объяснить реальные исторические корни современной организации НИОКР в научно-исследовательских институтах этой страны.

После фактического уничтожения Прусской (она же Берлинская или Королевская) академии наук и деградации многих НИИ во времена нацистской диктатуры Гитлера в результате этнических чисток и идеологических репрессий в конце 1940-х годов в оккупированной союзниками Западной Германии организационно-управленческая структура вневузовских НИИ была воссоздана на базе децентрализованной системы научных обществ.

Цель союзников не допустить нового чрезмерного экономического и политического возвышения Германии в основном была достигнута. Например, если за 1901–1939 гг. в Германии Нобелевской премии по физике были удостоены 10 человек, то за 75 послевоенных лет – лишь 14 человек, Нобелевской премии по химии за 39 предвоенных лет – 16 человек (еще один в 1944 г.), за 75 лет после окончания Второй мировой войны – только 12 человек.

Доминирующее в российской литературе мнение, что в ФРГ все общества создавались с особой специализацией, не соответствует действительности. В реальности после 1945 г. было создано лишь Общество им. Макса Планка для проведения фундаментальных исследований, причем в отрыве от прикладной науки. За 1946–1948 гг. британцы убе-

⁵ No comment // Троицкий вариант. 2020. №319. С. 2. <https://trv-science.ru/2020/12/kovalchuk-no-comment/?fbclid=IwAR0yvnNAEqOyGXICIMJjyK90NfghthXPZ4dsIReS04FC3i6288NZISMSLAUQ>.

дили американцев не уничтожать вовсе НИИ Общества кайзера Вильгельма, находившиеся в ведении Прусской академии наук (само общество распустили в 1960 г.). К 1953 г. в Общество влились более 20 НИИ.

Созданное в 1949 г. Общество им. Фраунгофера лишь в 1952 г. впервые названо на уровне министерства «третьим столпом» германской науки наряду с Обществом им. Макса Планка и Немецким научно-исследовательским обществом – DFG (которые в тот период сильно конфликтовали за сферу полномочий и государственные ресурсы). Однако до 1954 г. Общество им. Фраунгофера не имело НИИ и было под угрозой ликвидации. Лишь поддержка южных земель позволила организовать в Обществе первый исследовательский институт прикладного характера, а получение заказов оборонного ведомства в 1956 г. дало средства для открытия новых НИИ (к 1959 г. их было уже 9).

Вместе с тем большинство НИИ в ФРГ (включая знаменитый Гамбургский институт морских и тропических болезней) до конца 1960-х годов были лишены федеральных денег. Многие институты, однако, выжили. Более того, за пределами научных обществ создавались новые НИИ, обычно при поддержке федеральных земель. В результате дискуссии федерации и земель о необходимости финансовой поддержки НИИ, не вошедших в научные общества, из более чем 300 учреждений был отобран «синий список» 46 организаций – с 1979 г. у них появился общий научный совет. С течением времени проводились реорганизации, но в итоге к моменту объединения Германии все равно было 47 организаций – а после объединения с ГДР их число увеличено до 81 НИИ. «Научное объединение голубого листа» лишь с 1997 г. стало именоваться Обществом имени Лейбница. Институты очень разные по размеру персонала (в 2019 г. – от 32 человек до 824 человек) представляют почти все направления науки.

Еще раньше возникло Объединение им. Гельмгольца – в 1995 г. на базе созданного в 1958 г. «Рабочего комитета по вопросам управления и эксплуатации германских ядерных реакторов». Появление Рабочего комитета было призвано не допустить неподконтрольной западным оккупационным властям собственной германской ядерной программы. Лишь к началу 2000-х годов Объединение фактически превратилось в полноценное научное общество с появлением централизованного финансирования, но с сохранением независимости институтов. В силу капиталоемкости ядерной физики на это научное объединение приходится наибольший объем ассигнований на НИОКР вневузовских НИИ.

В ГДР на базе разрушенной нацистами Прусской академии наук была восстановлена Германская академия наук (позднее Академия наук ГДР), которая после объединения Германии стала одной из 8 региональных академий (Берлинско-Бранденбургская академия наук), но часть лабораторий отошла к НИИ западногерманских научных обществ.

В настоящий момент к ведущим научным обществам ФРГ относятся:

1. Общество им. Макса Планка (Max-Planck-Gesellschaft, <http://www.mpg.de>) – 86 институтов (5 за рубежом), почти 24 тыс. занятых (из них 6,9 тыс. научных работников и сотрудников), в том числе почти 3 тыс. стипендиатов и приглашенных ученых. При этом 53,9% ученых и 32,8% всего персонала имеют зарубежное гражданство. Финансирование большинства установок осуществляется поровну федерацией и землями, части – лишь федерацией.

2. Общество им. Фраунгофера (Fraunhofer-Gesellschaft, <http://www.fraunhofer.de>) – 74 института (не считая десятков самостоятельных подразделений за пределами Германии), 28 тыс. занятых. Около 30% финансирования идет от государства (федерации и земель), а 70% благодаря заказам бизнеса и грантам.

3. Объединение им. Гельмгольца (Helmholtz-Gemeinschaft, <http://www.helmholtz.de>) – 18 автономных институтов, 42 тыс. занятых (в т.ч. среди ученых – 7 тыс. иностранцы). В отличие от Общества им. Фраунгофера доля бюджетного финансирования составляет 70%, причем в отличие от Общества им. Макса Планка вклад федерации значительно выше – 9/10.

4. Объединение им. Лейбница (Wissenschaftsgemeinschaft Gottfried Wilhelm Leibniz, сейчас обычно называют Leibniz-Gemeinschaft, <http://www.leibniz-gemeinschaft.de>) – 96 институтов (число НИИ стремительно растет, т. к. еще в 2010 г. – 81); 20,6 тыс. занятых в 2019 г., из них 11,5 тыс. ученых (самый высокий процент среди научных обществ), причем доля иностранных ученых быстро растет, составив 24,4% в 2019 г. Доля финансирования федерацией и землями – 2/3.

Названные общества (кроме Объединения им. Гельмгольца) не имеют «отраслевой» специализации. Даже разделение на фундаментальные и прикладные науки условно между Обществом им. Макса Планка и Обществом им. Фраунгофера. Ведь первое из них представлено организациями как естественнонаучного, так общественно-гуманитарного профиля, есть в нем также технические и медицинские НИИ. Например, Институт Макса Планка по изучению преступности, безопасности и права во Фрайбурге официально занимается как фундаментальными, так и прикладными исследованиями в области правоведения, общественных наук и психологии. Институт Макса Планка по изучению социальной антропологии в Галле подчеркивает, что акцент НИИ на теории антропологии не отменяет прикладное значение многих исследовательских программ. Более того, у многих институтов Общества им. Макса Планка нет «близнецов» в прикладной науке Общества им. Фраунгофера. Действительно, было бы «натяжкой» считать Институт Макса Планка по проведению демографических исследований в Ростке организацией, работающей сутобо в фундаментальной науке,

а Центр международного менеджмента и экономики знаний Общества им. Фраунгофера в Лейпциге – институтом сутобо прикладной науки.

Объединение им. Лейбница отличается от Общества им. Макса Планка главным образом юридическим статусом институтов (некоторые вообще созданы при вузах) и связанным с этим характером финансирования. Все институты разделены на 5 секций: 1) гуманитарных и педагогических наук (включая музеи); 2) экономики и социальных наук; 3) наук о жизни; 4) математики, естественных и технических наук; 5) наук об окружающей среде (включая сельское хозяйство). По сути, Объединение им. Лейбница – параллельная Обществу им. Макса Планка вторая германская структура академической науки, но возникшая спонтанно «снизу». Тем не менее ее современной основой являются не только возникшие после 1945 г. новые институты в западных землях, но и осколки не уничтоженной германской имперской науки (типа созданного в 1900 г. Института тропической медицины в Гамбурге) и некоторые из сохранных институтов бывшей ГДР (включая основанный еще в 1927 г. исследовательский центр, ныне называемый Институт Лейбница по изучению аграрной техники и биоэкономики).

Таким образом, децентрализация вневузовских НИИ Германии связана не столько с конкуренцией обществ друг с другом (в реальности они при необходимости сотрудничают) или размежеванием технических, естественных и гуманитарных наук, сколько с историей страны. Наличие сразу 4 обществ объясняется крахом Германии в результате нацистской диктатуры и восстановлением страны на условиях высокой децентрализации экономической и политической жизни на фоне целенаправленного ограничения финансирования науки федеральными властями вплоть до восстановления страной полного суверенитета в 1990 г. Не случайно поэтому за несколько десятилетий НИОКР сместились в Германии из вневузовских НИИ в другие сферы, включая университеты. Иначе говоря, столь любимый некоторыми отечественными экспертами германский опыт послевоенного развития научных обществ, при всем кажущемся сходстве вневузовских НИИ с положением организаций, входивших до реформы 2013 г. в состав Российской академии наук, может оказаться просто вредным.

Похожий на российский, но еще более неоднозначный опыт Венгрии

Для России большую актуальность представляет весьма драматичная судьба Венгерской академии наук, специфика постсоциалистической трансформации которой ближе всего подходит для проведения аналогий с Российской академией наук. Сначала по западному образцу в Венгрии была проведена реформа университетов. Был сни-

жен статус государственного органа, ответственного за научную сферу. До 1990 г. глава Национального комитета технологического развития имел статус вице-премьера, в 1990–1994 гг. – статус министра без портфеля, с 1994 г. – еще ниже. Однако реформы не привели к сильному принижению статуса Венгерской академии наук (ВАН), существующей с 1820-х годов, но обзаведшейся сетью НИИ лишь в 1950-е годы, по образцу Германии и Советского Союза. Более того, только ВАН получила право присуждения российского аналога докторских ученых степеней, тогда как вузы могут самостоятельно присуждать российский аналог кандидатских ученых степеней. В плане управления ВАН, не ломая системы выборов академиков и член-корреспондентов, в 1995 г. была учреждена генеральная ассамблея ВАН, в которую на трехлетний срок избирались 200 представителей венгерского научного сообщества с учеными степенями (со всеми правами членов ВАН, коих около 360 человек, кроме права участвовать в выборах новых членов). Сохраняется деление академиков на 11 тематических секций. Законом 1994 г. Академии была возвращена часть собственности, отобранная в первые годы рыночных реформ (библиотеки, дома отдыха и проч.), оставлен научный контроль над академическими институтами и автономными лабораториями университетов [15]. В институтах ВАН сейчас занято менее 1/10 ученых Венгрии (поскольку основная их часть сконцентрирована в бизнесе). Однако пока иностранные ТНК не занимались активными НИОКР, роль ВАН была почти сопоставима с университетской наукой (при этом связка НИИ и вузов всегда была очень крепкой – и благодаря лабораториям ВАН в вузах, и благодаря тому, что свыше 1/3 ученых ВАН преподают в университетах).

К сожалению, во второй половине 2010-х годов в Венгрии началась новая реформа ВАН, политически мотивированная и нацеленная на ограничение академических свобод, что уже широко признано на уровне ЕС. Сначала в 2015 г. были объединены более 40 институтов ВАН в 15 исследовательских центров⁶. По факту у каждого из институтов ВАН остался свой сайт, а отчетность по исследовательским центрам в сети Интернет до сих пор отсутствует (сайты центров содержат очень общую информацию и ссылки на сайты отдельных институтов). Свидетельств о повышении эффективности научной работы в результате слияния в один центр институтов в разных городах (институты экономики в Будапеште и Пече) либо из разных отраслей в Будапеште (философии, литературоведения, истории искусств, этнологии, археологии, истории и музыковедения) пока в публикациях нами не найдено.

⁶ Нынешняя структура. <https://mta.hu/english/mtas-research-centres-and-institutes-106085>.

Параллельно в 2015 г. была упорядочена система управления всей научной сферой в Венгрии. Основными источниками государственного финансирования НИОКР стали Национальный фонд исследований, разработок и инноваций (NKFI), интегрировавший Венгерский фонд научных исследований (ОТКА), и различные операционные программы структурных фондов ЕС, софинансируемые из центрального бюджета страны. В 2019 г. был сделан второй шаг по ликвидации прежнего статуса ВАН – наряду с выдавливанием известного частного Центрально-Европейского университета в соседнюю Австрию, консервативное националистическое правительство В. Орбана для сокращения влияния в обществе ученых-оппозиционеров решило разделить, несмотря на протесты ученых, ВАН и систему его институтов в части финансирования и администрирования [16]. При этом борьба с учеными велась политиками-популистами под лозунгами улучшения условий для инноваций [14]. Вместе с тем проведенный также в 2019 г. аудит (с привлечением иностранных экспертов) показал, что сеть исследовательских центров ВАН – одна из самых эффективных научных сетей в Европе⁷.

Заключение

К сожалению, каждая ошибка в сфере НИОКР оборачивается для России огромными косвенными потерями, закрепляющими «периферийный» характер российской экономики. Многие меры научно-технологической политики и их последствия эксперты имеют возможность трактовать двояко. Например, даже утечка умов за рубеж из-за низких зарплат и ограниченных возможностей для научного роста может в условиях отсутствия «железного занавеса» трактоваться лишь как стремление ученых максимально использовать возможности глобализации для раскрытия своего творческого потенциала, а также приобрести опыт работы в иной научной среде для его использования на родине (когда-нибудь в будущем)⁸. Тем не менее мы считаем очевидной задачу сохранения квалифицированных научных кадров, а также среды для их воспроизводства. Во-первых, это требует достойных зарплат, а как показала российская практика и опыт некоторых

⁷ <https://mta.hu/english/performance-report-on-mta-research-network-institutes-concluded-109604>.

⁸ Это не гипотетический пример, а пересказ заочной полемики мая 2021 г. между главным ученым секретарем РАН и пресс-секретарем президента Российской Федерации. <https://www.bbc.com/russian/features-57028917>. Подобные дискуссии ведутся и в рассмотренной нами Венгрии, где постоянный отток научных кадров в более развитые страны ЕС власти стараются не замечать, рассказывая о важности европейской интеграции.

зарубежных стран, в условиях низкой активности бизнеса это невозможно без наращивания государственных расходов на НИОКР для сохранения соответствующих рабочих мест. При этом никто не мешает государству реально регулировать пропорции между направлениями подготовки специалистов разного профиля для российской науки. Во-вторых, разумеется, ученым нужна комфортная исследовательская среда. Стремительные масштабные трансформации сферы НИОКР обычно лишь порождают конфликты между властью и научным сообществом, но не обеспечивают такого же быстрого роста эффективности научных исследований, тогда как эволюционные преобразования через два-три десятилетия дают хорошие результаты для экономики.

Проблема оценки эффективности сферы НИОКР еще сложнее. Однако нельзя забывать, что «подотчетность науки перед обществом» на практике сводится к подотчетности отдельных ученых и исследовательских единиц перед бюрократическими организациями, тогда как общество в форме общественного мнения до сих пор признает науку полезной для себя, обычно выступая за наращивание расходов на НИОКР [12]. При этом напомним, что в случае России необходимые средства для развития фундаментальной науки у государства имеются, чем ситуация кардинально отличается от периода реформ 1990-х годов. Закономерным образом не связанные с наукой бюрократы желают получить простые инструменты оценки, которые на практике еще и искажаются лоббистским давлением. К тому же принимаемые чиновниками решения сэкономить на науке обычно негативно сказываются на развитии общества уже за пределами горизонта их срока службы – достаточно вспомнить приведенные нами примеры недофинансирования западногерманских вневузовских НИИ в 1950–1970-е годы. Другое дело, что в интересах общества необходимо усилить конкуренцию в научной среде – избегать отказа от существования параллельно работающих по смежной тематике научных групп в разных организациях (под предлогом ликвидации дублирования), стремиться создавать различные инструменты грантового финансирования (а не сливать все научные фонды в единый) и т. д. Только так можно минимизировать недобросовестное поведение различных групп, заинтересованных в распределении государственного финансирования. И Россия тут не является исключением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дежина И.Г. Российская наука и новые планы ее развития // Инновации. 2018. № 12. С. 3–10.
2. Дежина И., Нафикова Т., Гареев Т., Пономарев А. Налоговое стимулирование конкурентоспособности телекоммуникационных компаний // Форсайт. 2020. № 2. С. 51–62. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.2.51.62.
3. Иванов В.В. Научно-технологическая политика в условиях новой стратегии развития России // Инновации. 2019. № 4. С. 3–7.
4. Ильин А.Н. Утилизация науки в обществе потребления // Свободная мысль. 2019. № 1. С. 79–88.
5. Ковальчук М.В. Основной доклад на заседании Круглого стола «Статус российской науки: настоящее и будущее» // Вестник РФФИ. 2018. № 2. С. 14–23.
6. Курбатова М.В. Левин С.Н., Саблин К.С. Импорт инструментов научной политики в современной России // Журнал институциональных исследований. 2021. Т. 13. № 3. С. 37–52. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.037-052.
7. Ленчук Е.Б. О качестве государственного управления научно-технологическим развитием // Экономическое возрождение России. 2021. № 1. С. 31–38. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-31-38.
8. Михайлов А.М., Михайлов М.В. Информация и знания в системе факторов постиндустриального производства // Экономические науки. 2010. № 7. С. 49–54.
9. Нижегородцев Р.М., Горидько Н.П. Модели экономического роста: ретроспективный анализ и современные тенденции // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Экономические науки. 2012. № 4. С. 6–11.
10. Никифоров А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 58–61.
11. Пипия Л.К., Дорогокупец В.С. К вопросу об оценке результатов научной деятельности // Инновации. 2017. № 1. С. 39–45.
12. Тамбовцев В.Л. Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 15–39. DOI: 10.19181/smt.2020.2.1.1.
13. Цветкова В.А., Мохначева Ю.В. Научная среда и публикационная активность: риски библиометрических оценок // Культура: теория и практика. 2020. № 2. <http://theoryofculture.ru/issues/113/1344/>.
14. Abbott A. Hungarian science struggle sparks protests // Nature. 2019. Vol. 566. February. P. 306–307. DOI: 10.1038/d41586-019-00586-z.
15. Berényi D. The task of academies of sciences and the reform of the Hungarian Academy of Sciences // Higher Education in Europe. 1995. Vol. 20. № 4. P. 238–239.
16. Devi Sh. Hungarian Government taking over science academy // Lancet. 2019. Vol. 394. July. P. 201. DOI: 10.1016/S0140-6736(19)31668-X.
17. Jung J., Mah J.S. R&D Policies of Korea and Their Implications for Developing Countries // Science, Technology & Society. 2013. Vol. 18. № 2. P. 165–188.
18. Lee D. Role of R&D in the productivity growth of Korean industries: Technology gap and business cycle // Journal of Asian Economics. 2016. Vol. 45. P. 31–45.
19. Main Science and Technology Indicators, Vol. 2021. Issue 1. Paris: OECD, 2021.
20. World Economic Outlook: Recovery During a Pandemic. October 2021. Washington, DC: IMF, 2021.

REFERENCES

1. *Dezhina I.G.* Russian science and new plans for its development // *Innovations*. 2018. № 2. P. 310. (In Russ.).
2. *Dezhina I., Nafikova T., Gareev T., Ponomarev A.* Tax Incentives for Supporting Competitiveness of Telecommunication Manufacturers // *Foresight and STI Governance*. 2020. Vol. 14. № 2. P. 51–62. (In Russ.). DOI: 10.17323/2500-2597.2020.2.51.62.
3. *Ivanov V.V.* Science and technological policy in conditions of new development strategy of Russia // *Innovations*. 2019. №4. P. 3–7 (in Russ.).
4. *Ilyin A.N.* Utilitarianism of science in a consumer society // *Svobodnaya Misl'*. 2019. № 1. P. 79–88 (In Russ.).
5. *Kovalchuk M.V.* Basic report on the round table «Status of Russian science: current situation and future» // *Herald of RFBR*. 2018. № 2. P. 14–23. (In Russ.).
6. *Kurbatova M.V., Levin S.N., Sablin K.S.* Import of scientific policy instruments in contemporary Russia // *Journal of Institutional Studies*. 2021. Vol. 13. № 3. P. 37–52. (In Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.037-052.
7. *Lenchuk E.B.* On the quantity of public administration of research and technology development // *The Economic Revival of Russia*. 2021. № 1. P. 31–38. (In Russ.). DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-31-38.
8. *Mikhailov A.M., Mikhailov M.V.* Information and knowledge in the system of post-industrial development factors // *Economic Sciences*. 2010. № 7. P. 49–54. (In Russ.).
9. *Nizhegorodtsev R.M., Gorid'ko N.P.* Models of economic growth: retrospective analysis and current tendencies // *Vestnik Instituta Druzhbi Narodov Kavkaza. Ekonomicheskkiye Nauki*. 2012. № 4. P. 6–11. (In Russ.).
10. *Nikiforov A.L.* Fundamental science in the 21st century. Is fundamental science dying? // *Voprosy filosofii*. 2008. № 5. P. 58–61/ (In Russ.).
11. *Pipiya L.K., Dorogokupets V.S.* Some comments on the evaluation of research productivity // *Innovations*. 2017. № 1. P. 39–45. (In Russ.).
12. *Tambovtsev V.L.* Validity of Russian science policy's instruments: What the world's experience says // *Science management: theory and practice*. 2020. Vol. 2. № 1. P. 15–39. DOI: 10.19181/smt.2020.2.1.1.
13. *Tsvetkova V.A., Mokhnacheva Yu.V.* Scientific environment and publication activity: risks of bibliometric estimates // *Culture: Theory and Practice*. 2020. № 2. (In Russ.). <http://theoryofculture.ru/issues/113/1344>.
14. *Abbott A.* Hungarian science struggle sparks protests // *Nature*. 2019. Vol. 566. February. P. 306–307. DOI: 10.1038/d41586-019-00586-z.
15. *Berényi D.* The task of academies of sciences and the reform of the Hungarian Academy of Sciences // *Higher Education in Europe*. 1995. Vol. 20. № 4. P. 238–239.
16. *Devi Sh.* Hungarian Government taking over science academy // *Lancet*. 2019. Vol. 394. July. P. 201. DOI: 10.1016/S0140-6736(19)31668-X.
17. *Jung J., Mah J.S.* R&D Policies of Korea and Their Implications for Developing Countries // *Science, Technology & Society*. 2013. Vol. 18. № 2. P. 165–188.
18. *Lee D.* Role of R&D in the productivity growth of Korean industries: Technology gap and business cycle // *Journal of Asian Economics*. 2016. Vol. 45. P. 31–45.
19. *Main Science and Technology Indicators*, Vol. 2021. Issue 1. Paris: OECD, 2021.
20. *World Economic Outlook: Recovery During a Pandemic*. October 2021. Washington, DC: IMF, 2021.

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Alexey Vladimirovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Director of INION, Doctor of Economic Sciences, Visiting Scholar of the Institute for Research in International Economic Relations. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
kuznetsov_alexei@mail.ru

R&D MANAGEMENT: RUSSIAN PROBLEMS AND WORLD EXPERIENCE

The article shows the stagnation of R&D expenditures in Russia, which leads to an increase in the country's lag behind world leaders. It is explained why the state plays an insufficient role in direct support of science in Russia, especially in terms of stimulating the influx of highly qualified personnel into the field of fundamental research and retaining them in Russian applied science. A number of mistakes in reforming the Russian R&D sphere in the 2010s are pointed out, which ultimately strengthens the peripheral nature of the Russian economy in the world economy. The research is based on the analysis of both modern Russian realities and some under-estimated cases of foreign experience, primarily South Korean and West German, as well as Hungarian. In particular, it shows the fallacy of idealizing the experience of Germany by refuting stereotypes about the history of the formation of leading scientific societies in Germany.

Keywords: reforms of Russian R&D sector, R&D personnel, R&D expenditures, scientific societies in Germany, preservation of scientific personnel by South Korean state, reform of the Hungarian Academy of Sciences.

JEL: O38, O57.

Д.И. УШКАЛОВА

кандидат экономических наук, руководитель Центра исследований
международной макроэкономики и внешнеэкономических связей
ФГБУН Институт экономики РАН**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МИРОВЫХ ЦЕН
НА ТЕМПЫ ИНФЛЯЦИИ В РОССИИ
И МЕРАХ ПО СНИЖЕНИЮ ВНЕШНИХ
ИНФЛЯЦИОННЫХ РИСКОВ**

Статья посвящена анализу взаимосвязи цен на мировых товарных рынках на этапе восстановления мировой экономики после коронакризиса 2020-го года с ростом и темпами инфляции. Рассматриваются ключевые причины повышения мировых цен на этапе восстановления мировой экономики в 2021 г., закономерности влияния мировых цен на темпы инфляции и факторы, определяющие степень этого влияния в разных странах мира. Анализируются основные каналы воздействия мировой конъюнктуры на темпы инфляции в России и меры, направленные на элиминацию негативного внешнего инфляционного давления.

Ключевые слова: мировые цены, инфляция, мировые товарные рынки, мировые цены на нефть, коронакризис и восстановление мировой экономики, экспорт, импорт, экспортные пошлины, зерновой демпфер.

JEL: F01, F10, F14, E31.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_38_50.

**Восстановление мировой экономики
после коронакризиса 2020-го года, инфляция и цены
на мировых товарных рынках**

Восстановление мировой экономики после «Великой дисрапции» (the Great Disruption)¹ 2020 г. происходит неравномерно и сопровожда-

¹ Понятие «the Great Disruption» для обозначения кризиса, связанного с распространением пандемии Covid-19, было впервые использовано в докладе ООН «The World Economic Situation and Prospects 2021» [1] и не имеет точного перевода на русский язык. Английское слово «disruption» используется для обозначения неких событий, прерывающих действие или процесс и вызывающих радикальные изменения в системе (ее трансформацию). Так, например, данный термин используется в теории подрывных инноваций К. Кристенсена и обозначения цифровой революции (digital disruption). Дословно «disruption» переводится на русский язык как разрушение, срыв, разрыв, пробой, которые, однако, не вполне отражают смысл данного слова в оригинале. В этих условиях в русском языке в качестве перевода данного понятия чаще всего используется словосочетание «Великая дисрапция» (см., например, [2]).

ется возникновением диспропорций на различных товарных рынках, обусловивших рост инфляции в большинстве стран (см. табл. 1). Так, после сокращения производства ряда товаров в 2020 г. (в условиях карантинных ограничений и сжатия спроса) в 2021 г. некоторые производители оказались не готовы к быстрому восстановлению мировой экономики и не смогли нарастить производство в достаточных объемах, что привело к дефициту в различных сегментах мирового товарного рынка (например, на рынке микрочипов). Нарушению нормального производственного процесса в рамках цепочек добавленной стоимости способствовали и логистические проблемы (сбои в системе распределения контейнеров в ходе пандемии; нарушения в работе ряда портов, связанные с противоэпидемическими мероприятиями; закрытие Суэцкого канала).

Таблица 1

**Динамика потребительских цен в отдельных странах
и регионах мира (прирост к предыдущему году, %)**

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.*	2022 г.*
Развитые страны	2,0	1,4	0,7	2,8	2,3
Крупнейшие развитые страны	2,1	1,5	0,8	3,0	2,5
США	2,4	1,8	1,2	4,3	3,5
Еврозона, в т. ч.	1,8	1,2	0,3	2,2	1,7
Германия	1,9	1,4	0,4	2,9	1,5
Франция	2,1	1,3	0,5	2,0	1,6
Италия	1,2	0,6	-0,1	1,7	1,8
Азиатские развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками, в т. ч.	2,7	3,3	3,1	2,3	2,7
Китай	2,1	2,9	2,4	1,1	1,8
Европейские развивающиеся страны и страны с формирующи- мися рынками, в т. ч.	6,4	6,6	5,4	8,4	7,1
Россия	4,6	3,8	2,6	4,3	3,4
Турция	16,3	15,2	12,3	17,0	15,4
Беларусь	4,9	5,6	5,5	9,2	8,3
Украина	10,9	7,9	2,7	9,5	7,1
Латинская Америка и Карибский регион	6,6	7,7	6,4	9,3	7,8
Ближний Восток и Центральная Азия	9,5	7,3	10,1	11,7	8,5
Африка южнее Сахары	8,3	8,2	10,3	10,7	8,6

Примечание: * – прогноз МВФ.

Источник: составлено автором по: данные МВФ [3, с. 119-122].

Возникший на фоне пандемии дисбаланс спроса и предложения привел к заметному росту цен на различные виды продукции (см. рис. 1 и табл. 2) и повышению темпов инфляции. Так, по прогнозу МВФ, по итогам 2021 г., мировые цены на продовольствие возрастут на 27,8%, на металлы – почти в 1,5 раза, что неизбежно приведет к удорожанию машинно-технической продукции, повышению стоимости строительства и пр. Следует при этом отметить, что все последние годы в мире возрастает влияние «импортируемой» инфляции: по оценкам, средняя доля глобальных (зависящих от мировых, а не только от внутренних факторов) компонентов индексов потребительских цен в развитых экономиках увеличилась с 27% (1990–1994 гг.) до 57% (2015–2017 гг.) [4].

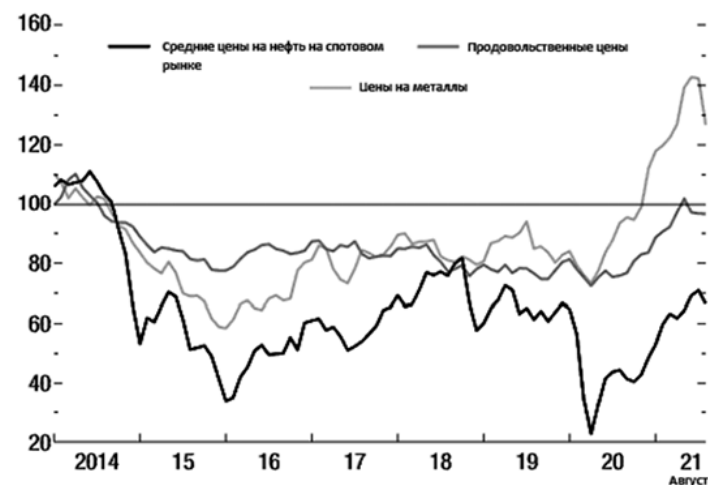

Рис. 1. Динамика цен на сырьевые товары (дефлировано с использованием индекса потребительских цен США, 2014 = 100).

Источник: данные и расчеты МВФ [3, с. 10].

Таблица 2

**Динамика мировых цен на основные группы товаров, в долл. США
(прирост к предыдущему году, %)**

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.*	2022 г.*
Промышленные товары	2,0	0,5	-3,2	5,5	4,4
Нефть	29,4	-10,2	-32,7	59,1	-1,8
Нетопливные сырьевые товары, в т. ч.	1,3	0,8	6,7	26,7	-0,9
продовольственные товары	-1,2	-3,1	1,7	27,8	1,9
напитки	-8,2	-3,8	3,5	14,1	5,8
сельскохозяйственное сырье	2,0	-5,4	-3,3	17,0	0,2
металлы	6,6	3,7	3,5	49,7	-6,5

Примечание: * – прогноз МВФ.

Источник: составлено автором по: данные МВФ [3, с. 124].

По прогнозам МВФ, темпы инфляции достигнут максимумов в конце 2021 г., а к середине 2022 г. должны вернуться к допандемийным уровням (в среднем около 2%), однако при этом сохраняются риски, связанные с возможным недостатком предложения на товарных рынках, отраслевыми сбоями и масштабными колебаниями цен на сырьевые товары [3, с. 45–46].

Воздействие динамики мировых цен на темпы инфляции существенно дифференцировано по странам и зависит от структуры экономики и внешней торговли (степени зависимости от внешних источников сырья и продовольствия), от уровня доходов (доли затрат на продовольственные товары в структуре расходов домохозяйств) и пр. Так, например, с учетом динамики мировых цен, в последние два года темпы продовольственной инфляции были выше в странах с низким уровнем продовольственной безопасности. По расчетам МВФ, если в целом за время пандемии номинальные мировые цены на продовольственные товары возросли на 40%, то реальные внутренние цены на отечественные продукты питания в развивающихся странах возросли только на 4% [3, с. 58].

Аналогичным образом, средние темпы инфляции в странах – экспортерах нефти были ниже, чем в странах-импортерах. Например, если в странах Ближнего Востока и Центральной Азии, экспортирующих нефть, темпы прироста потребительских цен в 2020 г. составили в среднем 8,1%, а в 2021 г. (прогноз) – 10,8% (причем столь высокий показатель был обеспечен главным образом за счет Ирана, где цены возросли на 36,4 и 39,3% соответственно), то в государствах данного региона, импортирующих нефть, – 13,2% (и в 2020, и в 2021 г.) [3, с. 40].

Таким образом, страны с высоким уровнем самообеспеченности сырьевыми и продовольственными товарами, при прочих равных условиях, на этапе восстановления мировой экономики после кризиса 2020 г. обладают большей резистентностью к внешним инфляционным рискам. Вместе с тем степень реального воздействия мировой конъюнктуры на темпы инфляции в значительной степени определяется эффективностью экономической политики, направленной на балансировку спроса и предложения отечественных товаров на внутреннем рынке.

Риски увеличения темпов инфляции в России, обусловленные внешними факторами

В условиях открытой экономики в постпандемийный период задача элиминирования инфляционного давления мировых товарных рынков на ценовую ситуацию в Российской Федерации приобретает особую остроту. Следует при этом отметить ее многофакторный харак-

Таблица 3

**Индексы средних цен товарной структуры
экспорта и импорта Российской Федерации во II квартале 2021 г.
(II квартал 2020 г. = 100%, в среднегодовых ценах 2020 г.)**

Код ТН ВЭД ЕАЭС	Наименование товарной группы	Индекс средних цен экспорта Российской Федерации			Индекс средних цен импорта Российской Федерации		
		во все страны	в том числе:		из всех стран	в том числе:	
			в страны дальнего зарубежья	в страны СНГ		из стран дальнего зарубежья	из стран СНГ
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяй- ственное сырье (кроме текстильного)	131,6	137,3	117,2	105,0	105,9	101,5
25-27	Минеральные продукты	147,5	148,3	135,6	104,9	99,9	108,0
27	<i>в том числе топливно- энергетические товары</i>	147,2	148,0	135,4	103,5	100,0	109,7
28-40	Продукция химиче- ской промышленности, каучук	130,3	136,3	115,8	108,6	108,2	113,3
41-43	Кожевенное сырье, пуш- нина и изделия из них	130,7	150,4	105,0	99,9	100,9	
44-49	Древесина и целлю- лозно-бумажные изде- лия	131,5	135,2	116,4	105,0	106,4	98,4
50-67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	104,1	111,5	102,2	99,0	97,9	105,4
72-83	Металлы и изделия из них	137,2	138,7	131,1	119,4	110,3	152,9
84-90	Машины, оборудование и транспортные средства	110,5	111,8	108,5	107,3	107,3	106,8
68-70, 91-97	Другие товары	111,2	109,7	115,5	104,8	104,2	110,0

Источник: составлено автором по: Бюллетень «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации», II квартал 2021 г. stat.customs.gov.ru/documents.

тер, включающий как аспекты валютно-финансового регулирования (обменный курс, система расчетов за внешнеторговые поставки, ключевые ставки и пр.), транслирующие негативные внешние импульсы в силу синхронизации макроэкономических циклов в мире, так и прямой «импорт» инфляции по каналам внешней торговли.

Внешние риски увеличения темпов инфляции на российском рынке, обусловленные динамикой внешнеторговых цен, реализуются по двум каналам – импортному и экспортному, причем с учетом высокого уровня самообеспеченности сырьевыми товарами значение второго канала для российской экономики приобретает особое значение: в условиях роста мировых цен возрастает заинтересованность экспортеров к наращиванию поставок за рубеж, что без адекватного регулирования сопряжено с возникновением дефицита на внутреннем рынке и росту цен.

Так, например, по итогам I квартала 2021 г., индекс средних цен отечественного экспорта составил 120,2%, импорта – 105,2%², а по итогам II квартала – 138% и 107,4%³ соответственно. Наибольшее значение при этом имел рост мировых цен на такие группы товаров, как продовольствие, минеральные продукты (прежде всего топливно-энергетические), металлы и изделия из них (см. табл. 3).

В частности, в текущем году при относительно стабильном валютном курсе рубля именно рост мировых нефтяных котировок оказал ключевое давление на внутренние цены на бензин и дизельное топливо. Цены на нефть и нефтепродукты поднялись до постковидных максимумов (см. рис. 2), что неизбежно привело к скачку экспортных цен и, как следствие, к снижению предложения на внутреннем рынке и росту цен. При этом разгон цен не смог в полной мере затормозить действующий с 2019 г. демпферный механизм «обратного акциза», стабилизирующий эффект которого основан на том, что при превышении экспортной ценой индикативной внутренней цены, государство доплачивает компаниям, чтобы они не уходили на внешний рынок, а при превышении внутренней ценой экспортной цены – нефтяники часть разницы отправляют в госбюджет. Как показала практика, обратный акциз на нефть с демпфером работает лишь в строго определенном диапазоне цен на нефть, и при его превышении производителям топлива выгоднее отказаться от демпферной надбавки и продавать бензин на внутреннем рынке по экспортной цене. В результате к середине текущего года темп роста розничных цен бензина превышал таргет инфляции, что неизбежно приводило к росту цен в наиболее чувствительном для потребителя продовольственном секторе.

² Бюллетень «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации», I квартал 2021 г. stat.customs.gov.ru/documents.

³ Бюллетень «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации», II квартал 2021 г. stat.customs.gov.ru/documents.

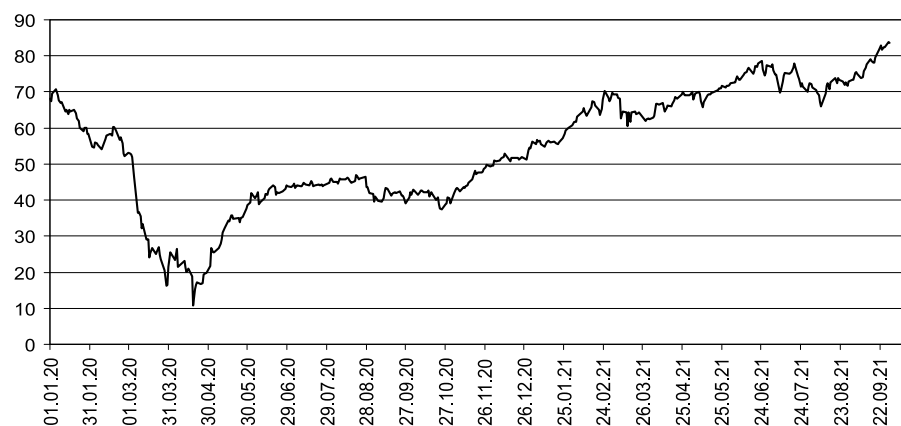

Рис. 2. Динамика цены на нефть марки Brent в 2020–2021 гг. (долл. США)

Источник: составлено автором по: Thomson Reuters. <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRTE&f=D>.

Существенным инфляциогенным фактором для российской экономики является повышательный тренд на мировом продовольственном рынке, в частности, рынке зерна – базового товара для пищевой промышленности и животноводства. Следует отметить, что проблема роста цен на продовольствие в наибольшей степени затронула развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками (к которым относится и Россия), в которых в структуре потребления значительная часть расходов приходится именно на эту группу товаров. По оценкам Всемирного Банка, наблюдающийся на фоне пандемии Covid-19 рост цен на продовольственные товары (по состоянию на май 2021 г. цены на сельскохозяйственную продукцию в годовичном выражении возросли на 37% – максимальный показатель с 2011 г.) является ведущим фактором инфляции в странах с низким уровнем дохода (СНД) и выделяется, наряду с ростом цен на энергетические товары, в качестве важнейшего фактора мировой инфляции (см. рис. 3).

Особую озабоченность вызывает рост цен на зерновые и масличные культуры, сахар. Так, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), в январе-мае 2021 г. цены на зерновые возросли на 26% в годовичном выражении, в том числе на пшеницу – на 20,5%, кормовое зерно – на 53,3%, на маслосемена (семена масличных культур) – на 57,6%, на растительные масла – на 73,5%, на сахар – на 29,7% [6].

Наряду с действием внутренних факторов (ростом стоимости ГСМ, удобрений и пр.) рост цен на зерно на внешнем рынке может привести к расширению объемов экспорта и образованию дефицита для внутреннего потребления. Усугубить ситуацию может также смягчение валютного контроля, в соответствии с ФЗ от 28.06.2021 № 223-ФЗ

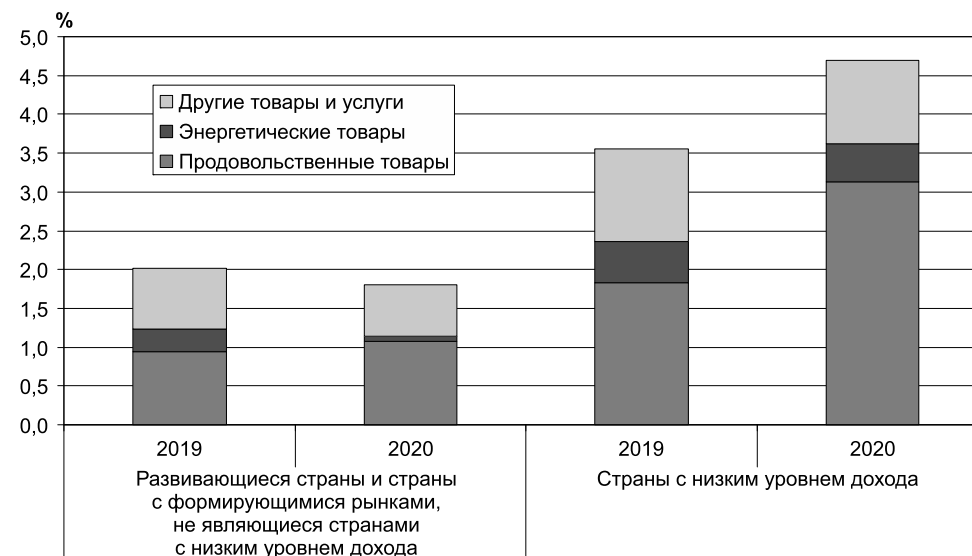

Рис. 3. Вклад цен на продовольственные и энергетические товары в инфляцию

Источник: [5, с. 145].

«О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле», вступившим в силу с 1 июля 2021 г. Возможность оставлять валютную выручку на зарубежных счетах приведет к дальнейшему повышению привлекательности внешнеторговой реализации зерновых по сравнению с внутрироссийской.

Минсельхоз России прогнозировал в текущем году урожай зерновых, и, в частности, пшеницы, на уровне 127,4 млн т и 81 млн т соответственно (с учетом Крыма)⁴, но по состоянию на 22 ноября 2021 г. было собрано несколько меньше – 125,4 млн т, в том числе 78,6 млн т пшеницы⁵. Теоретически собранного урожая будет достаточно для удовлетворения внутренних потребностей, однако в условиях продолжающегося роста цен на мировом рынке привлекательность внешнего рынка и высокая доходность экспортных контрактов усилит мотивацию к вывозу.

В этих условиях правительство РФ продолжает применять меры, направленные на ограничение вывоза ряда сельскохозяйственных культур, в том числе зерновых, и продовольственных товаров, с целью стабилизации цен на внутреннем рынке.

⁴ На стратегической сессии Союза экспортеров зерна обозначили прогнозы развития зернового рынка в 2021 г. <https://mcx.gov.ru/press-service/news/na-strategicheskoy-sessii-soyuza-eksporterov-zerna-oboznachili-prognozy-razvitiya-zernovogo-rynka-v>.

⁵ Сбор зерновых в России на 22 ноября превысил 125 млн т. <https://mcx.gov.ru/press-service/news/sbor-zernovykh-v-rossii-na-22-noyabrya-prevysil-125-mln-tonn>.

Как известно, с 15 февраля до 30 июня 2021 г. действовала квота на экспорт пшеницы, ржи, ячменя и кукурузы в объеме 17,5 млн т (экспорт сверх этого объема облагался пошлиной в 50% от таможенной стоимости вывозимой продукции (но не менее чем 100 евро за одну т)). При этом поставки пшеницы в рамках квоты с 15 февраля 2021 г. облагались пошлиной в размере 25 евро за тонну, а с 1 марта по 30 июня – 50 евро⁶. Со 2 июня (в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 6.02.2021 № 118) начал работать зерновой демпфер, который предусматривает плавающие пошлины на экспорт пшеницы, кукурузы и ячменя и возврат полученных от них средств на субсидирование сельхозпроизводителей. Размер пошлин рассчитывается еженедельно на основе ценовых индикаторов, устанавливаемых исходя из цен в экспортных контрактах, которые регистрируются на «Московской бирже». Цена отсечения по пшенице составляет 200 долл. за тонну, по кукурузе и ячменю – 185 долл. за тонну. Размер пошлины составляет 70% от превышения этого показателя. Так, например, с 1 сентября 2021 г. экспортная пошлина на пшеницу повысится до 39,4 долл. за тонну (с 31,7 долл.), на ячмень – до 27 долл. (с 26,6 долл.), на кукурузу – до 51,6 (с 49,6 долл.). Указанные ставки будут действовать до 7 сентября⁷.

Помимо зернового демпфера в 2021 г. были введены повышенные экспортные пошлины на подсолнечник и рапс (с 1 июля 2021 г. срок их действия был продлен по 31 августа 2022 г., при этом специфическая составляющая пошлины на подсолнечник была увеличена со 165 до 320 евро за тонну), а также на соевые бобы (1 июля ставка пошлины была снижена с 30%, но не менее 165 евро за тонну, – до 20%, но не менее 100 евро за тонну)⁸.

Принятые меры в значительной степени позволили снизить негативное влияние конъюнктуры на мировом рынке продовольствия на внутренние цены. В то же время долгосрочное влияние плавающей экспортной пошлины на зерно, по нашему мнению, весьма неоднозначно. Как представляется, введение подобного механизма регулирования экспортной пошлины на зерно может не снизить цены, а напротив, спровоцировать их рост в долгосрочной перспективе. Так, снижение рентабельности производства зерновых может привести к переориентации сельхозпроизводителей на другие культуры (не облагае-

мые экспортной пошлиной) и, соответственно, к снижению объемов производства, что спровоцирует рост внутренних цен. Одновременно ограничение экспорта крупнейшим мировым поставщиком зерна, которым является Россия, подогреет мировые цены, а при пошлине свыше 50 евро за тонну российская пшеница становится неконкурентоспособной. В результате страны, которые сейчас ее закупают, переориентируются на других поставщиков, что, в свою очередь, приведет не столько к снижению внутренних цен, сколько к падению объемов производства и последующему скачку цен.

Так, в 2021 г., в определенной степени, уже проявились результаты переориентации сельхозпроизводителей на другие культуры: по данным Россельхознадзора, за семь месяцев 2021 г. экспорт из России ржи в сравнении с аналогичным периодом прошлого года возрос в 11 раз, риса – в 5 раз, что может оказать существенное влияние на внутренние цены⁹.

Помимо конъюнктуры на продовольственные и энергетические товары существенное влияние на динамику внутренних цен оказывает конъюнктура на мировом рынке металлов. В целях противодействия негативному влиянию повышения мировых цен на внутренние цены с 1 августа 2021 г. были введены временные экспортные пошлины на черные и цветные металлы (комбинированные пошлины, состоящие из базовой ставки 15% и специфического компонента, величина которого рассчитывается в зависимости от вида металла (для цветных металлов) или степени переработки продукции (для черных металлов) с учетом динамики мировых цен по итогам пяти месяцев 2021 г.). Тем не менее, в рамках ВЭФ-2021 министр промышленности и торговли Д. Мантуров заявил, что министерство видит основания для пересмотра (понижения) ставок на определенные товарные позиции, в частности, на чугун, ферросплавы и алюминий¹⁰. Предлагаемый правительством РФ гибкий подход к регулированию экспорта на основе мониторинга текущей конъюнктуры мирового и внутреннего рынков представляется продуктивным. Выработка унифицированного долгосрочного подхода к ограничению вывоза ряда ключевых товаров в условиях нестабильности мировой экономики и ситуации на мировых товарных рынках в настоящее время затруднительна. Более целесообразным для минимизации внешнего влияния на динамику внутренних цен, по нашему мнению, является гибкое, дифференцированное управление экспортом отдельных товаров.

Не менее значимым каналом инфляции в Российскую Федерацию выступает рост цен импорта, связанный с ростом мировых коти-

⁶ Сельхозпроизводители за неделю снизили цены на рожь, молоко, масло и муку. Экономика и бизнес. ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/10703435>.

⁷ Экспортная пошлина на пшеницу из РФ повысится до \$39,4 за тонну <https://www.interfax.ru/business/787748>.

⁸ В России с 1 июля повышаются экспортные пошлины на подсолнечник и рапс и снижаются – на соевые бобы. Министерство экономического развития Российской Федерации. economy.gov.ru.

⁹ Экспорт ржи из России увеличился в 11 раз, риса – в 5 раз за год | ФГБУ «Центр Агроаналитики». specagro.ru.

¹⁰ <https://www.interfax.ru/russia/788110>.

вок. В первую очередь это касается критического импорта. По данным Счетной палаты, в 2018–2020 гг. потребности российской экономики в таких дефицитных металлах, как марганец, хром, литий, на 100% обеспечивались импортом, по цирконию – на 87%¹¹. Высока импортозависимость российской экономики и от целого ряда других промежуточных или сырьевых товаров, замещение которых российской продукцией технологически невозможно или нецелесообразно. Очевидно, что рост мировых цен на них критически воздействует на производственные издержки и себестоимость российской продукции, заставляя производителей повышать отпускные цены, однако возможности ограничения данного негативного влияния мерами государственного регулирования крайне ограничены.

Совершенствование мер по снижению инфляционных рисков в российской экономике, обусловленных изменением конъюнктуры на мировых товарных рынках

По нашему мнению, в настоящее время необходима разработка системы дифференцированных мер на основе применения гибкого подхода к элиминации инфляционного давления мировых товарных рынков на ценовую ситуацию, осуществляемая с учетом специфики отдельных товарных рынков. В условиях нестабильности мировой экономики и ситуации на мировых товарных рынках выработка унифицированного долгосрочного подхода к ограничению вывоза ряда ключевых товаров затруднительна. В этих условиях для минимизации внешнего влияния на динамику внутренних цен целесообразным представляется гибкое управление экспортом отдельных товаров.

Среди возможных мер по стабилизации ценовой ситуации на топливном рынке можно предложить дальнейшее совершенствование демпферного механизма, расширение и совершенствование механизмов биржевой торговли, что потребует «распечатывания» накопленных запасов. В частности, целесообразно увеличить объем биржевых торгов на одной сессии. Можно также поддержать предложение о введении временного запрета на продажу бензина трейдерами. Право на реализацию целесообразно оставить лишь производителям, а предельный рост цены при этом ограничить. В качестве крайней меры в случае повторения скачкообразного роста цен на ГСМ нельзя исключить и необходимость рассмотрения предложения по краткосрочному ограничению экспорта нефтепродуктов.

¹¹ Счетная палата предупредила о риске дефицита стратегических видов сырья – РИА Новости, 20.05.2021. ria.ru.

Необходимым представляется перманентный мониторинг ситуации на продовольственном рынке (внешнем и внутреннем) и динамики экспорта ключевых товаров с целью оценки влияния применяемых мер регулирования внешней торговли и их своевременной корректировки. Так, определенные вопросы возникают в отношении цен отсечения при определении тарифной квоты. В частности, со стороны представителей аграрного бизнеса высказываются предложения о введении гибких целевых цен (вместо фиксированных), изменяющихся в течение года с учетом исторически сложившейся сезонной динамики¹².

Не исключено, что более взвешенными представляются предложения полностью отказаться от экспортных пошлин, установив вместо них экспортные квоты. Таким образом, исходя из внутренних балансов зерновых, сельхозпредприятия могут быть определены конкретные объемы продукции, которые разрешено вывозить на экспорт по любым, сколь угодно высоким ценам и с высоким доходом от продаж, что, в известной мере, снимет проблему закрединности сельхозпроизводителей. Как представляется, стабилизация внутренних цен при этом произойдет на основе рыночных механизмов в условиях высокого предложения продукции внутри страны.

Магистральным направлением недопущения инфляционного влияния мировых цен на внутренние цены на компоненты и готовые промышленные товары является развитие импортозамещения на основе детального анализа потребностей российских производителей и потребителей в конкретных видах продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Economic Situation and Prospects 2021. UN, New York. P. 172. https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf.
2. Миловидов В.Д. Пандемия неравенства: новые измерения социального диспаритета в условиях коронакризиса // Научные труды Вольного экономического общества. 2021. № 2. Т. 228. С. 59–81 DOI: 10.38197/2072-2060-2021-228-2-59-81.
3. World Economic Outlook, October 2021: Recovery During a Pandemic. Health Concerns, Supply Disruptions, and Price Pressures. International Monetary Fund, Washington, DC, 2021.
4. Forbs K. Inflation Dynamics: Dead, Dormant, or Determined Abroad? NBER WORKING PAPER 26496. November 2019. DOI 10.3386/w26496. <https://www.nber.org/papers/w26496>.

¹² «Зерновой демпфер» мотивирует аграриев переходить на другие культуры. Agrovesti.net | АПК.

5. Global Economic Prospect. June 2021. Washington, DC: the World Bank, 2021.
6. Продовольственный прогноз: краткий обзор рынков. Июнь 2021. ФАО, 2021. <https://www.fao.org/3/cb6233ru/cb6233ru.pdf>.

REFERENCES

1. World Economic Situation and Prospects 2021. UN, New York. P. 172. https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf.
2. Milovidov V.D. Pandemic of inequality: new dimensions of social disparity in the context of coronacrisis // Scientific works of the Free Economic Society. 2021. No. 2. T. 228. P. 59–81 DOI: 10.38197 / 2072-2060-2021-228-2-59-81. (In Russ.).
3. World Economic Outlook, October 2021: Recovery During a Pandemic. Health Concerns, Supply Disruptions, and Price Pressures. International Monetary Fund, Washington, DC, 2021.
4. Forbs K. Inflation Dynamics: Dead, Dormant, or Determined Abroad? NBER WORKING PAPER 26496. November 2019. DOI 10.3386/w26496. <https://www.nber.org/papers/w26496>.
5. Global Economic Prospect. June 2021. Washington, DC: the World Bank, 2021.
6. Food forecast: a brief overview of the markets. June 2021. FAO, 2021. <https://www.fao.org/3/cb6233ru/cb6233ru.pdf>. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Ushkalova Darya Igorevna – Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Research in International Macroeconomics and in Foreign Economic Relations of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
ushkalova@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE IMPACT OF WORLD PRICES ON INFLATION RATES IN RUSSIA AND MEASURES TO REDUCE EXTERNAL INFLATIONARY RISKS

The article is devoted to the analysis of the interconnection between world prices at the stage of post-pandemic recovery of the world economy and inflation rates. The key reasons for the increase in world prices during the recovery of the world economy in 2021, the patterns of the influence of world prices on inflation rates and the factors determining the degree of this influence in different countries of the world are considered. The main channels of influence of the global conjuncture on inflation rates in Russia and measures aimed at eliminating negative external inflationary pressures are analyzed.

Keywords: *world prices, inflation, world commodity markets, world oil prices, coronary crisis and world economic recovery, export, import, export duties, grain damper.*

JEL: F01, F10, F14, E31.

Вестник Института экономики Российской академии наук
6/2021

С.С. МАТВЕЕВСКИЙ

кандидат технических наук, доцент,
доцент Департамента банковского дела и финансовых рынков
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

АЗИАТСКИЙ БАНК РАЗВИТИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В статье рассматриваются функции и роль Банков развития в национальных и в мировой экономике. В отдельный объект исследования выделен Азиатский банк развития и его влияние на экономический рост в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Показана важность использования банком понятия «инклюзивный экономический рост», а также цикла проекта, механизма оценки эффективности, системы оценки корпоративных результатов. Показано, что система оценок обеспечивает достижение целей банка, определяет его влияние на экономический рост. Выделена цифровая трансформация как самостоятельный и важный фактор усиления влияния банка на экономический рост. В будущем ускорение воздействия банка на экономический рост связывается с сотрудничеством с другими институтами развития; инвестициями в инфраструктуру; использованием актуальных страновых стратегий; содействием частному сектору; обеспечением продовольственной безопасности, социальной защиты и финансовой доступности; продолжением процесса цифровой трансформации банка.

Ключевые слова: *Азиатский банк развития, эффективность деятельности, цикл проекта, инклюзивный экономический рост, система оценки корпоративных результатов, показатели и индикаторы, цифровая трансформация.*

JEL: G20, G21.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_51_66.

Банки развития: их функции, значение для экономики

Банки развития (БР) являются инструментами государства для продвижения стратегий развития. Они помогают предвидеть узкие места, выявить новые отрасли, которые следует создавать или расширять. Национальные БР для увеличения зоны охвата и макроэкономического воздействия часто сотрудничают с центральными банками и с другими финансовыми организациями для финансирования развития (например, реализации инфраструктурных проектов, индустриализации), для проведения структурных реформ (например, БР Бразилии, Республики Корея, Индии и Китая). В связи с этим БР должны иметь широкие полномочия, допускающие возможность их

деятельности по многим направлениям, в большом количестве секторов экономики, включая международные операции.

Важность и значение БР для национальных экономик определяется и тем, что для достижения целей устойчивого развития требуется огромный объем финансовых ресурсов. Так, например, величина необходимых инвестиций в развитие инфраструктуры (обязательное условие для экономических преобразований и устойчивого роста) на глобальном уровне оценивается в \$5–\$7 трлн в год. Для развивающихся стран дефицит финансирования инфраструктуры составляет \$1,0–\$1,4 трлн в год. В настоящее время объем финансовых активов во всем мире составляет \$218 трлн, а ежегодное глобальное сбережение составляет \$22 трлн, т. е. необходимые ресурсы для развития есть. Именно на перемещение финансовых ресурсов из сферы сбережения на проекты развития направлена деятельность как существующих, так и новых БР [1].

Банки развития реализуют антициклическую функцию, осуществляют долгосрочное финансирование и реализацию проектов и программ, как правило, имеющих большое значение для экономики. Они также стимулируют инновации и развитие предпринимательства, способствуют повышению производительности и конкурентоспособности национальных предприятий, применяют новые схемы привлечения и использования ресурсов частного бизнеса (софинансирование), расширяют возможности государственно-частного партнерства (ГЧП) [2]. Деятельность этого института связана с планированием и реализацией т. н. цикла проекта: с разработкой стратегии сотрудничества с регионом или страной, с идентификацией и подготовкой проекта (включая разработку бизнес-плана), с одобрением проекта и его имплементацией и оценкой [3].

Значение БР для мировой экономики зависит от общих размеров их активов – они превышают \$14 трлн, что позволяет ежегодно выдавать кредитов в объеме около \$2,4 трлн [4]. БР сыграли ключевую роль в экономическом росте стран Восточной Азии: они проводили активную политику по предоставлению долгосрочных кредитов под низкие процентные ставки в промышленном секторе. Наиболее распространенными условиями для получения кредитов или даже их участия в капитале предприятий были высокий рыночный потенциал, высокая технологичность и добавленная стоимость [5].

Турецкие БР были образованы на основе государственных (инвестиционных) банков, активно кредитовавших (в соответствии с планами экономического развития) государственные промышленные предприятия (и/или частные, пользующиеся поддержкой государства). «Превращение» частных коммерческих банков в БР было связано с созданием частных финансово-промышленных конгломератов в приоритетных отраслях экономики страны (в соответствии с планами развития) [6].

Субнациональные БР решают региональные задачи в тесном сотрудничестве с национальными, а, иногда, и с многосторонними БР. Их значение особенно велико для слаборазвитых регионов, характеризующихся значительным неравенством доходов населения, высоким уровнем бедности и наличием проблем, связанных с климатом [7].

БР должны находить правильный баланс между краткосрочными задачами и долгосрочными целями поддержки национальных экономик. В частности, в связи с преодолением последствий пандемии коронавируса в настоящее время БР следует обратить особое внимание на создание устойчивой инфраструктуры и стабильное состояние малых и средних предприятий (МСП), на поддержку индустрии туризма [8].

Проведенное группой авторов исследование деятельности БР [9] позволило сформулировать рекомендации, направленные на усиление влияния банков на экономический рост: БР должны осуществлять прямые инвестиции в акционерный капитал предприятий, в соответствии со стратегией БР, отдавать предпочтение проектам, которые обеспечат долгосрочные результаты, быть импакт-инвестором.

Влияние БР на экономический рост определяется эффективностью их деятельности. Для ее повышения, специалистами [10] были подготовлены следующие рекомендации по управлению системами оценки деятельности БР: изменять, в случае необходимости, мандат Банка; выбирать значимые показатели (объединять показатели финансовой эффективности с социальными, экономическими); интерпретировать получаемые данные и постоянно использовать их при принятии решений.

Большие возможности для увеличения влияния БР на экономический рост предоставляет т. н. цифровизация экономики: активное использование инновационных технологий обработки данных (Big data, Artificial Intelligence, Machine Learning и др.), телекоммуникаций, Интернета, автоматизации в процессе производства и продажи товаров и услуг [11]. Цифровизация экономики в финансовой сфере привела к формированию FinTech, а именно – к производству и продаже финансовых услуг и продуктов с использованием инновационных технологий обработки данных [12]. Обновленные и дополненные информационные системы БР открывают новые возможности для реализации проектов и программ, для привлечения денежных средств. Это позволит осуществлять новые виды проектов, как частных, так и государственных предприятий.

Особый интерес при изучении вопроса влияния БР на экономический рост представляет Азиатский банк развития (АБР), т.к. в настоящее время его членами являются 68 стран, из которых 38 стран находятся в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Кроме того, АБР активно осуществляет цифровизацию своей деятельности, финансирует проекты, связанные с цифровизацией экономики.

Азиатский банк развития

АБР был задуман в начале 1960-х годов как финансовое учреждение, способствующее экономическому росту и сотрудничеству в АТР, а 19 декабря 1966 г. Банк начал свою работу. В 1960-х годах большая часть финансирования АБР была направлена на производство продуктов питания и развитие сельских районов стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Деятельность АБР направлена на создание процветающего, инклюзивного и устойчивого АТР, на искоренение крайней бедности в регионе (263 млн человек живут менее чем на \$1,90 в день и 1,1 млрд – менее чем на \$3,20 в день) [3].

Как и другие БР, АБР использует в своей деятельности т. н. цикл проекта, включающий в себя следующие основные этапы:

1. *Разработка (обновление) стратегии партнерства со страной (СПС).* Банк готовит для каждой развивающейся страны среднесрочную стратегию развития и операционную программу: проводятся тематический и отраслевой анализы, необходимые исследования. СПС разрабатывается в сотрудничестве с правительством и другими заинтересованными участниками и реализуется с помощью бизнес-плана операций.

2. *Подготовка проекта предполагает*, в свою очередь, две стадии:

- *идентификацию проекта.* Обычно Банк нанимает консультантов для подготовки технико-экономического обоснования проекта, которые работают в сотрудничестве со всеми заинтересованными сторонами. Если проект требует переселения людей или может отрицательно повлиять на окружающую среду или коренные народы, на этом этапе готовятся определенные защитные меры;
- *юридическую экспертизу.* Банк обеспечивает изучение осуществимости проекта (оценка технических, финансовых, экономических, экологических, маркетинговых и управленческих аспектов проекта), включая подробный анализ его рисков и чувствительности.

3. *Утверждение.* Проводятся переговоры о кредите. Итоговый документ утверждается Советом директоров АБР и подписывается правительством, а затем вступает в силу, после выполнения определенных условий (юридических требований, например, софинансирование, и выполнение соглашений о займах).

4. *Реализация.* Проект реализуется исполнительным агентством в соответствии с согласованным графиком и процедурами. Подготовительные работы по проекту рекомендуется завершить до переговоров по кредиту, за исключением подписания контрактов. Подразделения Банка анализируют ход процесса реализации, а также следят за достижением целей развития в координации с заемщиком и исполнительным агентством. Срок реализации, обычно, составляет от двух до пяти лет. Обзор-

ные миссии АБР оценивают прогресс в реализации проекта, посещая его не реже двух раз в год на протяжении всего периода реализации.

5. *Завершение проекта и оценка.* После завершения работ по проекту и технической помощи АБР готовит отчет о завершении проекта (готовится в течение 12–24 месяцев после окончания). С помощью экономического анализа дается оценка взаимосвязи затрат и результатов, а также соответствие полученных количественных и качественных результатов заданным показателям и индикаторам [13].

Именно успешность проектов определяет реальное влияние АБР на экономический рост. Поэтому эффективная реализация каждого этапа каждого проекта – одна из важнейших задач БР.

В 2008 г. АБР стал использовать формулировку «инклюзивный экономический рост, который предполагает:

1. Обеспечение устойчивого роста и расширения экономических возможностей;
2. Более широкий доступ к этим возможностям всех членов общества (они должны иметь возможность не только участвовать в процессе обеспечения роста, но и получать от него «выгоды»);
3. Обеспечение социальной защиты (включая предотвращение крайних лишений) [14].

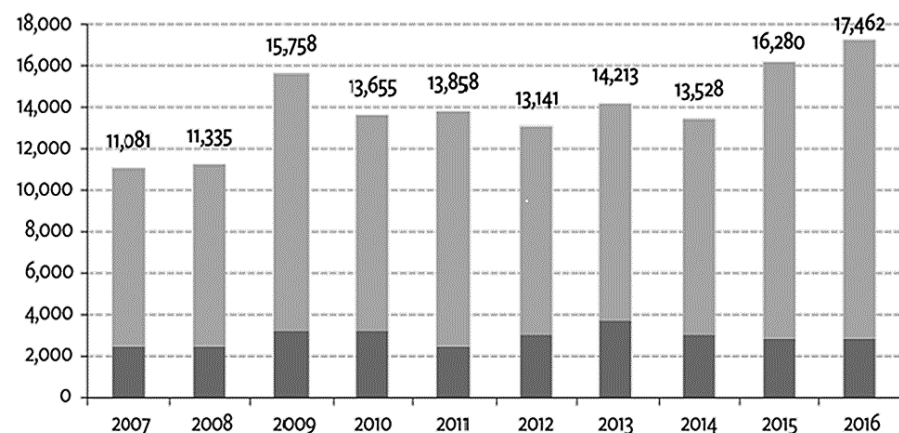
Инклюзивный рост – это экономический рост, справедливо распределяемый в обществе и создающий возможности для всех [15].

В настоящее время достижение инклюзивного экономического роста увязывается Банком, прежде всего, с созданием рабочих мест и улучшением доступа к ним. Специализированные проекты уже предоставили и предоставляют доступ к таким основным услугам, как электричество, водоснабжение и канализация, что способствовало в сельской местности сокращению «домашних» работ для женщин, обеспечило появление большего количества времени для учебы детей. Инфраструктурные проекты улучшили доступность среднего образования (посещение школ), получение медицинских услуг.

Пересмотренная в 2008 г. система классификации проектов Банка учитывает, в частности, вклады каждого проекта в обеспечение инклюзивного экономического роста (по указанным трем направлениям) [14].

Анализ деятельности АБР за ряд лет (см. рис. 1) позволяет заключить, что Банк увеличивает ежегодный объем финансирования проектов, что должно в итоге положительно влиять на экономический рост стран АТР (создаются новые рабочие места).

Общая сумма операций финансирования включает кредиты, гранты, финансирование акционерного капитала и одобренные гарантии. Всего за 2007–2016 гг. на финансирование проектов и другие операции АБР было направлено 140 311 млн долл. США. За 10 лет объемы финансирования Банка возросли более чем на 50% (см. рис. 1).

Источник: ADB through the decades. ADB's Fifth decade (2007–2016). Asian development bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/216306/adb-fifth-decade-updated-edition.pdf> (accessed: 10.03.2019).

* Серый цвет – финансирование АБР, темно-серый – финансирование Фонда развития Азии (Asian development fund), дочерней структуры АБР; цифрами отмечена общая сумма финансирования.

Рис. 1. Объем операций финансирования АБР, 2007–2016 гг. (млн долл. США).

При изучении влияния БР на экономический рост важно знать, как ресурсы АБР в рамках анализируемого временного интервала распределялись по секторам экономики (см. табл. 1).

Данные, представленные в табл. 1 свидетельствуют, что Банк преимущественно финансировал проекты и операции в таких секторах, как «транспорт и информационно-коммуникационные технологии», «энергетика», «общественный сектор», «финансы».

Стабильность предпочтений Банка в выборе и финансировании проектов и операций, обеспечивающих инклюзивный экономический рост (как по количеству проектов, так и по объемам финансирования), четко просматривается на протяжении 2012–2015 гг. (см. табл. 2). Так, доля финансирования направления «Рост и создание рабочих мест, увеличение возможностей» составляла 36 и 45% в 2012–2014 гг. и 35 и 46% в 2013–2015 гг., а финансирования направления «Инклюзивный доступ к работе и возможностям» – 64 и 54% в 2012–2014 гг. и 64 и 53% в 2013–2015 гг. соответственно.

В 2016 г. Азиатский банк развития (АБР) участвовал в организации и проведении конференции «*Financial Inclusion in Digital Economy*», которая была посвящена проблемам цифровизации экономики и внедрения FinTech в его деятельность. На конференции, в частности, были рассмотрены вопросы доступности цифровых финансовых услуг, цифровые бизнес-модели, вопросы надзора и регулирования цифровых финансовых услуг, полезность цифровых финансов [16].

Таблица 1

Операции финансирования АБР по секторам экономики, 2007–2016 гг. (млн долл. США)*

Показатели	Секторы экономики							
	Здравоохранение	Транспорт и информационно-коммуникационные технологии	Энергетика	Общественный сектор	Финансы	Водоснабжение	Сельское хозяйство	Образование
Объем финансирования, млн долл. США	2085	40447	34636	17976	16596	12884	8472	4970
Доля в общем объеме, %	1	29	25	13	12	9	6	4

* Объемы финансирования включают в себя кредиты, гранты, финансирование акционерного капитала и одобренные гарантии на 20.01.2017, общий объем финансирования – 140 311 млн долл. США.

Источник: ADB through the decades. ADB's Fifth decade (2007–2016). Asian development bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/216306/adb-fifth-decade-updated-edition.pdf> (accessed: 10.03.2019).

Таблица 2

Распределение операций АБР между направлениями, обеспечивающими инклюзивный рост (в %)*

Направление	2012–2014 гг.		2013–2015 гг.	
	количество проектов	объем финансирования	количество проектов	объем финансирования
Рост и создание рабочих мест, увеличение возможностей	36	45	35	46
Инклюзивный доступ к работе и возможностям	64	54	64	53
Социальная защита	5,4	4,4	6,0	4,7

* Сумма процентов больше 100, т. к. некоторые направления «пересекаются».

Источник: ADB through the decades. ADB's Fifth decade (2007–2016). Asian development bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/216306/adb-fifth-decade-updated-edition.pdf> (accessed: 10.03.2019).

В настоящее время АБР регулярно финансирует проекты, связанные с цифровизацией и FinTech. Например, в 2020 г. АБР завершил проект 39542-022 «Техническая поддержка сельского хозяйства в регионе Большого Меконга». Данный проект был направлен на расширение доступа на рынок экологически чистой сельскохозяйственной продукции для мелких землевладельцев. Одним из его результатов явилось создание электронной торговли (включая и трансграничную торговлю) данными видами продукции.

Реализация проекта позволила:

- скорректировать региональную политику и увеличить потенциал управления качеством агропродовольственных товаров;
- наладить электронную торговлю экологически чистой агропродовольственной продукцией мелких землевладельцев;
- обеспечить развитие сельского хозяйства, учитывающее гендерные аспекты;
- обеспечить распространение знаний, связанных с управлением сельским хозяйством;
- усилить региональное сотрудничество в сфере сельского хозяйства [17].

На семинаре по цифровизации институтов развития (Рио-де-Жанейро, 14–17 января 2019 г.) отмечалось, что инновационные технологии обработки данных могут способствовать повышению производительности, улучшению глобальных цепочек создания стоимости и развитию предпринимательства [18].

В 2020 г. АБР был принят пакет мер реагирования на COVID-19 на сумму \$20 млрд. На поддержание экономик стран АТР было выделено \$31,6 млрд в виде займов, грантов, инвестиций в акционерный капитал, гарантий и технической помощи (только инвестиции в систему здравоохранения и поддержку МСП составили \$4,5 млрд). Удалось обеспечить рекордный объем софинансирования проектов (\$16,4 млрд), стартовала программа заимствований на сумму более \$35 млрд, которая включает выпуск целевых облигаций и облигаций в местной валюте [19].

Система оценки результатов деятельности АБР

Как и другие Банки развития, АБР использует в своей деятельности специальное подразделение – Независимый департамент оценки (Independent evaluation department – IED). В 2018 г. IED, в частности, оценивал взаимодействие АБР с государственными предприятиями, ход операций в сельском хозяйстве, им был выполнен анализ производительности, планирования кредитования, осуществлена проверка реализации стратегии партнерства АБР с отдельными странами (в частности, с Узбекистаном).

Использовалась система оценки, включавшая 85 показателей результатов; применялись цветные индикаторы, которые позволяли качественно характеризовать полученные значения показателей. Для отдельных показателей были установлены годовые целевые значения, что позволяло количественно оценивать эффективность деятельности Банка.

Система оценки корпоративных результатов АБР имеет четыре уровня, которые позволяют отдельно оценивать: динамику развития в АТР (в частности, используются такие показатели, как абсолютная бедность, благосостояние, предоставление инфраструктурных услуг); вклад АБР в развитие (успешность страновых стратегий, проектов и др.); качество оперативного управления (динамика среднего времени от одобрения проекта до первого контракта на поставку; доля проектов, связанных с инфраструктурой и др.); организационную составляющую управления (вовлеченность персонала в деятельность Банка, среднегодовой объем внутренних административных расходов Банка в расчете на 1 млн долл. США финансирования и др.).

Специалисты Банка провели анализ использования системы оценки корпоративных результатов, что позволило сделать следующие выводы [20]:

- показатели, применяемые для мониторинга и оценки проектов, помогли обеспечить последовательное достижение корпоративных целей (например, если значение конкретного индикатора ухудшается, выявляются причины и готовятся соответствующие управляющие действия);
- используемые показатели пересматривались по мере необходимости; были выделены три вида показателей: показатели, которые позволяют оценивать только результаты деятельности Банка; показатели, которые позволяют оценивать результаты развивающихся стран – акционеров Банка; показатели, отражающие оба эти аспекта.

Руководители АБР выделили ряд факторов, которые были особенно важными для эффективного управления и достижения целевых значений показателей:

- баланс амбиций и реалистичности – например, софинансирование было добавлено в планы работы департаментов, и с момента введения данной цели в 2008 г. Банк значительно увеличил объем генерируемого софинансирования;
- оценка полезности и пригодности – предложено исключать те цели, достижение которых находится за пределами прямого контроля Банка или их формулировка слишком сложна;
- использование надежных исходных данных и заинтересованности вовлеченных в процесс сторон;
- постоянный контроль показателей и их целевых значений.

В настоящее время Банк использует каскадную систему оценки корпоративных результатов: поставленные цели последовательно «транслируются» в рабочие планы отделов и подразделений. Это позволяет «разбивать» цели на отдельные подцели отделов, подразделений и сотрудников. Особенностью каскадной системы оценки корпоративных результатов АБР является трактовка/анализ количественного изменения контрольных результатов и переход к качественным результатам (например, изменение индикатора более чем на 2,5% трактуется как улучшение или ухудшение результатов). Соответственно, есть возможность отслеживать выполнение (перевыполнение) или невыполнение текущей цели [20]. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что АБР имеет хорошую систему оценок, которая обеспечивает его эффективное воздействие на экономический рост в АТР.

Необходимо отметить, что ст. 1 Устава АБР устанавливает, что целью Банка является содействие экономическому росту и сотрудничеству в регионе, внесение вклада в ускорение процесса экономического развития стран-членов. Изначально Банк был создан именно для влияния на экономический рост. В течение последнего десятилетия на Азию приходилось более 50% мирового роста. Если темпы экономического роста в Азии останутся такими же, то средний доход на душу населения к 2050 г. может вырасти в шесть раз (по паритету покупательной способности). Ожидается, что доля Азии в мировом ВВП будет расти примерно с 28% в 2010 г. до более 50% в 2050 г. [21].

По мнению руководства АБР [14], перспективы усиления влияния Банка на экономический рост стран АТР связаны:

- с появлением новых институтов развития (в частности, Нового Банка Развития БРИКС), которые обеспечивают новые возможности для сотрудничества, для увеличения объемов софинансирования;
- с возможностью использования странами АТР выверенной макроэкономической политики, с приоритетным инвестированием в инфраструктуру (в частности, в транспорт, энергетику, водоснабжение и городское развитие), в человеческий капитал и технологии, в улучшение инвестиционного климата;
- с обеспечением приоритета инфраструктурных проектов и программ при разработке страновых стратегий сотрудничества;
- с достижением целей устойчивого развития;
- с использованием банка как института знаний;
- с диалогом руководства Банка с национальными властями об их приоритетах развития, об эффективном макроэкономическом управлении и необходимых реформах;

- с эффективностью Банка, включая наилучшее использование персонала и бюджета; ИТ-система Банка должна стать более эффективной, интегрированной и удобной для пользователей; должна продолжаться цифровая трансформация Банка.

Цифровая трансформация АБР

Реализация Стратегии-2030 АБР, а значит и влияние на экономический рост стран АТР, непосредственно зависит от цифровой трансформации (ЦТ) Банка: она обеспечит повышение эффективности работы Банка за счет использования современных информационно-технологических (ИТ) систем и цифровых процессов. Под ЦТ понимается активное внедрение в деятельность банка, во все его бизнес-процессы инновационных технологий обработки данных. ЦТ позволит собирать больше данных и использовать их на всех этапах цикла проекта, при всех операциях, связанных с привлечением денежных средств. Это позволит улучшить управление в целом, а также и в рамках цикла проекта. В результате сократится время операций, уменьшатся расходы, повысится эффективность использования всех ресурсов.

Необходимо отметить, что у АБР уже несколько лет есть план ЦТ (включая т. н. «дорожную карту»), основанный, прежде всего, на модернизации и развитии корпоративных ИТ-систем Банка (с 2016 г.). Данный план включает в себя ряд этапов, предполагающих обеспечение взаимосвязанности ИТ-систем Банка, постепенное внедрение инновационных финансовых и информационных технологий, развитие новых цифровых продуктов и услуг (в частности, предполагается развивать существующие операции Банка, проводить трансформацию финансовых услуг, создавать цифровое рабочее место, предоставлять услуги в области информации и технологий, использовать цифровую инновационную «песочницу»).

Первый этап плана ЦТ АБР рассчитан на период 2019–2023 гг. и должен позволить улучшить управление данными, модернизировать и автоматизировать бизнес-процессы, внедрить новые технологии, улучшить технологическую инфраструктуру и услуги в штаб-квартире Банка и в полевых отделениях, увеличить возможности накопления знаний и обмена ими, обеспечить использование новых технологий.

Специалисты Банка полагают, что на первом этапе ЦТ прирост эффективности АБР составит не менее 6%, а прибыль от инвестиций появится уже после 2023 г. (капитальные затраты первого этапа ЦТ Банка, по оценке, составят \$118,3 млн) [22].

Заключение

Рассмотренные выше аспекты деятельности АБР, связанные с его влиянием на экономический рост, позволяют сделать следующие выводы:

1. Используемый АБР цикл проекта определяет влияние Банка на экономический рост: создаваемые новые основные и оборотные активы обеспечивают появление новых рабочих мест, производство новой продукции.

2. АБР формализовал категорию «инклюзивный экономический рост», что позволило ему количественно и качественно оценивать вклад каждого проекта в обеспечение данного роста.

3. Динамика операций АБР в период 2007–2016 гг. свидетельствует, что Банк ежегодно увеличивал объем финансирования (на 50% за 10 лет, а общий объем финансирования за этот период составил более 140 млрд долл. США).

4. Распределение финансирования АБР по отраслям в период 2007–2016 гг. показывает, что приоритетными для Банка были такие отрасли, как «транспорт и информационно-коммуникационные технологии», «энергетика», «общественный сектор» и «финансы» (79% общего объема финансирования).

5. АБР финансирует, прежде всего, те проекты, которые, по его мнению, обеспечивают инклюзивный экономический рост.

6. АБР использует каскадную систему оценки корпоративных результатов, которая обеспечивает оценку как проектов, так и стратегий сотрудничества с отдельными странами АТР (применяются несколько десятков показателей и индикаторов, что позволяет выполнять оценку по 4 уровням: развития АТР, вклада Банка в развитие, оперативного и организационного управления).

7. Поэтапная цифровая трансформация АБР позволит не только качественно и количественно улучшить его деятельность, но и повысит его эффективность.

8. Перспективы усиления влияния АБР на экономический рост в регионе связаны с сотрудничеством с другими банками развития, с проведением странами АТР адекватной решаемым задачам макроэкономической политики, с приоритетным финансированием инфраструктуры, управлением знаниями, диалогом с национальными властями, ростом эффективности деятельности Банка.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Role of Development Banks in Promoting Growth and Sustainable Development in the South. Economic Cooperation and Integration among Developing Countries. UNCTAD. December 2016. New York. https://unctad.org/system/files/official-document/gdsecidc2016d1_en.pdf (accessed 25.08.2020).
2. De Luna-Martínez, J. 2017 Survey of National Development Banks / J. De Luna-Martínez / *Global report* // World Bank Group. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/977821525438071799/pdf/2017-Survey-of-National-development-banks.pdf>. (accessed: 22.06.2020).
3. Asian development bank. <https://www.adb.org/search?keywords=project%20cycle&page=1&source=suggest> (accessed: 10.12.2020).
4. Griffith-Jones, S. 2021. The roles and importance of development banks. CEPAL, Seminario Fiscal, 23 de abril, 2021. https://www.cepal.org/sites/default/files/presentations/stephany_griffith-jones.pdf (accessed 15.06.2021).
5. Dönhaupt P., Herr H. 2020. Trade, Global Value Chains and Development. What Role for National Development Banks? Berlin School of Economics and Law, Institute for International Political Economy (IPE). https://www.ipe-berlin.org/fileadmin/institut-ipe/Dokumente/Working_Papers/ipe_working_paper_143.pdf (accessed 15.04.2020).
6. Öztürk H., Gültekin-Karakas D., Hisarcıklılar M. The role of development banking in promoting industrialization in Turkey. International Conference "Inequalities and Development in the Mediterranean Countries". Galatasaray University, Istanbul, Turkey. 21–23 May 2009. http://gdri.dreem.free.fr/wp-content/a4-ozturk_karakas_hisarciklilar.pdf (accessed 15.02.2020).
7. Suchodolski S.G., Junior A.M., Helena C., Bechelaine D.O., Costa L.M. From Global to Local: Subnational Development Banks in the Era of Sustainable Development Goals. International Research Initiative on PDBs and DFIs Working Groups. Working Paper No. 13. 2020. <https://www.nse.pku.edu.cn/docs/20201103192026515453.pdf> (accessed 12.02.2021).
8. From Pandemic to Recovery. The Role of Development Banks. Conference Report. https://financeincommon.org/sites/default/files/2020-10/Report_From%20Pandemic%20to%20Recovery.pdf (accessed 10.03.2021).
9. Musacchio A., Lazzarini S., Makhoul P., Simmons E. 2017. The Role and Impact of Development Banks. A Review of their Founding, Focus, and Influence. March 2017. <https://people.brandeis.edu/~aldom/papers/The%20Role%20and%20Impact%20of%20Development%20Banks%20-%202003-9-2017.pdf> (accessed 11.01.2020).
10. Digital economy report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries. UNCTAD. <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2019> (accessed 11.01.2020).
11. Basel Committee on Banking Supervision. Sound practices: implications of fintech developments for banks and bank supervisors. Issued for comment by 31 October 2017. <https://www.bis.org/bcbs/publ/d431.htm> (accessed: 18.01.2019).
12. Matveevskii S.S., Berdyshev A.V., Prokofiev M.N., Ryabchenko L.I. FinTech in the banking system of Russia: problems and prospects. Published by Future Academy www.FutureAcademy.org. 2019. <https://yandex.ru/search/?clid=2186621&text=FINTECH%20IN%20THE%20BANKING%20SYSTEM%20OF%20RUSSIA%3A%20PROBLEMS%20AND%20PROSPECTS%20&lr=213&redircnt=1616171823.1> (accessed: 20.02.2020).

13. Asian development bank. Project Performance and the Project Cycle. Operations Evaluation Department. Reference Number: SST: REG 2008-38. September 2008 (accessed: 20.02.2021).
14. ADB through the decades. ADB's FiFTH decade (2007–2016). Asian development bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/216306/adb-fifth-decade-updated-edition.pdf> (accessed: 10.03.2019).
15. Inclusive growth. OECD. <https://www.oecd.org/inclusive-growth/#introduction> (accessed: 10.10.2020).
16. Financial inclusion in the digital economy. Asian development bank. 2016. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/200001/financial-inclusion-digital-economy.pdf> (accessed: 16.02.2018).
17. Digital Technology in Agriculture and Food Security. Asian Development Bank. <https://www.adb.org/what-we-do/sectors/dt/overview/agriculture>
18. Disruptive technologies and digitization in development banks. Rio de Janeiro / Brasil, January 24, 2019. / <https://www.caf.com/en/currently/news/2019/01/disruptive-technologies-and-digitization-in-development-banks/> (accessed: 20.02.2021).
19. Asian development bank. Annual report 2020. <https://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2020/> (accessed: 20.02.2021).
20. Матвеевский С.С. Система оценки эффективности Азиатского банка развития // Вестник университета. 2021. No 2. С. 144–151.
21. McCawley P. Banking on the future of Asia and the Pacific. 50 years of the Asian development bank. <https://www.adb.org/publications/50-years-adb> (accessed: 20.02.2020).
22. Digital Agenda 2030: Special Capital Expenditure Requirements for 2019–2023. Asian development bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/472371/adb-digital-agenda-2030.pdf> (accessed: 10.10.2020).

REFERENCES

1. The Role of Development Banks in Promoting Growth and Sustainable Development in the South. Economic Cooperation and Integration among Developing Countries. UNCTAD. December 2016. New York. https://unctad.org/system/files/official-document/gdsecidc2016d1_en.pdf (accessed 25.08.2020).
2. De Luna-Martínez, J. 2017 Survey of National Development Banks / J. De Luna-Martínez / *Global report* // World Bank Group. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/977821525438071799/pdf/2017-Survey-of-National-development-banks.pdf> (accessed: 22.06.202019).
3. Asian development bank. <https://www.adb.org/search?keywords=project%20cycle&page=1&source=suggest> (accessed: 10.12.2020).
4. Griffith-Jones, S. 2021. The roles and importance of development banks. CEPAL, Seminario Fiscal, 23 de abril, 2021. https://www.cepal.org/sites/default/files/presentations/stephany_griffith-jones.pdf (accessed 15.06.2021).
5. Döhnhaupt, P., Herr, H. 2020. Trade, Global Value Chains and Development. What Role for National Development Banks? Berlin School of Economics and Law, Institute for International Political Economy (IPE). https://www.ipe-berlin.org/fileadmin/institut-ipe/Dokumente/Working_Papers/ipe_working_paper_143.pdf (accessed 15.04.2020).
6. Öztürk, H., Gültekin-Karakas, D., Hisarcıklılar, M. The role of development banking in promoting industrialization in Turkey. International Conference "Inequalities

- and Development in the Mediterranean Countries". *Galatasaray University*, Istanbul, Turkey 21–23 May 2009. http://gdri.dreem.free.fr/wp-content/a4-3ozturk_karakas_hisarciklilar.pdf (accessed 15.02.2020).
7. Suchodolski, S.G., Junior, A.M., Helena, C., Bechelaine, D.O., Costa, L.M. From Global to Local: Subnational Development Banks in the Era of Sustainable Development Goals. International Research Initiative on PDBs and DFIs Working Groups. Working Paper No. 13. 2020. <https://www.nse.pku.edu.cn/docs/20201103192026515453.pdf> (accessed 12.02.2021).
8. From Pandemic to Recovery. The Role of Development Banks. Conference Report. https://financeincommon.org/sites/default/files/2020-10/Report_From%20Pandemic%20to%20Recovery.pdf (accessed 10.03.2021).
9. Musacchio A., Lazzarini S., Makhoul P., Simmons E. 2017. The Role and Impact of Development Banks. A Review of their Founding, Focus, and Influence. March 2017. <https://people.brandeis.edu/~aldom/papers/The%20Role%20and%20Impact%20of%20Development%20Banks%20-%20203-9-2017.pdf> (accessed 11.01.2020).
10. Digital economy report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries. UNCTAD. <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2019> (accessed 11.01.2020).
11. Basel Committee on Banking Supervision. Sound practices: implications of fintech developments for banks and bank supervisors. Issued for comment by 31 October 2017. <https://www.bis.org/bcbs/publ/d431.htm> (accessed: 18.01.2019).
12. Matveevskii S.S., Berdyshev A.V., Prokofiev M.N., Ryabchenko L.I. FinTech in the banking system of Russia: problems and prospects. Published by Future Academy www.FutureAcademy.org. 2019. <https://yandex.ru/search/?clid=2186621&text=FINTECH%20IN%20THE%20BANKING%20SYSTEM%20OF%20RUSSIA%3A%20PROBLEMS%20AND%20PROSPECTS%20&lr=213&redircnt=1616171823.1> (accessed: 20.02.2020).
13. Asian development bank. Project Performance and the Project Cycle. Operations Evaluation Department. Reference Number: SST: REG 2008-38. September 2008 (accessed: 20.02.2021).
14. ADB through the decades. ADB's FiFTH decade (2007–2016). Asian development bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/216306/adb-fifth-decade-updated-edition.pdf> (accessed: 10.03.2019).
15. Inclusive growth. OECD. <https://www.oecd.org/inclusive-growth/#introduction> (accessed: 10.10.2020).
16. Financial inclusion in the digital economy. Asian development bank. 2016. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/200001/financial-inclusion-digital-economy.pdf> (accessed: 16.02.2018).
17. Digital Technology in Agriculture and Food Security. Asian Development Bank. <https://www.adb.org/what-we-do/sectors/dt/overview/agriculture>.
18. Disruptive technologies and digitization in development banks. Rio de Janeiro / Brasil, January 24, 2019. / <https://www.caf.com/en/currently/news/2019/01/disruptive-technologies-and-digitization-in-development-banks/> (accessed: 20.02.2021).
19. Asian development bank. Annual report 2020. <https://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2020/> (accessed: 20.02.2021).
20. Matveevskiy S.S. System for evaluating the effectiveness of the Asian Development Bank // Bulletin of the University. 2021. No 2. P. 144–151 DOI 10.26425/1816-4277-2021-2-144-151. (In Russ.).

21. McCawley, P. Banking on the future of Asia and the Pacific. 50 years of the Asian development bank. <https://www.adb.org/publications/50-years-adb> (accessed: 20.02.2020).
22. Digital Agenda 2030: Special Capital Expenditure Requirements for 2019–2023. Asian development bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/472371/adb-digital-agenda-2030.pdf> (accessed: 10.10.2020).

ABOUT THE AUTHOR

Matveevsky Sergey Sergeevich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Banking and Financial Markets of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ssmatveevskii@fa.ru

ASIAN DEVELOPMENT BANK AND ITS IMPACT ON ECONOMIC GROWTH

The article examines the impact of the Asian Development Bank on economic growth in the countries of the Asia-Pacific region. The author shows the importance of the bank's use of the concept of inclusive economic growth, the project cycle, the mechanism for assessing efficiency, the system for assessing corporate results. It is shown that the assessment system ensures the achievement of the bank's goals, determines its impact on economic growth. For the first time, the author singled out digital transformation as an important factor in enhancing the influence of a bank on economic growth. In the future, the acceleration of the bank's impact on economic growth is associated with: cooperation with other development institutions, investments in infrastructure, the use of relevant country strategies, assistance to the private sector, ensuring food security, social protection and financial inclusion, the continuation of the digital transformation of the bank.

Keywords: *Asian Development Bank, performance efficiency, project cycle, inclusive economic growth, corporate results assessment system, indicators and indicators, digital transformation.*

JEL: G20, G21.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Н.Ю. АХАПКИН

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель Центра институтов социально-экономического развития
ФГБУН Институт экономики РАН

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА: ДИНАМИКА И СТРУКТУРА

В статье проанализирована динамика промышленного производства в условиях пандемии коронавируса. Показано, что резкое замедление промышленного производства, наблюдавшееся в первой половине 2020 г., быстро сменилось восстановлением темпов его роста. Рассмотрена динамика промышленного производства в отраслевом разрезе и сделан вывод, что изменения, которые были зафиксированы в период пандемии, и особенно ярко проявившиеся в условиях максимальных ограничений экономической активности, носят конъюнктурный характер. Представлены результаты анализа динамики региональных различий в темпах роста промышленности, показавшие, что в 2021 г. в условиях восстановления экономики наметилась тенденция к их сокращению. Сделан вывод, что для увеличения доли обрабатывающих производств, прежде всего наукоемких, необходим переход к политике стимулирования роста промышленного производства на основе его структурной и технологической модернизации.

Ключевые слова: *промышленность, экономический рост, структура, структурные изменения, экономическая динамика.*

JEL: L50, L60, O11, R12.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_67_80.

Распространение пандемии коронавируса имело множество разноплановых экономических эффектов. Ограничения экономической деятельности («закрытие экономики») на начальном этапе пандемии привели к резкому падению объемов производства, носившему глобальный характер, поскольку такое падение затронуло, хотя и в разной степени, экономики всех государств мира [1]. Тем самым были заложены предпосылки для сокращения совокупного спроса, которые пока проявили себя далеко не полностью из-за масштабных программ стимулирования экономики и прямой поддержки доходов населения. Затем стали

наблюдаться эффекты, носящие уже комбинированный характер. Возникла ситуация, когда восстанавливающийся платежеспособный спрос наложил на устойчивое по ряду направлений экономической деятельности снижение предложения [2, с. 6–22; 3, с. 9–34]. Нарушение цикличности поставок приобрело глобальный характер, став фактором как усиления структурных дисбалансов, так и нарастания в странах развитых экономик инфляционных тенденций, «экспортируемых» во многие страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны.

В условиях общей дестабилизации экономики ее секторальная и отраслевая динамика оказалась неоднородной, и она менялась на разных этапах пандемии. Если обратиться к данным о структуре ВВП по счету производства, то видно, что в 2020 г. наибольшие потери пришлось на отрасли и виды деятельности, которые непосредственно связаны с оказанием услуг населению и которые в 2017–2019 гг. быстро росли. Что касается видов деятельности, показавших заметный рост в 2020 г., то это, например, оказавшаяся лидером финансовая и страховая деятельность, где индекс валовой добавленной стоимости составил 107,3%. Индекс промышленного производства за январь–декабрь 2020 г. по отношению к январю – декабрю 2019 г. снизился, по данным Росстата, до 97,9%. Это меньше общего уровня спада экономики. По итогам 2021 г. промышленное производство вырастет, судя по оперативным данным Росстата, скорее всего не менее чем на 4,5%¹. При этом динамика не только в 2020 г., но и за прошедшие месяцы 2021 г. по основным видам отраслей российской промышленности оказывалась очень разной.

Доступная к настоящему времени статистика Росстата, характеризующая развитие промышленности в период пандемии, уже дает возможность проанализировать не только динамику промышленного производства в целом, но и изменения в структуре его роста, включая региональную структуру, а также дать первые оценки характера этих изменений². Результаты такого анализа, представленные в настоящей статье, позволяют, даже при сохранении критически высокого уровня неопределенности условий развития, обозначить хотя бы контуры дальнейшей трансформации структуры российской промышленности.

¹ Минэкономразвития РФ ожидает, что рост составит 4,2% – и по базовому, и по консервативному сценариям Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/d7f5f5dea44bda4c30d42aac04cc1fca/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2022-2024.pdf. Отметим, что при оценках роста промышленности в 2021 г. в любом случае нужно принимать во внимание эффект низкой базы.

² Для анализа в качестве исходных данных использованы материалы Росстата об индивидуальных и агрегированных по видам деятельности индексах промышленного производства за год, кварталы и месяцы, в том числе по российским регионам.

Резкое торможение, быстрое восстановление и неустойчивый рост как характеристики динамики промышленного производства в 2020–2021 гг.

Перед началом коронакризиса состояние российской промышленности характеризовалось положительными, хотя и невысокими темпами роста, и постепенным сокращением отраслевых диспропорций. Если в период трансформационного спада добыча полезных ископаемых сокращалась меньшими темпами, чем выпуск в обрабатывающих отраслях, то после 2000 г. ускоренными темпами стали расти именно они (см. рис. 1) [4; 5; 6]. За 20 лет – с 2000 г. по 2019 г. – среднегодовое значение индекса промышленного производства в добывающих отраслях составило 103,1%, а в обрабатывающих – 104,4%. Но важно отметить, что развитие промышленности шло в условиях жестких ресурсных и институциональных ограничений, связанных в том числе и с санкционным давлением. Оно не было устойчивым и динамичным. Можно сказать, что реализовывался российский вариант «новой нормальности» [7; 8] – невысокий рост при постоянной угрозе перехода к стагнации. И нельзя не выделить еще одну особенность российской про-

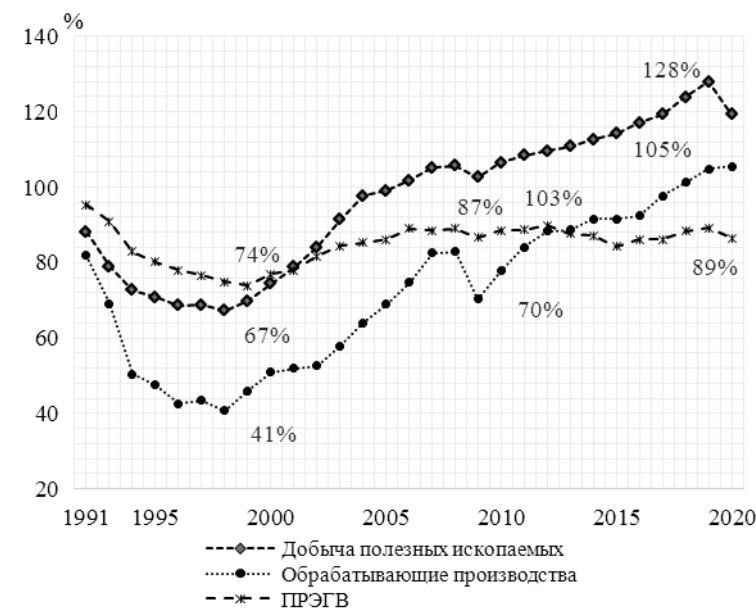

Рис. 1. Динамика индексов промышленного производства по видам деятельности в 1991–2020 гг. (1991 г. – 100%) (ПрЭГВ – производство и распределение электроэнергии, газа и воды. При расчетах за 2014 г. и далее использованы данные по наименованиям видов экономической деятельности по ОКВЭД2).

Источник: рассчитано автором по: данные Росстата: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2019 гг. https://gks.ru/bgd/regl/b20_13pr/Main.htm; Оперативная информация о промышленном производстве. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.

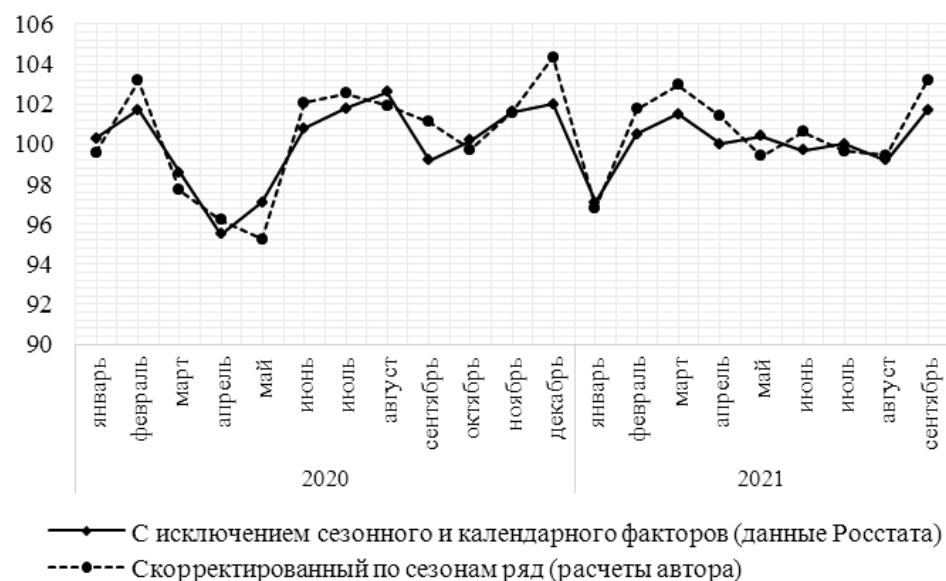

Рис. 2. Динамика индекса промышленного производства в 2020 г. и январе–сентябре 2021 г. (приведенные на рисунке данные получены по результатам расчетов с использованием разных методик снятия сезонности. Но несмотря на различия показателей по месяцам, траектории индекса промышленного производства в целом совпали)

Источник: рассчитано и составлено автором по: данные доклада «Социально-экономическое положение России». Январь–сентябрь 2021. https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm.

мышленности, проявившуюся после кризиса 2008 г., – относительно высокий уровень ее адаптации к внешним шокам [9]. Даже в 2015 г., когда индекс физического объема ВВП составил 98,0%, показатели выпуска по промышленному производству в целом оставались положительными. Именно эта особенность, несмотря на всю уникальность коронакризиса, сыграла свою роль и в немалой степени определила траекторию промышленного производства в 2020–2021 г.

Сокращение промышленного производства началось в марте 2020 г., и оно оказалось очень резким. Минимальные показатели индекса промышленного производства были зафиксированы в апреле–мае 2020 г. (см. рис. 2). По расчетам Минэкономразвития РФ, в мае выпуск был на 11,9% ниже, чем в марте³. Но уже в июне, когда стали сниматься наиболее жесткие ограничения, индекс промышленного производства начал быстро расти. Некоторое замедление процесса восстановления объемов

производства наблюдалось в сентябре и октябре 2020 г. При сохранении проблем в добывающей промышленности в эти месяцы снизилось производство в обрабатывающих отраслях, прежде всего в машиностроении, что, скорее всего, было связано со слабым восстановлением спроса. Но рост в последние месяцы 2020 г., который в декабре достиг годового максимума, дал основания говорить, что промышленное производство к январю 2021 г. приблизилось к докризисному уровню [10, с. 24]. Даже если взять данные Росстата в целом за IV квартал 2020 г., то отношению к I кварталу 2019 г. индекс промышленного производства был ниже только на 0,7%. В целом за 2020 г. промышленное производство в отрицательной зоне находилось только четыре месяца. Кроме относительно невысокого снижения объемов производства можно также отметить, что инвестиции в основной капитал в 2020 г. снизились лишь в добывающих отраслях (индекс физического объема составил 97%), в других видах промышленной деятельности они выросли. Например, в обрабатывающей промышленности индекс физического объема инвестиций в основной капитал составил 101,5% по отношению к 2019 г. Показательно, что в 2020 г. по всем видам экономической деятельности в промышленности вырос индекс изменения фондовооруженности – больше всего (на 8,4%) – в обрабатывающей промышленности⁴.

Еще одно резкое сокращение производства было отмечено в промышленности в январе уже 2021 г. Здесь скорее всего при сохраняющейся неустойчивости спроса и неопределенности перспектив развития, сыграли свою роль, как указывали в Росстате, календарный и эпидемиологический факторы. Однако значимого влияния на уже сформировавшуюся тенденцию роста промышленного производства это, на сегодняшний день последнее существенное снижение его объемов, не оказало. В феврале 2021 г. рост восстановился, но в дальнейшем (вплоть до сентября 2021 г.) темпы его были невысокими и неустойчивыми.

Примечательной особенностью развития промышленности в условиях пандемии стало непродолжительное, проявившееся прежде всего в 2020 г., но довольно значимое изменение его динамики по видам деятельности (см. рис. 3). Основное сокращение объемов производства в 2020 г. наблюдалось в добывающих отраслях – за год на 6,6%. Максимальным оно было в мае-июне, когда последствия сделки ОПЕК+ стали накладываться на снижение потребления и, соответственно, спроса⁵. В июне 2020 г. добыча сырой нефти, включая газовый конденсат, по отношению к июню 2019 г. составила 83,4%. В натуральном выражении за год она упала на 48 млн т, а добыча природного

³ Министерство экономического развития Российской Федерации. О динамике промышленного производства. Октябрь 2020 г. <https://www.economy.gov.ru/material/file/7728a40da35aca19b1bc70a9d9563eed/201015.pdf>.

⁴ По данным Росстата. <https://rosstat.gov.ru/folder/11186>.

⁵ Обзор мировых энергетических рынков: рынок нефти январь 2021 г. НИФИ. 2021. https://www.nifi.ru/images/FILES/energo/2021/oilmarket_january_2021.pdf.

газа – на 45 млрд м³. С августа отрасль стала восстанавливаться, но так и не достигла к концу года докризисного уровня (индекс производства в декабре 2020 г. по отношению к декабрю 2019 г. составил лишь 94%).

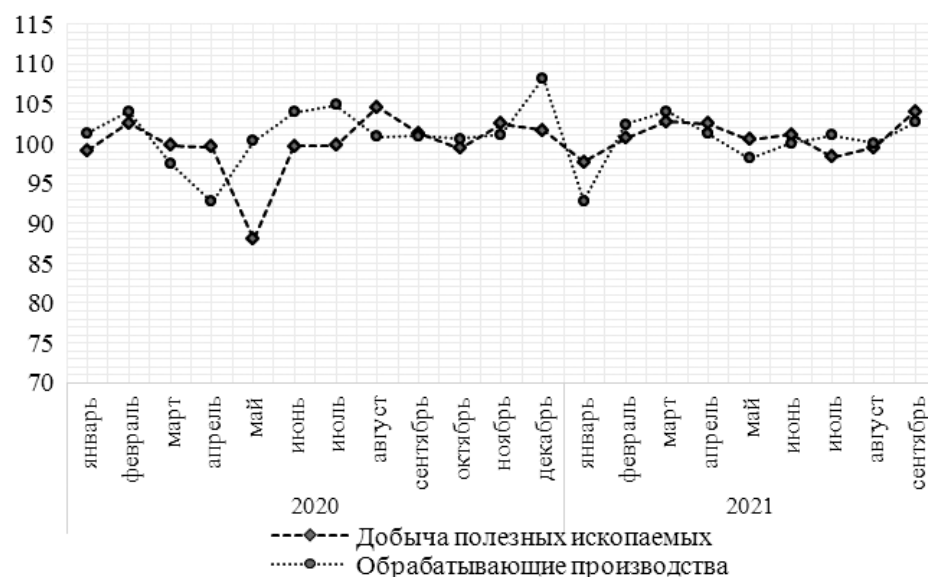

Рис. 3. Динамика индекса промышленного производства по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» в 2020 г. и январе–сентябре 2021 г.

Источник: рассчитано и составлено автором по: данные доклада «Социально-экономическое положение России». Январь–сентябрь 2021. https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm.

Снижение производства в обрабатывающей промышленности началось в марте 2020 г. и достигло максимального значения в апреле. Затем выпуск начал восстанавливаться. В целом за 2020 г. он вырос на 1,4%. Такая динамика, заметно отличавшаяся от динамики добывающей промышленности, во многом обусловлена тем, что обрабатывающая промышленность характеризуется значительным разнообразием отраслей, продукция которых сориентирована на разные виды спроса.

В 2020 г. по сравнению с 2019 г. и 2018 г. произошло увеличение разрывов в динамике роста производства по отдельным видам деятельности (по оценке индексов производства) в целом по промышленности, и прежде всего в обрабатывающих отраслях. Надо отметить, что уровень и динамика этих разрывов традиционно неустойчивы, нет выраженной долговременной тенденции к их сокращению или росту. Например, в 2015 г., когда индекс промышленного производства вырос всего на 0,2%, стандартное отклонение, рассчитанное по 126 видам экономической деятельности (по ОКВЭД2), по которым Росстат

определяет индексы производства, было минимальным за 7 лет (12,2). Но что касается 2020 г., то на рекордный уровень за те же 7 лет вышел разрыв между максимальным и минимальным значениями индексов и выросло стандартное отклонение (см. табл. 1). Это указывает на то, что в условиях общего снижения производства предприятиям отдельных видов экономической деятельности удалось сохранить и даже нарастить объемы производства. И это не только производство медицинских инструментов и оборудования, где рост составил 47,2%. Это, например, производство машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства – 15,2%, производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования – 9,7%, производство игр и игрушек – 7,7%.

Таблица 1

Отдельные показатели описательной статистики индексов производства по отдельным видам экономической деятельности за 2018–2020 гг.

Годы	Размах	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
2018	126,6	58,1	184,7	12,9
2019	130,1	48,6	178,7	13,4
2020	163,1	20,4	183,5	15,1

Источник: рассчитано автором по: данные Росстата. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial; в расчет включены 126 видов экономической деятельности.

В заканчивающемся 2021 г., который стал для российской промышленности годом восстановительного роста, судя по данным Росстата за январь–сентябрь, добыча полезных ископаемых росла немного быстрее, чем обрабатывающие производства. Такая динамика говорит о том, что несмотря на масштабность изменений в отраслевой структуре роста в пользу обрабатывающих производств, наблюдавшихся в 2020 г., по своему характеру они были конъюнктурными. Уже во II квартале 2021 г. уровни индексов физического объема валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств и добывающих отраслей почти сравнялись. Опережающее развитие обрабатывающей промышленности на первом этапе пандемии – это во многом оборотная сторона резкого и сильного падения выпуска в добывающих отраслях. Поэтому говорить о возникновении новых устойчивых трендов в реструктуризации промышленного производства пока оснований нет.

Региональные различия темпов промышленного производства: от роста к снижению

С начала 2000-х годов стали формироваться предпосылки для постепенного сглаживания различий в уровне экономического развития российских регионов [11, с. 37]. Во второй половине 2010-х годов по отдельным показателям такое снижение проявилось вполне определенно [12]. Начиная с 2016 г. происходило сглаживание различий в темпах роста промышленного производства между субъектами Российской Федерации. По сравнению с 2015 г. в 2019 г. разница между минимальным и максимальным значением его агрегированного индекса снизилась более чем в три раза, а стандартное отклонение, рассчитанное по всем субъектам Российской Федерации, – с 10,6 до 5,0⁶. Если вести расчет по регионам, где удельный вес добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств выше 0,1% в общем объеме их выпуска по стране⁷, то динамика схожая – стандартное отклонение снизилось с 10,6 до 4,8. Но в 2020 г. эта наметившаяся тенденция прервалась – региональные различия в темпах роста промышленности заметно возросли. Размах значений индексов промышленного производства увеличился сразу в 2,5 раза, а стандартное отклонение выросло до 9,0 по всем регионам и до 7,7, без учета регионов с низким уровнем промышленного развития.

Общий рост промышленного производства в стране до 2019 г. был сопряжен с позитивной региональной динамикой. С 2015 г. по 2019 г. число регионов, в которых промышленность росла, увеличилось с 48 до 73. Несмотря на колебания по годам, все больше становилось регионов, в которых росло как обрабатывающее производство, так и добыча полезных ископаемых. Но выделить территории, являющиеся устойчивыми лидерами или аутсайдерами по одному или даже группе показателей промышленного роста, не удастся. Слишком велико влияние разнородных и быстро меняющихся факторов спроса, цикличности инвестиционных процессов, масштабов инвестиционной под-

⁶ При расчете не учитывались данные по г. Севастополю. Это связано с тем, что по такому виду деятельности, как «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», в 2019 г. был зафиксирован рост показателя сразу в 2,7 раза в связи с введением в строй новых объектов (прежде всего это Балаклавская ТЭС). Такой выброс, хотя и не является результатом ошибки учета, при включении в расчет существенно меняет фактически сложившиеся тренды. К тому же в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных Росстат не дает сведений по добывающим производствам г. Севастополя.

⁷ Регионы были определены по данным Росстата: Удельный вес субъекта в общероссийских основных социально-экономических показателях в 2019 г. https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm.

держки региональных проектов федеральным центром. Распределение регионов по темпам роста – это дополнительная характеристика развития промышленности по стране в целом, его пространственный срез. Поэтому вполне естественно, что в 2020 г. число регионов с растущей промышленностью существенно снизилось – до 44, а с растущей добычей полезных ископаемых оказалось на минимальном за пять лет уровне (см. рис. 4).

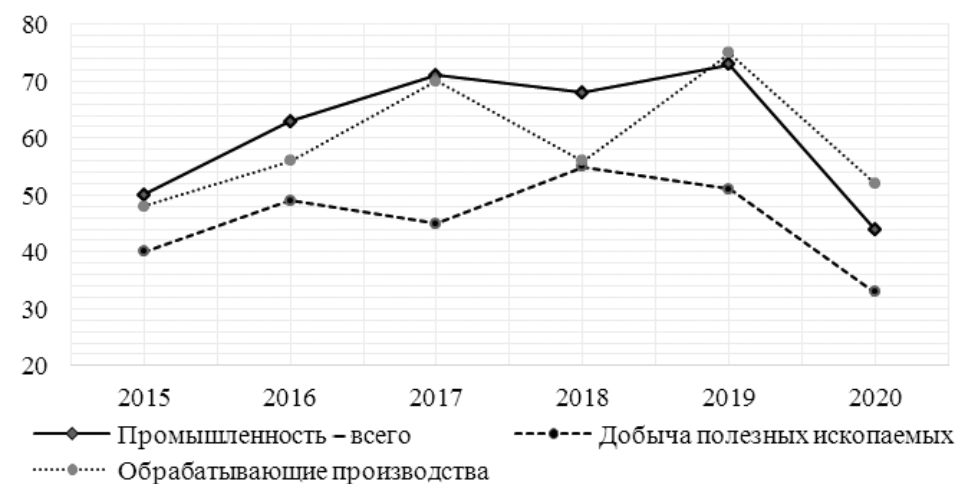

Рис. 4. Число регионов, в которых наблюдалось увеличение индекса промышленного производства в 2015–2020 гг.

Источник: рассчитано автором по: данные Росстата. Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации (в % к предыдущему году). https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.

Возвращение к прежней, допандемийной региональной динамике наметилось уже в конце 2020 г. и продолжилось в 2021 г. [13]. Главной причиной этого стал набирающий темп рост промышленного производства. На треть по отношению к соответствующему периоду 2020 г. сократился разрыв между максимальным и минимальным уровнями индексов промышленного производства, а стандартное отклонение снизилось с 10,1 до 8,0 (см. табл. 2). Отметим, что движение к докризисному уровню активнее идет в обрабатывающих производствах, обслуживающих и инфраструктурных видах промышленной деятельности. В добывающих отраслях этот уровень пока остается таким же, как в 2020 г.

Число регионов, в которых индекс промышленного производства оказался положительным, в январе–сентябре 2021 г. составило 72. В том же периоде 2020 г. их было всего 39. Быстрее увеличивается число регионов, где растет обрабатывающее производство, – с 48 оно

Таблица 2

**Отдельные показатели описательной статистики индексов
промышленного производства по регионам России
за январь–сентябрь 2019–2021 гг.**

Периоды	Размах	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
Январь – сентябрь 2019	34,8	84,4	119,2	5,5
Январь – сентябрь 2020	77,3	61,2	138,5	10,1
Январь – сентябрь 2021	51,7	88,20	139,9	8,0

Источник: рассчитано автором по: данные Росстата. Индексы промышленного производства (в % к соответствующему периоду предыдущего года). https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.

возросло до 73. Медленнее увеличивается число регионов с растущей добычей полезных ископаемых – за указанный период их стало больше только на 11. Отметим, что среди крупных и промышленно развитых регионов, показывающих в 2021 г. высокие темпы роста, оказались как те, в которых в 2020 г. промышленное производство упало, так и те, в которых оно продолжало расти. К числу первых относятся, например, Республика Саха (Якутия), Санкт-Петербург, Новосибирская область. В число вторых входят, в частности, Москва, Московская и Ростовская области.

* * *

Оценивая в целом показатели динамики промышленного производства в условиях пандемии, можно сказать, что реализовался вариант развития, который стало принято определять как «траектория V» – быстрое и значительное снижение, а затем такое же быстрое восстановление. В то же время неверно содержательно отождествлять то, что произошло весной 2020 г., с пиком спада как фазы классического экономического цикла. Промышленность оказалась в ситуации, когда процесс производства свертывался не в силу экономических причин, а прежде всего в силу административных решений. Только часть объемов падения в добывающей промышленности можно отнести на счет рыночной конъюнктуры. Фактически производственная деятельность части промышленных предприятий была остановлена или существенно ограничена. Поэтому точнее определять события весны 2020 г. не как спад, а как остановку или управляемое торможение промышленного производства. Как только наиболее строгие ограничения экономической активности были сняты, промышленность стала быстро восстанавливаться. И конечно, свою роль в восстановлении и последующем переходе к росту сыграли сильные адаптационные возможно-

сти российской промышленности, предприятия которой, даже далеко не всегда демонстрируя высокую эффективность, хорошо «натренированы» к работе в условиях рисков и неопределенности перспектив развития. В итоге российская промышленность оказалась далеко не самым пострадавшим сектором российской экономики.

Что касается структурных изменений, зафиксированных в период пандемии (особенно в 2020 г.), то по своему характеру они являются конъюнктурными. Конечно, увеличение доли обрабатывающих производств, прежде всего наукоемких, способных выпускать высококонкурентные товары, – это критически важная для страны задача. Но чтобы достичь даже скромного роста обрабатывающей промышленности до уровня 3% и выше с 2023 г., что предусмотрено прогнозом Минэкономразвития РФ⁸, потребуется существенная институциональная перестройка. Необходимо сменить сложившуюся в России экономическую модель, которая в условиях нарастания нестабильности мировой экономики, усиления потенциальных и реальных угроз экономической безопасности и в целом конкурентной борьбы на мировых рынках, если сама по себе не порождает и не усиливает риски, связанные с высокой уязвимостью национальной экономики, то и не формирует механизмов их предотвращения или минимизации и слабо сопряжена с решением задач ускорения роста промышленного производства на основе его структурной и технологической модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Предложения по мероприятиям в сфере экономической и социальной жизни страны после завершения активной фазы борьбы с коронавирусом / Коллектив авторов: Е.Б. Ленчук, Р.С. Гринберг, М.Ю. Головин и др. Доклад Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2020.
2. Кондрашов Н.В., Смирнов С.В. Эффекты спроса и предложения в развитии коронакризиса / Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Н.В. Акиндинова (рук. авт. кол.), Э.Ф. Баранов, В.А. Бессонов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
3. Мау В.А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики. Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 42) // Под научн. ред. А.Л. Кудрина, В.А. Мау, А.Д. Радыгина, С.Г. Синельникова-Мурылева; Ин-т Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.

⁸ Прогноз социально-экономического развития российской федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/d7f5f5dea44bda4c30d42aac04cc1fca/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2022-2024.pdf.

4. Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста: монография / рук. авт. кол. Д.Е. Сорокин; под ред. Н.Ю. Ахапкина, Л.В. Никифорова. М.: ИНФРА-М, 2017.
5. Структурные изменения в российской экономике и структурная политика. Аналитический доклад. / Ю. Симачев, Н. Акиндинова, А. Яковлев и др.; научн. рук. Е.Г. Ясин. НИУ ВШЭ, 2018.
6. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка. Тез. докл. на XIX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 10–13 апр. 2018 г. / Ю.В. Симачев, Н.В. Акиндинова, А.А. Яковлев и др.; науч. рук. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
7. Тетерятников К.С. Новая нормальность в мировой и российской экономике // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2016. № 4. С. 36–43.
8. Юдаева К. New Normal для России // Экономическая политика. 2010. № 6. С. 196–200.
9. Цухло С.В. Адаптация российской промышленности к кризису 2020 года / Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. № 16(148). Октябрь. С.13–15. <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-16-148-oktyabr-2021-g.html>.
10. Баранов Э.Ф., Бессонов В.А. «Якоря» и «локомотивы» российской промышленности / Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики: докл. к XXII Апр. между нар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Н.В. Акиндинова (рук. авт. кол.), Э.Ф. Баранов, В.А. Бессонов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
11. Бураков Н.А., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В., Рубинштейн А.Я., Славинская О.А., Слуцкий Л.Н. Региональный индекс экономического развития и ранжирование субъектов Российской Федерации / Под ред. Е.М. Бухвальда и А.Я. Рубинштейна (Препринт). М., Институт экономики РАН. 2019.
12. Ахапкин Н.Ю. Структурные изменения на российском рынке труда (региональный аспект) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 6. С. 26–40.
13. Зубаревич Н.В. Регионы России: динамика выхода из ковидного кризиса в 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 10. С. 64–69.

REFERENCES

1. Proposals for measures in the field of economic and social life of the country after the completion of the active phase of the fight against coronavirus. Team of authors / E.B. Lenchuk, R.S. Grinberg, M.Yu. Golovnin, etc. Report of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. M.: IE RAS, 2020. (In Russ.).
2. Kondrashov N.V., Smirnov S.V. The effects of supply and demand in the development of the coronacrisis / Macroeconomic effects of the COVID-19 pandemic and prospects for economic recovery: dokl. to the XXII Apr. international Scientific Conference on problems of economic and social development, Moscow, 13–30 Apr. 2021 / N.V. Akindinova (author's col.), E.F. Baranov, V.A. Bessonov et al.; Nats. research.

- un-t "Higher School of Economics". M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. (In Russ.).
3. Mau V.A. Coronavirus pandemic and economic policy trends. The Russian economy in 2020. Trends and prospects. (Iss. 42). Under scientific ed. A.L. Kudrina, V.A. Mau, A.D. Radygina, S.G. Sinelnikova-Muryleva. Gaidar Institute. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2021. (In Russ.).
4. Socio-economic conditions of transition to a new model of economic growth: monograph / author. col. D.E. Sorokin; edited by N.Yu. Akhapiin, L.V. Nikiforov. M.: INFRA-M, 2017. (In Russ.).
5. Structural changes in the Russian economy and structural policy. Analytical report. / Yu. Simachev, N. Akindinova, A.Yakovlev, et al.; under the scientific supervision of Yasin E.G. HSE, 2018. (In Russ.).
6. Structural Policy in Russia: new conditions and a possible agenda. Tez. dokl. on the XIX Apr. international scientific conference on problems of economic and social development. Moscow, 10–13 Apr. 2018 / Yu.V. Simachev, N.V. Akindinova, A.A. Yakovlev et al.; scientific director E.G. Yasin; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. (In Russ.).
7. Teteryatnikov K.S. New Normal in Global and Russian Economy // Management and business administration. 2016. No. 4. Pp. 36–43. (In Russ.).
8. Yudaeva K. New Normal for Russia // Economic Policy. No. 6. 2010. Pp. 196–200. (In Russ.).
9. Tsukhlo S.V. Adaptation of Russian industry to the crisis of 2020 / Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development. 2021. № 16(148). October. Pp. 13–15. <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-16-148-oktyabr-2021-g.html>. (In Russ.).
10. Baranov E.F., Bessonov V.A. "Anchors" and "locomotives" of the Russian industry / Macroeconomic effects of the COVID-19 pandemic and prospects for economic recovery: dokl. to XXII Apr. between nar. scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 13–30 Apr. 2021 / N.V. Akindinova (author's hand. col.), E.F. Baranov, V.A. Bessonov et al.; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. (In Russ.).
11. Burakov N.A., Bukhvald E.M., Kolchugina A.V., Rubinstein A.Ya., Slavinskaya O.A., Slutskin L.N. Regional Index of Economic Development and Ranking of the Subjects of the Russian Federation / Ed. E.M. Bukhvald and A.Ya. Rubinstein (Preprint). M., Institute of Economics RAS. 2019. (In Russ.).
12. Akhapiin N.Yu. Structural changes in the Russian labor market (regional aspect) // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 6. Pp. 26–40. (In Russ.).
13. Zubarevich N.V. Regions of Russia: dynamics of overcoming the covid crisis in 2021 // Economic development of Russia. Volume 28. No. 10. October 2021. Pp.64–69. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Akhapkin Nikolai Yurievich – Candidate of Economic Sciences, Leading Research Associate, Head of the Center of the Institutes of Socio-Economic Development of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
nga.letter@gmail.com

INDUSTRIAL PRODUCTION UNDER THE CORONAVIRUS PANDEMIC: DYNAMICS AND STRUCTURE

The article analyzes the dynamics of industrial production under conditions of a coronavirus pandemic. The sharp slowdown in industrial production observed in the first half of 2020 has been shown to be quickly replaced by a recovery in growth. The sectoral development of industrial production was reviewed and it was concluded that the changes that had been observed during the pandemic, which were particularly pronounced in the face of the greatest restrictions on economic activity, were of a market nature. The results of the analysis of regional differences in industrial growth rates are presented. In 2021, the recovery of the economy showed a downward trend. The conclusion is that a shift towards a policy of stimulating the growth of industrial production through structural and technological upgrading is necessary to increase the share of manufacturing, especially knowledge-intensive production.

Keywords: *industry, economic growth, structure, structural changes, economic dynamics.*

JEL: L50, L60, O11, R12.

Вестник Института экономики Российской академии наук
6/2021

А.А. МАЛЬЦЕВ

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики Уральского отделения РАН

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В статье систематизированы основные этапы разработки концепции устойчивого развития в современной международной практике. Выявлена ее принципиальная особенность, заключающаяся в согласовании экономической, экологической и социальной задач развития общества в процессе налаживания взаимодействия человека, общества и окружающей среды. Показан процесс эволюции подходов к определению концептуальной сущности устойчивого развития, рассматриваемого в решениях ООН как базис благополучия людей и глобального экономического развития. Выявлены 3 этапа российской практики обращения к данной концепции. Показано, что на практике ее фрагментация оборачивается противопоставлением составляющих устойчивого развития, а экономический рост, по сути, подменяется финансовой стабильностью. Делается вывод о том, что необходима решительная смена экономической модели – уход от доминанты накопления и осуществление комплексной социально-экономической политики, направленной на рост человеческого капитала.

Ключевые слова: *долгосрочное социально-экономическое развитие, национальные цели, окружающая среда, устойчивое развитие, устойчивость экономического роста, человеческий капитал, экологическая безопасность.*

JEL: E61, F53, F63, F64.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_81_96

Введение: защита окружающей среды и экономический рост

С начала 1990-х годов проблема устойчивого развития (sustainable development) как основы взаимоотношений человека, общества и окружающей среды находится в числе главных приоритетов современной повестки многих международных форумов. Первопричина состоит в том, что именно на исходе XX столетия «ускоренное развитие глобализации многократно опередило способность глобальной среды отвечать на угрозы ее стабильности» [1, р. 4]. Как отмечают многие специалисты, эта имманентная взаимозависимость экономики и дол-

госрочной стабильности окружающей среды является фундаментом устойчивого развития [2; 3; 4]. Профессор Дж. Дернбах даже называет ее «свадьбой окружающей среды и развития» [5, р. 250]. Очевидно, что в данном контексте в категорию «устойчивое» закладывается трактовка, отличная от толкования, предлагаемого С.И. Ожеговым, как «не подверженный колебаниям, постоянный, стойкий, твердый» [6, с. 838].

Длительное время взаимосвязь задач по сохранению окружающей среды и по поддержанию конкурентоспособности промышленности рассматривалась в контексте нахождения компромисса между выигрышем общества и издержками бизнеса [4, р. 2]. Другими словами, вопрос заключался в том, чтобы отыскать способ согласования желания людей защитить окружающую среду с усилиями по предотвращению роста нагрузки на промышленность. М. Портер и К. Линде одними из первых постарались доказать, что в такой постановке спор вокруг дилеммы «окружающая среда – промышленность» сфокусирован неверно [7]. Действительно, в статике компании, уже понесшие определенные затраты на охрану окружающей среды, неизбежно увеличивали свои производственные издержки и становились менее конкурентоспособными.

Однако новая парадигма международной конкурентоспособности [8; 9], базирующаяся на инновациях, являющихся динамичными по своей сути, ушла от статики. Доказано, что в современных условиях компании конкурентоспособны на мировом рынке не из-за меньших издержек или больших масштабов производства, а благодаря их способности постоянно заниматься инновационной деятельностью. Поэтому их сравнительные преимущества зиждутся на способности непрерывно продуцировать инновации и улучшения, снимающие действующие ограничения. В этом отношении соответствующим образом настроенные стандарты охраны окружающей среды могут стать триггером инноваций, частично или даже полностью покрывающими затраты на их разработку и внедрение. Такие, по определению М. Портера и К. Линде, «инновационные компенсации» могут не только снизить чистые издержки, обеспечивающие соответствие высоким стандартам охраны окружающей среды, но и обеспечить абсолютные преимущества перед фирмами других стран, где таких регулятивных мер нет [7, р. 98].

Установление принципов устойчивого развития в международной практике

Как же укоренялось триединство «человек – общество – природа» в современной глобальной повестке? За точку отсчета следует принять первую всемирную конференцию по проблемам окружающей среды (или первый «Саммит Земли»), проведенную ООН в Стокгольме 5–16

июня 1972 г. По итогам конференции были приняты Стокгольмская декларация, выдвинувшая сохранение окружающей среды в качестве одной из самых актуальных проблем современной цивилизации, а также План действий, содержащий 109 рекомендаций, сведенных в 3 раздела и нацеленных на практическую реализацию закрепленных в Декларации 26 базовых принципов сохранения окружающей среды¹. Первые два принципа, по сути, заложили базис появившейся позднее Концепции устойчивого развития: «человек – создание и творец окружающей его среды» и «защита и улучшение окружающей среды являются главным фактором, влияющим на благополучие людей и экономическое развитие во всем мире». Подчеркнем, что в материалах Стокгольмской конференции понятие «устойчивое развитие» еще не использовалось.

Своим появлением в современной международной практике категория «sustainable development» «обязана» Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию, которая была создана в 1983 г. под руководством Г.Х. Брунтланд, премьер-министра Норвегии, с целью убедить страны в необходимости объединения усилий для обеспечения устойчивого развития. Комиссия завершила свою работу 20 марта 1987 г., подготовив доклад «Наше общее будущее – от одной Земли к одному Миру»², который был представлен 21 октября 1987 г. на 42-й сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН³. Именно в этом докладе, в разделе 1, появляется параграф 3 из 4-х пунктов. В первом пункте в концентрированном виде формулировалась суть концепции: «обеспечить потребности ныне живущих людей, не ущемляя возможности следующих поколений удовлетворять свои потребности», позднее получившая определение как принцип «межпоколенческого равенства» [4, р. 2; 5, р. 249]. Комиссия принципиально отказалась от предлагавшихся в первоначальных вариантах доклада формулировок свести проблематику исключительно к вопросам окружающей среды или ограничиться поиском ответов на вопрос: «что делать бедным странам, чтобы стать богатыми?». Посыл состоял именно в том, чтобы использование ресурсов, корректировку направлений инвестиционного развития, институциональные преобразования производить во взаимоувязке, а не разрывать на составляющие, и постоянно помнить при этом о нуждах будущих поколений.

¹ Report of the United Nations Conference on the Human Environment. Stockholm, 5-16 June 1972. <https://undocs.org/en/A/CONF.48/14/Rev.1> (дата обращения: 01.10.2021).

² Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, From One Earth to One World. <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

³ Материалы 42-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 октября 1987 г. <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/42/PV.41> (дата обращения: 01.10.2021).

Следующий важный шаг в данном направлении был сделан на третьем «Саммите Земли». На Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г.) была подписана рамочная Конвенция ООН по изменению климата (от 9 мая 1992 г.), приняты Декларация по окружающей среде и развитию и 500-страничная программа «Повестка дня на XXI век»⁴. В контексте настоящей работы следует обратить внимание на 27 закреплённых в Декларации принципов, в 12-ти из которых используется категория «устойчивое развитие». Этим документом фактически признавалось неразрывное единство экономического развития страны и охраны ее окружающей среды с «ненанесением ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальных юрисдикций» (принцип 2). В принципе 4 предельно четко зафиксирована важнейшая опорная составляющая рассматриваемой концепции: «Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него»⁵.

На 19-й Специальной сессии ГА ООН (23-28 июня 1997 г.), по итогам обсуждения вопроса «Обзор и оценка реализации “Повестки дня на XXI век”», была поставлена задача – всем странам к 2002 г. разработать национальные стратегии устойчивого развития. В 2002 г. на четвертом «Саммите Земли» в Йоханнесбурге была выдвинута новая цель: все страны должны начать реализацию национальных стратегий к 2005 г. По информации на 2005 г., к их выполнению приступили 40% членов ООН (из 191 на тот момент), ряд стран заканчивали работу над ними, 59 государств подготовили национальные стратегии сокращения бедности [3, р. 86].

8 сентября 2000 г. на 55-ой сессии ГА ООН была принята Декларация тысячелетия, утвердившая 8 целей глобального развития на период до 2015 г.⁶ В качестве одной из таких целей было закрепление приверженности принципам устойчивого развития, согласованным в Рио-де-Жанейро в 1992 г. в программе «Повестка дня на XXI век». По завершении 15-летнего цикла, на юбилейной, 70-й сессии ГА ООН 25 сентября 2015 г., страны-участницы приняли новую резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого

развития на период до 2030 года»⁷. В Повестку–2030 вошли 17 целей в области устойчивого развития, развернутые в 169 задач. Новые цели и задачи вступили в силу с 1 января 2016 г., при этом ООН на ближайшие 15 лет обязалась руководствоваться ими при принятии решений.

Государственная политика обеспечения устойчивого развития в Российской Федерации

Первую реакцию России на новые международные инициативы можно признать соразмерной остроте очередного глобального вызова. Уже 4 февраля 1994 г., ровно за 9 месяцев до ратификации рамочной Конвенции ООН по изменению климата от 9 мая 1992 г.⁸, президент РФ утвердил основные положения государственной стратегии по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития Российской Федерации⁹. Ее положения сохраняли силу почти четверть века – вплоть до утверждения 19 апреля 2017 г. Стратегии экологической безопасности России до 2025 г.¹⁰

1 апреля 1996 г. президент РФ утвердил представленную правительством Концепцию перехода страны к устойчивому развитию и предписал до конца года представить на рассмотрение проект государственной стратегии устойчивого развития РФ¹¹. Выполняя данное распоряжение, правительство РФ через месяц поручает Министерству экономики РФ, Министерству охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, Министерству науки и технической политики РФ подготовить проект Стратегии к 1 ноября 1996 г.¹² В связи с тем что процесс подготовки затягивался, для его ускорения Государственная

⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R%20 (дата обращения: 01.10.2021).

⁸ Федеральный закон от 4 ноября 1994 г. № 34-ФЗ «О ратификации рамочной Конвенции ООН об изменении климата» // Российская газета. 1994, 9 ноября.

⁹ Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г. № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // Российская газета. 1994, 9 февраля.

¹⁰ Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. Ст. 2546.

¹¹ Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. Ст. 1572.

¹² Постановление Правительства РФ от 8 мая 1996 г. № 559 «О разработке проекта государственной Стратегии устойчивого развития Российской Федерации» // Российская газета. 1996, 29 мая.

⁴ Материалы Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г. <https://undocs.org/ru/A/CONF.151/26/REV.1%28VOL.I%29> (дата обращения: 01.10.2021).

⁵ Ibid.

⁶ Декларация тысячелетия ООН от 8 сентября 2000 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Дума II созыва¹³ (а в дальнейшем и ГД III созыва¹⁴) создает специальные комиссии, на которых проект Стратегии неоднократно рассматривался, но каждый раз отклонялся, главным образом по причине некомплексного подхода к рассмотрению данного вопроса. Не помогли и многочисленные широкие – до 80 участников – парламентские слушания (14 октября 1997 г., 2 октября 2000 г., 5 октября 2001 г.), поддержавшие необходимость ускорения подготовки федерального закона «О государственной политике по обеспечению перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», а также создание Национального совета по устойчивому развитию. По состоянию на начало 2020-х годов соответствующий закон так и не увидел свет, разговор же о создании Национального совета по устойчивому развитию, по существу, оказался отложенным более чем на 10 лет. Из рекомендаций, принятых по итогам парламентских слушаний 5 октября 2001 г., выполненными оказались лишь поручения рабочей группе при Комиссии Госдумы продолжить разработку Стратегии устойчивого развития и опубликовать подготовленные материалы в издательстве Государственной Думы¹⁵. Итоговые наработки Комиссии были опубликованы через год [10], Госдума IV–VII созывов комиссий по устойчивому развитию Российской Федерации уже не создавала, а доработка Стратегии, по большому счету, продолжается третий десяток лет.

О причинах практически десятилетнего «необращения» российских государственных структур к проблеме устойчивого развития можно только догадываться. Одну из них, на наш взгляд, очень точно сформулировал академик РАН В.А. Коптюг: «...погоня за максимальной прибылью любой ценой с позиций концепции устойчивого развития не может более рассматриваться как движущая сила развития общества» [11]. По результатам сравнения российской действительности 1990-х годов и концептуальной сути sustainable development председатель Сибирского отделения РАН сделал вывод: «Мое глубокое

убеждение, что тем курсом, которым идет страна, она идет в сторону, противоположную устойчивому развитию» [11].

На охлаждении интереса к концепции устойчивого развития не могла не сказаться и эйфория, связанная с опережавшими мировую динамику темпами роста российской экономики в 2001–2005 гг. (106,2% против 104,6%¹⁶) и выходом российского ВВП на уровень 110% по сравнению с 1991 г. Как отмечалось в утвержденной 17 ноября 2008 г. правительством РФ Концепции долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 г., «в целом обеспечена макроэкономическая стабильность ... экономика защищена от внешних шоковых воздействий международными резервными активами ... главные цели национальных проектов в основном достигнуты: экономический рост приобрел устойчивый характер ... достигнутая макроэкономическая стабильность и финансовая устойчивость свидетельствуют о результативности проведенных системных преобразований»¹⁷. При этом как-то остались без внимания расчеты Всемирного банка, согласно которым половину экономического роста РФ в 1999–2008 гг. обеспечило восьмикратное повышение цен на нефть (с 12 долл. за баррель в 1998 г. до 95 долл. за баррель в 2008 г.) и приток в страну 2 трлн долл., из которых 1,5 трлн долл. составили «даровые» деньги из-за повышения экспортных цен [12, с. 149]. Не учтенной оказалась и оценка академика РАН А.Г. Аганбегяна, согласно которой, если в реальном исчислении нивелировать влияние роста цен на нефть и притока валютных средств, российская экономика за счет собственных источников не только не выросла, но к 2018 г. даже сократилась до 80% уровня 1990 г. [12, с. 151], прежде всего вследствие «отсутствия в стране механизма социально-экономического роста, присущего развитой рыночной экономике» [13, с. 8].

Затем последовал мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., в результате чего на первый план в экономической политике вышла задача по купированию его последствий, а тема устойчивого развития российской экономики отошла на второй план. В 2012 г. для координации деятельности по обеспечению устойчивого социально-экономического развития страны при Президенте РФ создается Экономический совет¹⁸. Он перестал функционировать 19 июля 2018 г., когда из

¹³ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 мая 1998 г. № 2498-II ГД «О создании Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по законодательному обеспечению проблем устойчивого развития» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2397.

¹⁴ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 19 апреля 2000 г. № 319-III ГД «О Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проблемам устойчивого развития» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 18. Ст. 1927.

¹⁵ Материалы парламентских слушаний в Государственной Думе 5 октября 2001 г. на тему «О подготовке к Всемирному саммиту по устойчивому развитию». old.ihst.ru/~biosphere/Mag_3/gosduma.htm#_ednref1 (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁶ Российский статистический ежегодник 2020. М.: Росстат, 2020. С. 51.

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.

¹⁸ Указ Президента РФ от 16 июля 2012 г. № 1001 «Об Экономическом совете при Президенте Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 30. Ст. 4254.

множества совещательных и консультативных органов при Президенте РФ на экономическом «поле» фактически остался только Совет по стратегическому развитию и национальным проектам¹⁹. Тема устойчивого развития нашла свое отражение в специальном постановлении Правительства РФ в 2013 г. применительно к сельским территориям²⁰, а в 2015 г. распоряжением правительства РФ была принята соответствующая Стратегия²¹. Кстати, именно в этих документах категория «устойчивое развитие» раскрывается в полном соответствии с трактовками, закрепленными в международной практике. Так, под устойчивым развитием сельских территорий в них понимается «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель»²². Другими словами, изначально выдерживается принцип комплексной увязки экономического, «экологического» и социального развития села.

В дальнейшем же *парадигму устойчивого социально-экономического развития в ключевых решениях правительства РФ, касающихся долгосрочной государственной экономической политики, практически официально сменил концепция устойчивости экономического роста*. Именно по этому камертону настраивались средне- и долгосрочные ориентиры в 2012 г.²³ Через год этот постулат закрепят введением новой отдельной статьи (34.1) в федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», в которой основной целью денежно-кредитной политики ЦБ РФ фиксировались «защита и обеспечение устойчивости рубля посредством поддержания ценовой стабильности, в том числе для формирования условий сбалансиро-

рованного и устойчивого экономического роста»²⁴. Вот только утвердить задачу формирования условий сбалансированного устойчивого экономического роста в функционале ЦБ РФ так и не удалось.

Достижение целей по обеспечению устойчивого развития Российской Федерации

Приоритетность задачи обеспечения устойчивого экономического роста подтверждается компоновкой национальных целей развития РФ на период и до 2024 г.²⁵, и до 2030 г.²⁶ Да, категория «устойчивый рост» в обеих версиях национальных целей РФ упоминается по 2 раза в каждом конкретном случае в части обеспечения «устойчивого естественного роста численности населения» и «устойчивого роста реальных доходов граждан». Однако важнее то, что сводный пакет национальных целей – сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный и эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация – полностью корреспондирует с целями из глобальной Повестки-2030. Кроме того, с ними стыкуются задачи экологизации социума – двукратное снижение выбросов опасных загрязняющих веществ, 100%-ая сортировка твердых коммунальных отходов, экологическое оздоровление водных объектов и пр., что контрастирует с апокалиптическими предложениями ряда западных стран выдвинуть климатическую повестку в приоритет риск-несущих угроз устойчивому развитию. Например, в 2020 г. в докладе Всемирного экономического форума о глобальных рисках развития предстоящего десятилетия именно провалы в сфере климатической политики (climate action failure), а также экстремальные погодные явления (extreme weather) выдвинуты на первые места – выше последствий конфликтов и войн с применением оружия массового поражения (weapons of mass destruction) [14].

Так что с формальной точки зрения «правила игры» на поле «устойчивого развития» соблюдены, соответствие глобальным его целевым установкам выдерживается. Это подтверждают данные российского

¹⁹ Указ Президента РФ от 19 июля 2018 г. № 444 «Об упорядочении деятельности совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 30. Ст. 4717.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30 (ч. 2). Ст. 4110.

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 6. Ст. 1014.

²² Там же.

²³ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» // Российская газета. 2012, 9 мая.

²⁴ Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» // Российская газета. 2013, 31 июля.

²⁵ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 2018, 9 мая.

²⁶ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2020, 22 июля.

мониторинга процесса реализации Повестки– 2030. С 2019 г. Росстат, как национальный координатор деятельности федеральных органов государственной власти в данной области, в соответствии с рекомендациями Статистической комиссии ООН (предложенный ею набор из 244 показателей в разрезе всех 17 целей устойчивого развития утвержден 71-й сессией ГА ООН 6 июля 2017 г.) ввел в сборник «Российский статистический ежегодник» параграф 1.5 «Показатели достижения целей устойчивого развития»²⁷. С первыми официальными итоговыми показателями обеспечения устойчивого развития РФ можно ознакомиться в табл. 1.

Таблица 1

**Некоторые официальные итоги реализации концепции
устойчивого развития в РФ**

Показатель	2010 г.	2015 г.	2019 г.
Доля населения, живущего за национальной чертой бедности, за год, предшествующий предыдущему, % (цель 1)	12,5	13,4	12,3
Коэффициент материнской смертности, на 100 тысяч родившихся живыми (цель 3)	16,5	10,1	9,0
Доля взрослых (в возрасте 15–72 лет), обладающих навыками в области информационно-коммуникационных технологий, % (цель 4)	...	72,7	75,5
Доля женщин на руководящих должностях, % (цель 5)	...	47,5	49,7
Индекс производительности труда, % (цель 8)	103,2	98,7	102,0
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких (ВТН) отраслей в ВВП за год, предшествующий предыдущему, % (цель 9)	22,8	21,1	...
Доля населения, пользующегося Интернетом, % (цель 17)	...	70,1	82,6

Источник: составлено автором по: Российский статистический ежегодник. 2020. М.: Росстат, 2020. С. 54–57.

Однако можно рассмотреть динамику основных социально-экономических показателей России под несколько иным углом зрения (см. табл. 2). Тогда выяснится, что по большинству показателей имеет место, скорее, застойное развитие. Предельно откровенно определил положение дел А.Л. Кудрин: «российская экономика попала в серьезную

²⁷ Пока в ежегоднике не хватает данных для анализа динамики, отсутствуют данные по реализации целей 12–14.

застойную яму» [цитата по: 15, с. 68]. В самом деле, если за «тучную» восьмилетку 2000–2007 гг. среднегодовые темпы прироста российского ВВП составили 7,2%, то за следующую восьмилетку – всего 1,1%, с существенным отставанием от среднемировых темпов [16, с. 20]. В итоге, если Россия нарастила свой вклад в мировой ВВП с 3,0% в 1998 г. до 4,0% к 2008 г., то к 2018 г. этот показатель снизился до 3,1%, что дало основание отечественным специалистам (Симачев Ю.В., Федюнина А.А., др. в докладе 2020 г.) назвать период 1998–2018 гг. «потерянным с точки зрения наращивания роли России в мировой экономике» [17, с. 4, 19].

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста (снижения) основных социально-экономических показателей Российской Федерации в 1986–2020 гг. %

Показатель	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2019	2020*
Численность населения	0,7	0,002	–0,3	–0,4	–0,1	0,2	0,2	–0,4
ВВП	...	–9,05	1,6	6,2	3,6	1,7	1,5	–3,1
Промышленное производство	...	–13,0	1,0	5,6	1,8	1,4	3,1	–2,1
Продукция сельского хозяйства	2,2	–7,7	–1,95	2,3	0,8	5,2	2,9	5,3
Инвестиции в основной капитал	6,6	–22,1	–8,6	9,2	11,0	4,5	2,6	–1,4
Реальные денежные доходы населения	...	–10,6	–2,2	9,6	4,7	1,1	–0,5	–3,6

* Годовой итог, %.

Источник: составлено автором по: Российский статистический ежегодник. 2020. М.: Росстат, 2020. С. 51; Гурова Т., Ивантер А., Обухова Е. «Защита Набиуллиной» снова в действии // Эксперт. 2021. № 14. С. 14; Шаповалов А. Промышленность устала расти // Коммерсантъ. 2021, 26 августа; Ушаев И.Г., Колесников А.В. Экономическая доступность продовольствия для населения Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 4. С. 59–77; Бутрин Д. Цветущая вложенность // Коммерсантъ. 2021, 22 сентября; Рязанов В. Удар в становой хребет // Эксперт. 2021. № 10. С. 70.

Действительно, на самом деле сложно ожидать иного, если из 5 целевых показателей по обеспечению устойчивости экономического роста к 2018 г., зафиксированных в указе Президента РФ № 596, ни один выполнить не удалось, на что обращают внимание ученые и эксперты. Например, как отмечает Б.Н. Порфирьев, инвестиции в основной капитал требовалось довести до не менее 27% ВВП. Получилось же на 1/3 меньше – около 18% [18, с. 246]. С. Ермак указывает на то, что задачу увеличить производительность труда в 1,5 раза выполнили

лишь на 5,5% [19, с. 9]. В рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса удалось подняться со 120-й позиции до 35-й вместо планировавшейся 20-й²⁸.

Заключение: итоги реализации Россией концепции устойчивого развития

Первое. На начальном этапе российских реформ (1990-е годы) государством неоднократно ставились задачи разработки государственной Стратегии устойчивого развития. На этапе 2000-х годов тема устойчивого развития, прежде всего под влиянием благоприятной внешней конъюнктуры, отошла на второй план. С начала 2010-х годов, в связи с резким замедлением экономического роста, эта тема вновь возвращается на первый план государственной экономической политики, но в контексте обеспечения устойчивости экономического роста при соблюдении приоритетов социально-экономического развития (борьба с бедностью, здоровье и образование населения, др.), экологической безопасности и природосбережения.

Второе. При таком смещении акцентов экономической политики происходит фрагментация общей концепции устойчивого развития. В отсутствие сводного плана обеспечения устойчивости развития РФ разные управленческие институты иницируют свои «субконцепции». Так, появляются стратегии устойчивого развития сельских территорий (2013 г.), устойчивого и сбалансированного пространственного развития (2015 г.), делаются первые шаги по внедрению концепции устойчивых инвестиций и устойчивых финансов (2019 г.) [20].

Третье. Фрагментация концепции устойчивого развития приводит к разрыву ее смысловых начал на устойчивость (стабильность) и рост (развитие). В результате получилось, что финансовую стабильность (в пандемию Россия сумела нарастить международные резервы с 556,0 млрд долл. на 3 января 2020 г. до 597,4 млрд долл. на 1 января 2021 г. и 611,9 млрд долл. на 1 октября 2021 г. и увеличить Фонд национального благосостояния с 7,3% ВВП, или 125,6 млрд долл., на 1 января 2020 г. до 12,1% ВВП, или 190,1 млрд долл., на 1 сентября 2021 г.) государство предпочло экономическому росту. Однако в условиях стагнации «все разговоры об экономическом росте – это блеф» [21, с. 296].

Четвертое. Складывающаяся практика решения социально-экономических задач в отрыве от экологической компоненты, равно как и попытки решать экологические вопросы без учета социальных,

делают динамику развития неустойчивой. При этом упускается из виду, что «неустойчивая система, которая не обеспечивает воспроизводство природной среды, популяционного здоровья населения, механизмов социальной стабилизации, ... не способна сдерживать заложенных в ней сил саморазрушения и деградирует» [22, с. 922]. Практически это означает, что решение экологических проблем «не встраивается» в политику социально-экономического развития, а подменяется обратными действиями – «встраиванием социально-экономической политики в решение климатических проблем» [22, с. 922], с вытекающими отсюда издержками и потерями.

Пятое. Ключ к решению рассматриваемой проблемы – в сонастройке механизмов инвестиционной, денежно-кредитной, налоговой, бюджетной, таможенно-тарифной политики, и находится он в руках у государства. На наш взгляд, наиболее взвешенное и комплексное предложение по его практическому применению содержится в Концепции преодоления стагнации и перехода России к устойчивому социально-экономическому росту, подготовленной рабочей группой представителей РАН и ВЭО под руководством академика РАН Р.И. Нигматулина и профессора Б.И. Нигматулина, представленной ими на V Международном политэкономическом конгрессе в Москве 27 мая 2021 г., а также и на Казанском международном конгрессе евразийской интеграции 10 июня 2021 г. Не вдаваясь в детализацию, отметим ее принципиальное отличие. Речь фактически идет о решительной смене экономической модели, определенной академиком В.Б. Бетелиным как «экономика услуг» [цитата по: 15, с. 67], опирающейся на доминанту накопления резервов или, как определяет академик А.Г. Аганбегян, «догму эффективности профицитного или сбалансированного бюджета» [13, с. 5], на активную промышленную политику, подкрепляемую перестройкой финансовой, институциональной систем и настройкой механизма социально-экономического роста человеческого капитала.

Принципиально важно, что при этом практически все ведущие отечественные специалисты едины в критической важности задач устойчивого развития для современной России, чье мнение, пожалуй, лучше всех выразил академик В.А. Коптюг: «... нет на Земле страны, более точно соответствующей по своим ресурсам, возможностям и духовному потенциалу возможности реализации концепции устойчивого развития, чем Россия» [11].

²⁸ Doing Business 2018. Reforming to Create Jobs. A World Bank Group Flagship report www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stottard H.* A Pocket Guide to Sustainable Development Governance. Stakeholder Forum Commonwealth Secretariat. 15th July 2011.
2. *Broadhag C., Taliere S.* Sustainable development strategies: Tools for policy coherence // Natural Resource Forum. A United Nations Sustainable Development Journal. 2006. Vol. 30. Iss. 2. Pp. 136–145. doi.org/101111/j.1477-8947.2006.00166.x.
3. *Silveira M.P.* National sustainable development strategies: Moving from theory to practice // Natural Resource Forum. A United Nations Sustainable Development Journal. 2006. Vol. 30. Iss. 2. Pp. 86–89. doi.org/101111/j.1477-8947.2006.00161.x.
4. *Emas R.* Brief for GSDR 2015. The Concept of Sustainable Development Definition and Defining Principles / Режим доступа: sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5839GSDR%202015_SD_concept_definiton_rev.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
5. *Dernbach J.* Achieving Sustainable Development: The Centrality and Multiple Facets of Integrated Decisionmaking // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2003. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 247–285.
6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1989.
7. *Porter M.E. & van der Linde C.* Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9. № 4. Pp. 97–118.
8. *Porter M.E.* Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York: Free Press, 1985.
9. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990.
10. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А.М. Шелехова. М.: Комиссия Государственной Думы по устойчивому развитию, 2002. www-sbras.nsc.ru/win/sbras/bef/strat.html (дата обращения: 01.10.2021).
11. *Коптюг В.А.* Возможна ли разработка стратегии устойчивого развития России в настоящее время? Лекция в Новосибирском государственном университете 25 сентября 1996 г. // «Наука на грани тысячелетий». Материалы лектория НГУ. Вып. 1. Новосибирск, 1997. www.sbras.ru/ru/ppls/vak/vak4 (дата обращения: 01.10.2021).
12. *Аганбегян А.Г.* Исследование социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 146–154.
13. *Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
14. The Global Risks Report 2020. 15th ed. // https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020.
15. *Механик А.* Как нам реализовать национальные проекты // Эксперт. 2019. № 22. С. 67–69.
16. *Долженков А., Обухова Е.* Потерянный для бизнеса год // Эксперт. 2020. № 4. С. 19–25.
17. *Симачев Ю.В., Федюнина А.А., др.* Россия в глобальном производстве. Доклад НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.
18. *Порфирьев Б.Н.* Перспективы экономического роста в России // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 243–250. DOI: 10.31857/S0869587320030159.
19. *Ермак С.* Прыжок в 2040-й // Эксперт-Урал. 2020. № 8–9. С. 9–10.
20. *Данилов Ю.А.* Концепция устойчивых финансов и перспективы ее внедрения в России // Вопросы экономики. 2021. № 5. С. 5–25. doi.org/10.32609/0042-8736-2021-5-5-25.
21. *Нигматулин Р.И.* В статье: Выступления участников научной сессии общего собрания членов РАН «Фундаментальные проблемы развития современного российского общества» // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 293–296. DOI: 10.31857/S0869587320030226.
22. *Данилов-Данильян В.И., Катцов В.М., Порфирьев Б.Н.* Проблема климатических изменений – поле сближения и взаимодействия естественных и социогуманитарных наук // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 10. С. 914–925. DOI: 10.31857/S0869587320100035.

REFERENCES

1. *Stottard H.* A Pocket Guide to Sustainable Development Governance. Stakeholder Forum Commonwealth Secretariat. 15th July 2011.
2. *Broadhag C., Taliere S.* Sustainable development strategies: Tools for policy coherence // Natural Resource Forum. A United Nations Sustainable Development Journal. 2006. Vol. 30. Iss. 2. Pp. 136–145. Doi.org/101111/j.1477-8947.2006.00166.x.
3. *Silveira M.P.* National sustainable development strategies: Moving from theory to practice // Natural Resource Forum. A United Nations Sustainable Development Journal. 2006. Vol. 30. Iss. 2. Pp. 86–89. doi.org/101111/j.1477-8947.2006.00161.x/
4. *Emas R.* Brief for GSDR 2015. The Concept of Sustainable Development Definition and Defining Principles / sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5839GSDR%202015_SD_concept_definiton_rev.pdf (accessed: 01.10.2021).
5. *Dernbach J.* Achieving Sustainable Development: The Centrality and Multiple Facets of Integrated Decisionmaking // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2003. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 247–285.
6. *Ozhegov S.I.* The Russian language dictionary. M.: Russian language, 1989. (In Russ.).
7. *Porter M.E. & van der Linde C.* Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9. № 4. Pp. 97–118.
8. *Porter M.E.* Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York: Free Press, 1985.
9. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990.
10. The Basic Foundations of the Strategy of Sustainable Development of Russia / Ed. by A.M. Schelekhov. M: Komissiya Gosudarstvennoy Dumy po ustoychivomu razvitiyu, 2002. www-sbras.nsc.ru/win/sbras/bef/strat.html (accessed: 01.10.2021). (In Russ.).
11. *Koptuyug V.A.* Is it possible to develop a sustainable development strategy for Russia at present? A lecture at the Novosibirsk State University on the 25th of September, 1996 // “Science on the Edge of Millennia”. The materials of the lecture hall of the NSU. Issue 1. Novosibirsk, 1997. www.sbras.ru/ru/ppls/vak/vak4 (accessed: 01.10.2021). (In Russ.).
12. *Aganbegyan A.G.* Study of the socio-economic development of Russia // Problems of Economics. 2018. No. 6. Pp. 146–154. (In Russ.).
13. *Aganbegyan A.G.* On urgent measures to resume socio-economic growth // Problems of Forecasting. 2019. No. 1. Pp. 3–15. (In Russ.).

14. The Global Risks Report 2020. 15th ed. // <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020>.
15. *Mechanic A.* How do we implement national projects // *Expert*. 2019. № 22. Pp. 67–69. (In Russ.).
16. *Dolzhenkov A., Obukhova E.* Lost for business year // *Expert*. 2020. № 4. Pp. 19–25. (In Russ.).
17. *Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., et al.* Russia in global production. HSE Report. M.: Publ. House of HSE, 2020. (In Russ.).
18. *Porfiryev B.N.* Prospects of Economic Growth in Russia // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 90. № 3. Pp. 243–250. DOI: 10.31857/S0869587320030159. (In Russ.).
19. *Ermak S.* Jump in the 2040th // *Expert-Ural*. 2020. № 8-9. Pp. 9–10. (In Russ.).
20. *Danilov Yu.A.* Concept of sustainable finance and prospects for its implementation in Russia // *Voprosy Ekonomiki*. 2021. № 5. С. 5–25. doi.org/10.32609/0042-8736-2021-5-5-25. (In Russ.).
21. *Nigmatulin R.I.* In the article: Speeches of the participants of the scientific session of the general meeting of members of the Russian Academy of Sciences “Fundamental Problems of the Development of Modern Russian Society “ // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 90. № 3. Pp. 293–296. DOI: 10.31857/S0869587320030226. (In Russ.).
22. *Danilov-Danilyan V.I., Kattsov V.M., Porfiryev B.N.* The problem of climate change is the field of rapprochement and interaction of natural and sociohumanitarian sciences // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Volume 90. № 10. Pp. 914–925. DOI: 10.31857/S0869587320100035. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Maltsev Andrei Alexandrovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Scientific Associate of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Ekaterinburg, Russia
maltsevaa@list.ru

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

The article systematizes the main stages of developing the concept of sustainable development in modern international practice. Its fundamental feature is revealed, which consists in coordinating the economic, environmental and social tasks of the development of society in the process of establishing the interaction of a person, society and the environment. The process of evolution of approaches to defining the conceptual essence of sustainable development, considered in UN decisions as the basis for human well-being and global economic development, is shown. 3 stages of the Russian practice of referring to this concept were revealed. It is shown that in practice, its fragmentation turns into an opposition of the components of sustainable development, and economic growth, in fact, is replaced by financial stability. It is concluded that a decisive change in the economic model is necessary – a departure from the dominant of accumulation and the implementation of a comprehensive socio-economic policy aimed at the growth of human capital.

Keywords: long-term socio-economic development, national goals, environment, sustainable development, sustainability of economic growth, human capital, environmental safety.

JEL: E61, F53, F63, F64.

Вестник Института экономики Российской академии наук
6/2021

И.О. ПРОЦЕНКО

доктор экономических наук,
профессор Высшей школы корпоративного управления РАНХиГС,
ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

Д.В. АГАФОНОВ

кандидат экономических наук,
заместитель директора Центра экономических исследований
инфраструктурных отраслей Института экономики естественных
монопольей РАНХиГС, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

В.В. КУЗНЕЦОВ

ведущий эксперт Центра методологии и судебной экономической
экспертизы Института экономики естественных монопольей РАНХиГС,
ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНЫХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ТАРИФОВ НА УСЛУГИ ПО ПЕРЕДАЧЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ¹

В настоящее время на правительственном уровне активно обсуждается концепция выравнивания уровня энерготарифов между субъектами РФ. Реализация принципов единой государственной тарифной политики предполагает формирование единого регионального пространства, где существуют предпосылки к выравниванию уровня тарифов на услуги по передаче электрической энергии. В случае успешной ее реализации должны создаваться дополнительные стимулы экономического развития, в том числе инвестиционной привлекательности в субъектах РФ, где наблюдается высокий уровень тарифов на электрическую энергию. Основная цель статьи – оценить необходимость масштабного сглаживания тарифов в РФ в условиях нерешенных структурных проблем электросетевого комплекса. Для этого авторы проанализировали основные тенденции развития электросетевого комплекса, рассмотрели межрегиональные различия в тарифах на передачу электрической энергии, которые в настоящее время наблюдаются между разными субъектами РФ.

Ключевые слова: тариф на передачу электрической энергии, территориальная дифференциация тарифов, передача электрической энергии, электросетевой комплекс.

JEL: L94, O25, R58.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_97_126.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

В условиях реализации крупнейших инвестиционных проектов в Российской Федерации ключевую роль в экономическом и технологическом развитии национальной экономики играет электроэнергетика. Электросетевой комплекс рассматривается как один из драйверов экономического роста и повышения устойчивости национальной экономики. Стабильное функционирование электросетевых предприятий является залогом обеспечения надежного, качественного и доступного энергоснабжения промышленных потребителей и населения в долгосрочном периоде.

Естественно-монополярная модель функционирования электросетевого комплекса, которая во многом определяет векторы стратегического развития, формирует государственную тарифную политику в отношении предприятий электросетевого комплекса. Деятельность электросетевых предприятий при реализации услуг по транспортировке электрической энергии является основной составляющей при формировании тарифа на электрическую энергию. За 2019–2020 гг., по оценкам Ассоциации «НП Совет рынка», доля расходов на оплату услуг предприятий электросетевого комплекса по передаче электрической энергии в структуре конечного тарифа может варьироваться в диапазоне 48–54% в зависимости от федерального округа².

По итогам государственной тарифной кампании за 2020 г. наблюдается существенная разница в величине устанавливаемых регулирующими органами тарифов на услуги по передаче электрической энергии (сетевых тарифов) между субъектами Российской Федерации. Так, на территории Республики Тыва тариф на передачу электрической энергии составил 4,9 руб./кВт·ч, что в 3,5 раза выше уровня тарифа на передачу электрической энергии для потребителей в географически соседней Иркутской области (1,4 руб./кВт·ч) [3]. Разница в уровне тарифов обусловлена региональными особенностями, в том числе проводимой местными органами власти государственной тарифной политики. Тем не менее сложившаяся ситуация может приводить к формированию неравных условий для социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. В соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.³ существенное различие в уровне и темпах социально-экономического развития в разных регионах нашей страны является важной угрозой для экономической безопасности России.

Введение единых межрегиональных тарифов должно нивелировать разницу в величине тарифов на электрическую энергию между регионами.

Таким образом, становится актуальной задача – оценить состояние развития электросетевого комплекса, выявить проблемы и перспективы введения единых межрегиональных тарифов на услуги по передаче электрической энергии в Российской Федерации. В данной статье рассмотрены основные аспекты, которые необходимо учитывать при внедрении новой модели тарифообразования⁴.

Основные характеристики электросетевого комплекса Российской Федерации

На деятельность электросетевого комплекса в Российской Федерации оказывает свое влияние ряд важнейших территориальных, природно-климатических и исторических факторов. В отличие от мировых аналогов эксплуатация отечественного электросетевого комплекса имеет ряд особенностей и свою специфику. Российский электросетевой комплекс обслуживает территорию площадью свыше 17 млн кв. км с разнообразными климатическими условиями. Исторически электросетевое хозяйство формировалось на базе планов ГОЭРЛО в рамках формирования единой энергетической системы страны (ЕЭС России). Функционирование в рамках ЕЭС России требует от предприятий электросетевого комплекса обеспечение особой надежности при передаче и распределении электрической энергии в соответствии с требованиями, установленными государственными институтами. В связи с этим электросетевой комплекс необходимо рассматривать как инфраструктурную отрасль, где основным видом деятельности является транспортировка и преобразование электрической энергии.

Вопросам развития инфраструктурных отраслей посвящен целый ряд научных работ. Несмотря на различия в определениях и используемых подходах к исследованию роли инфраструктуры в нашей стране, большинство отечественных ученых-экономистов (Е.Г. Ясин, В.Б. Кондратьев, В.А. Шумаев) определяют роль инфраструктуры как обеспечивательную, особенно в контексте решения задач социально-экономического развития [6; 12; 13].

Электросетевой комплекс Российской Федерации представляет собой технологически самый сложный комплекс связанных между собой линий электропередач и трансформаторных подстанций. Под оперативным управлением ПАО «Россети» – национального оператора электрических сетей – в настоящее время находятся линии электро-

² <https://www.np-sr.ru/ru/partnership/annualreport/index.htm>.

³ Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

⁴ Основными методами статистического исследования, используемыми авторами в настоящей статье, являются сбор и группировка материалов статистического наблюдения; детальный анализ абсолютных и относительных статистических величин.

передач (ЛЭП) общей протяженностью 2,4 млн км, 528 тыс. шт. подстанций, трансформаторная мощность которых 809 ГВА⁵.

Основа ЛЭП – это распределительные сети⁶, на долю которых приходится 75–76% от суммарной протяженности электросетевого хозяйства Российской Федерации.

На долю распределительных трансформаторных подстанций приходится порядка 55,8% от суммарной трансформаторной мощности электрических подстанций (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура мощности трансформаторных подстанций сетевого комплекса Российской Федерации

№ п/п	Подстанции	Мощность, МВА	Количество, шт.	Структура, %	
				по трансформаторам	по мощности
1	Всего по электросетевому хозяйству	781 267	501 834	100	100
1.1	Системообразующие (магистральные)	344 990	876	0,17	44,16
1.2	Распределительного комплекса	436 277	500 958	99,83	55,84

Источник: [8, с. 12].

Таким образом, отечественный электросетевой комплекс характеризуется огромной протяженностью ЛЭП и высоким уровнем трансформаторной мощности. Значительная часть сетевой инфраструктуры относится к системообразующей, что объясняется масштабом по площади обслуживания, территориальной особенностью распределения крупной генерации.

Оценка развития электросетевого комплекса в условиях существующей тарифной политики

Проводимая государством тарифная политика в отношении предприятий электросетевого комплекса базируется на применении стимулирующих методов регулирования, в основе которых лежат расчеты важнейших параметров электросетевой деятельности по следующим принципам (в прямой зависимости от выбранного метода расчета тарифов на передачу электрической энергии):

- расчет предельной выручки, где предусматривается возможность формирования для собственника (инвестора) резервов дополнительных фактических объемов прибыли на вложенный капитал за счет утвержденных на базовый период регулятором величин нормируемой прибыли;
- сдерживание конечной стоимости услуг по передаче электрической энергии за счет строгого регламентирования отдельных статей затрат и инвестиционных программ электросетевых компаний⁷.

Согласно научным трудам Ю.А. Орловой, стимулирующим методам установления тарифов на передачу электрической энергии характерен гибридный механизм, где теоретически предусмотрено совмещение элементов так называемого традиционного регулирования: метода регулирования расходов предприятий электросетевого комплекса (cost of service) и метода регулирования границ предельного уровня тарифов электросетевых предприятий (price cap) [7]. По мнению И.Ю. Золотовой, метод стимулирующего регулирования основан на расчете уровня предельной выручки регулируемой сетевой организации, тарифа на ее услуги или финансового результата с учетом применения стимулирующих механизмов [5]. С учетом различных мнений, изложенных в научных трудах отечественных и зарубежных ученых-экономистов (P.L. Joskow [15], P.R. Kleindorfer M.A., Crew [14], Ю.А. Орлова, И.Ю. Золотова), авторы настоящей статьи под стимулирующим тарифным регулированием понимают регулирование деятельности предприятий электросетевого комплекса со стороны государственных институтов по следующим направлениям:

- снижение операционных затрат с одновременным ростом надежности предоставляемых услуг;
- бережливое использование материальных и энергетических ресурсов при оказании услуги по передаче электрической энергии;
- детальный отбор эффективных для территориального развития проектов инвестиционных программ и строгий контроль за их реализацией.

Основной составляющей в структуре сетевого тарифа на услуги по передаче электрической энергии ПАО «Россети» являются затраты, направляемые на техническое содержание основных фондов распределительной электросетевой инфраструктуры (ставка на содержание распределительных электросетей). Кроме этого, в тариф на услуги по передаче электрической энергии включаются расходы на оплату

⁵ https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.

⁶ Сети низкого (0,4 кВ) и среднего второго напряжения (6–20 кВ).

⁷ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике».

услуг «Россети ФСК ЕЭС», нормативные (утвержденные регулируемыми органами) потери электрической энергии в сетях, расходы на оплату услуг, территориально смежных электросетевых организаций (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение расходов в структуре тарифа на услуги по передаче электрической энергии ПАО «Россети» за 2019–2020 гг.

№ п/п	Показатели	2019 г. млрд руб.	2020 г. млрд руб.	Доля в 2020 г., %
1	Расходы на оплату нормативных (технологических) потерь в распределительных сетях	126	136	15,30
2	Оплату услуг смежных территориальных сетевых организаций по индивидуальным установленным тарифам	164	170	19,12
3	Оплата услуг ФСК ЕЭС	147	150	16,87
4	Необходимая валовая выручка на содержание объектов электросетевого хозяйства региональных сетевых компаний	417	433	48,71
5	Всего	854	889	100

Источник: составлено авторами по: годовой отчет ПАО «Россети» за 2020 г. http://www.rustocks.com/put.phtml/MRKH_2020_RUS.pdf.

Свыше 80% расходов в структуре сетевого тарифа относятся на функционирование предприятий распределенного электросетевого комплекса.

Методы тарифного регулирования. В соответствии с российским тарифным законодательством в отношении электросетевых предприятий, оказывающих услуги естественно-монопольного характера, регуляторной средой могут применяться два метода тарифного регулирования – метод доходности инвестированного капитала (RAB-регулирование) и метод долгосрочной индексации необходимой валовой выручки. Выбор метода, по которому рассчитывается сетевой тариф, находится в компетенции государственных институтов – отдельных региональных служб (управления) по тарифам в составе регионального правительства, при обязательном согласовании с федеральной антимонопольной службой (ФАС России). По итогам 2020 г. в регионах присутствия дочерних компаний, входящих в структуру ПАО «Россети», преимущественно предусматривается использование метода долгосрочной индексации необходимой валовой выручки

(в 55 субъектах). Тарифное регулирование на базе метода доходности инвестированного капитала (RAB-регулирования) используется регулирующими органами в 10 субъектах присутствия и в компании «Россети ФСК ЕЭС» – энергетической компании, ответственной за содержание и управление магистральными электрическими сетями⁸. В связи со сложностью внедрения и рисками ускоренного роста тарифов на услуги по передаче электрической энергии метод тарифного регулирования на базе RAB-регулирования не оправдал себя и как инструмент расчета уровня тарифов широкого применения у регулирующих органов на территории Российской Федерации. В российской практике RAB-регулирования отмечались проблемы искусственного занижения регулирующими органами плановых показателей выручки базового периода, что объяснялось необходимостью компенсации выпадающих доходов предприятиям электросетевого комплекса. После семи лет использования метода RAB-регулирования потери ПАО «Россети» вследствие постоянного пересмотра и сглаживания долгосрочных параметров регулирования оценивались на уровне 65 млрд руб.⁹

Таким образом, опыт внедрения RAB-регулирования свидетельствует о том, что нововведения в государственную систему тарифного регулирования неоднозначно воспринимаются регуляторной средой и могут приводить к ускоренному росту тарифов, что не соответствует основному постулату российской тарифной политики – сдерживанию роста тарифов в рамках инфляционных ожиданий.

Деятельность предприятий электросетевого комплекса в количественном выражении можно оценить по объему оказанных услуг по передаче электрической энергии. За последний отчетный период (2020 г.) потребление электрической энергии на территории Российской Федерации оценивалось на уровне 1 085,1 млрд кВт·ч (см. табл. 3)

Суммарное энергопотребление зависит от двух величин: от спроса со стороны промышленных потребителей и от фактического объема потерь электрической энергии в сетях при передаче. Сложившаяся динамика энергопотребления напрямую зависит от совокупности экономических и политических условий, определяющих состояние российской экономики. Сокращение потребления электрической энергии (в сравнении с прошлым годом) отмечается в 2015 и 2020 гг., в период кризисных явлений в российской экономике. В целом за последние 10 лет в Российской Федерации рост энергопотребления (на уровне 7,4%) происходил на фоне постепенного сокращения потерь электрической энергии в сетях (с 10,4 до 8,8%), что является положи-

⁸ Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике».

⁹ <https://peretok.ru/news/nets/17866/>.

Таблица 3

Основные показатели электробаланса Российской Федерации

Период	Потребление электроэнергии, млрд кВт·ч	Потери электрической энергии в сетях		Полезный отпуск электрической энергии потребителям, млрд кВт·ч		
		млрд кВт·ч	%	всего	в том числе	
					прочие потребители	население
2010 г.	1009,6	104,9	10,4	904,7	777,6	127,1
2011 г.	1021,2	105	10,3	916,2	785,3	130,9
2012 г.	1037,5	106,7	10,3	930,8	793,7	137,1
2013 г.	1031,3	102,2	9,9	929,1	788,1	141
2014 г.	1040,4	106,9	10,3	933,5	790	143,4
2015 г.	1036,4	106,6	10,3	929,8	785,8	144
2016 г.	1054,6	107,2	10,2	947,3	796,1	151,2
2017 г.	1059,7	105,3	9,9	954,4	801,6	152,9
2018 г.	1076,2	103,1	9,6	973,1	816,5	156,6
2019 г.	1110,1	99,1	8,9	998,1	816,5	160,8
2020 г.	1085,1	95,6	8,8	981,6	818,2	163,4

Источник: составлено авторами по: данные Росстата. https://www.gks.ru/enterprise_industrial, Минэнерго РФ. <https://minenergo.gov.ru/node/532> и Исполнительного комитета Электроэнергетического Совета СНГ. <http://energocis.ru/rumain67>.

тельным моментом и может свидетельствовать о проводимых работах по техническому переоснащению оборудования в распределительном комплексе.

По данным ПАО «Россети», в распределительном комплексе прослеживается региональная дифференциация по величине потерь электрической энергии, возникающих при ее транспортировке (см. табл. 4).

За рассматриваемый период практически по всем ДЗО распределительного комплекса ПАО «Россети» (за исключением Россети Центр и Приволжье, Россети Северный Кавказ и Россети Томск) наблюдается постепенное сокращение уровня потерь электрической энергии в сетях. В целом по распределительному комплексу ПАО «Россети» уровень потерь за период 2018–2020 гг. сократился с 8,39 до 8,13%.

Вместе с тем в отечественной практике тарифного регулирования наблюдается опасная тенденция к расчету величины нормативных потерь, учитываемых в тарифе на услуги по передаче электрической

Таблица 4

Уровень потерь электрической энергии по филиалам ПАО «Россети» за 2018–2020 гг., %

№ п/п	Название ДЗО	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1	Распределительный комплекс, в том числе:	8,39	8,16	8,13
1.1	Россети Центр	10,6	10,23	9,83
1.2	Россети Центр и Приволжье	7,84	7,94	7,93
1.3	Россети Волга	6,48	6,17	6,12
1.4	Россети Северо-Запад	6,59	6,23	6,22
1.5	Россети Сибирь	7,81	7,82	7,53
1.6	Россети Томск	9	8,71	9,09
1.7	Россети Урал	7,42	6,72	6,95
1.8	Россети Юг	9,8	9,28	8,85
1.9	Россети Северный Кавказ	19,98	22,68	23,23
1.10	АО «Чеченэнерго»	35,87	36,8	34,09
1.11	Россети Кубань	11,25	10,62	10,04
1.12	Россети Московский регион	8,1	7,67	7,53
1.13	Россети Ленэнерго	11,34	10,82	10,87
1.14	Россети Тюмень	2,84	2,66	2,67
1.15	Россети Янтарь	12,57	11,46	10,12
2	Россети ФСК ЕЭС – магистральный комплекс	4,4	4,15	4,3
	Итого ПАО «Россети»	8,95	8,58	8,64

Источник: составлено авторами по: годовой отчет ПАО «Россети» за 2020 г. http://www.rustocks.com/put.phtml/MRKH_2020_RUS.pdf.

энергии, на базе их фактической величины. Такая практика, используемая регулирующими органами, способствует росту тарифов на услуги по передаче электрической энергии [2]. Наиболее высокий уровень потерь электрической энергии наблюдается в регионах Северного Кавказа, где помимо высокого износа сетевой инфраструктуры присутствуют проблемы коммерческих потерь по незаконно подключенным к сетям объектам.

Ввод межрегиональных тарифов предполагает выравнивание ставки на оплату потерь электрической энергии, как одной из важнейших составляющих структуры тарифа на передачу электрической энергии. В случае перехода на межрегиональный тариф между субъектами РФ, где наблюдается высокая разница в уровне потерь электрической энергии, это приведет к автоматическому перераспределению объ-

ема потерь внутри межрегионального тарифа. Уровень потерь в сетях Республики Дагестан составляет свыше 30% (входит в состав Россети Северный Кавказ), что в 2 раза превышает аналогичный показатель распределительного электросетевого комплекса соседней Астраханской области (филиал ПАО «Россети Юг» – «Астраханьэнерго», 14,73% от отпуска в сеть). Соответственно, *сглаживание тарифов между данными субъектами, приведет к необоснованной и резкой дополнительной нагрузке на потребителей Астраханской области, особенно на бизнес.* Таким образом, возможное объединение регионов Северного Кавказа с регионами Южного федерального округа должно рассматриваться в последнюю очередь, после апробации в других регионах и обязательного снижения потерь в электросетях распределительного комплекса в зоне ответственности филиала – Россети Северный Кавказ.

По состоянию на начало 2020 г. средний износ оборудования по магистральному и распределительному электросетевому хозяйству ПАО «Россети» оценивался на уровне 51% и 53,9% соответственно, что выше аналогичных показателей на начало 2016 г. (см. рис. 1).

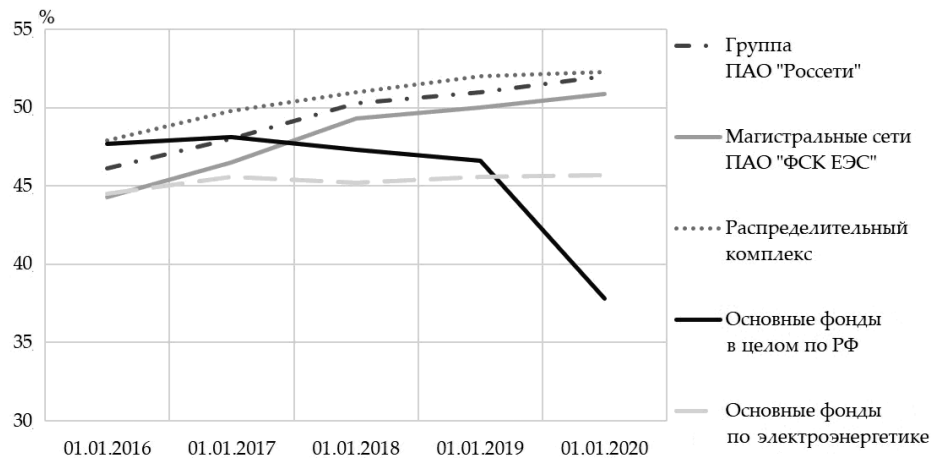

Рис. 1. Динамика износа основных фондов сетевого хозяйства ПАО «Россети».

Источник: составлено авторами по: данные Росстата (<https://rosstat.gov.ru/folder/14304>) и по годовой отчет ПАО «Россети» за 2020 г. http://www.rustocks.com/put.phtml/MRKH_2020_RUS.pdf.

Существенной проблемой в электросетевом комплексе остается состояние основных фондов, их моральный и физический износ. Как видно из рис. 1, физический износ основных фондов ПАО «Россети» превышает среднероссийские показатели износа основных фондов, также как и в среднем по энергетике. В отрасли имеет место отставание технологического уровня от лучших мировых практик, где активно предусматривается использование интеллектуальных электрических

сетей на базе технологий Smart Grid¹⁰. И если снизить темпы физического износа можно за счет проведения эффективного технического обслуживания и ремонтных работ, то единственно возможным способом преодоления морального износа в электросетях являются программы модернизации, включаемые в состав инвестиционных программ.

Процессы старения основных фондов в электросетевом хозяйстве происходят на фоне устойчивого роста тарифов на услуги по передаче электрической энергии (см. рис. 2).

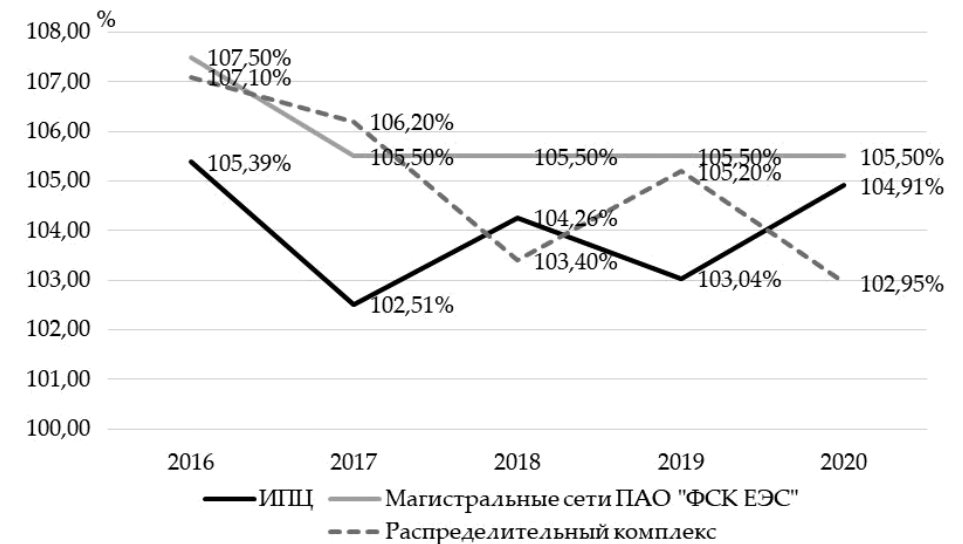

Рис. 2. Динамика тарифа на услуги распределительного и магистрального электросетевого комплекса ПАО «Россети» за 2016–2020 гг., % по отношению к индексу потребительских цен (ИПЦ).

Источник: составлено авторами по: данные Росстата. <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> и по годовой отчет ПАО «Россети» за 2020 г. http://www.rustocks.com/put.phtml/MRKH_2020_RUS.pdf.

Государственное тарифное регулирование в электросетевом комплексе ориентировано на сдерживание темпов роста тарифов для потребителей на уровне закладываемых инфляционных ожиданий. Исходя из таких условий, перспективное развитие электросетевой инфраструктуры напрямую зависит от внутренних резервов роста эффективности электросетевых компаний.

¹⁰ Smart Grid представляет собой модернизированные электрические сети, которые используют информационные и коммуникационные технологии сбора информации о производстве и потреблении электрической энергии. Использование таких технологий в электросетях позволяет увеличивать эффективность, надежность, устойчивость транспортировки электрической энергии.

Тарифные решения регулирующих институтов (по итогам 2020 г.) соответствуют выбранному государством курсу по сдерживанию тарифов в электросетевом комплексе по принципу «инфляция минус». Существующая тарифная конфигурация, с одной стороны, обеспечивает постепенное сокращение потерь электрической энергии, но, с другой – не в состоянии сформировать вектор активной модернизации основных фондов на базе использования новейших технологий интеллектуальных электрических сетей.

С 2011 г. (с момента ввода RAB-регулирования) и по настоящее время ежегодный объем финансирования инвестиционной программы ПАО «Россети» оценивался в диапазоне 230–350 млрд руб., где на долю работ по техническому перевооружению, реконструкции и новому строительству приходится свыше 50% от общего уровня финансирования. Основными источниками финансирования реализации утвержденных инвестиционных программ являются собственные источники (тарифные средства). Национальный оператор электрических сетей ежегодно отчитывается о вводе новой мощности и линий электропередач (к примеру, по итогам 2020 г. по группе компаний ПАО «Россети» было введено 9,2 тыс. МВА трансформаторной мощности и 25,2 тыс. км ЛЭП). Тем не менее, несмотря на включение в состав сетевого тарифа расходов на реализацию инвестиционных программ электросетевых предприятий, радикального изменения существующего тренда по обновлению основных фондов не наблюдается. Мы связываем эти процессы с отсутствием детального контроля со стороны регуляторов за исполнением инвестиционных программ, а также включением в состав инвестиционных программ заведомо неэффективных расходов.

Хотелось бы обратить внимание на то, что внедрение нового вида тарифов на услуги по передаче электрической энергии (межрегиональные тарифы) за счет объединения тарифного пространства между субъектами РФ планируется осуществлять в условиях нерешенных и накопившихся проблем в распределительном электросетевом комплексе, важнейшими из которых являются:

- наличие перекрестного субсидирования между населением и прочими потребителями (по экспертным оценкам Института экономики естественных монополий РАНХиГС объем перекрестного субсидирования составляет 237 млрд руб., или 26,7% от необходимой валовой выручки на содержание электрических сетей). В настоящее время остается дискуссионным вопрос о распределении перекрестного субсидирования между субъектами РФ, которые сформируют единое тарифное пространство. Ввод межрегиональных тарифов проблеме перекрестного субсидирования полностью не решит, т. к. существуют риски несправедли-

- вого перераспределения объема закладываемого перекрестного субсидирования на потребителей соседнего региона;
- отсутствие стимулов к внутренней оптимизации деятельности электросетевых компаний за счет используемых методов ценообразования. Как было отмечено выше, предусмотренный законодательством прогрессивный метод расчета тарифов на базе доходности инвестированного капитала (RAB-регулирования) постепенно вытесняется за счет активного использования метода долгосрочной индексации необходимой валовой выручки сетевых организаций. Опыт внедрения новых методов ценообразования в распределительном электросетевом комплексе показывает, что возникают структурные риски некорректного тарифного регулирования со стороны регуляторов: частый пересмотр тарифов, отсутствие в экспертных заключениях детальных обоснований сокращения расходов и т. д. Отсюда возникают структурные риски некорректного расчета уровня сетевых тарифов в рамках единого тарифного пространства, особенно в условиях отсутствия методических указаний по расчету величины межрегиональных тарифов.

Тем не менее в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.05.2021 г. № 1384-р дан старт постепенному переходу на совместное (единое) тарифное регулирование при формировании тарифов на услуги по передаче электрической энергии для прочих потребителей (за исключением населения и приравненных к данной категории потребителей) по ряду субъектов РФ. К ним относятся Республика Алтай и Алтайский край; Ростовская область и Республика Калмыкия; Курганская область и Тюменская область (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа).

Первые результаты (на второе полугодие 2021 г.) формирования единого тарифного пространства и внедрение межрегиональных тарифов на передачу электрической энергии представлены ниже.

Тарифные последствия при формировании единых межрегиональных тарифов в распределительном электросетевом комплексе

Ежегодно регулирующие органы субъектов РФ принимают нормативно-правовые акты, в которых устанавливается величина тарифа на первое и второе полугодие следующего года. На их основе на рис. 3–5 мы отразили утвержденные регуляторами на второе полугодие 2021 г. (до и после момента ввода межрегиональных тарифов) сетевые тарифы, дифференцированные на высокое напряжение (ВН)¹¹, сред-

¹¹ Объекты электросетевого хозяйства (110 кВ и выше).

нее первое напряжение (СН1)¹², среднее второе напряжение (СН2)¹³, низкое напряжение (НН)¹⁴.

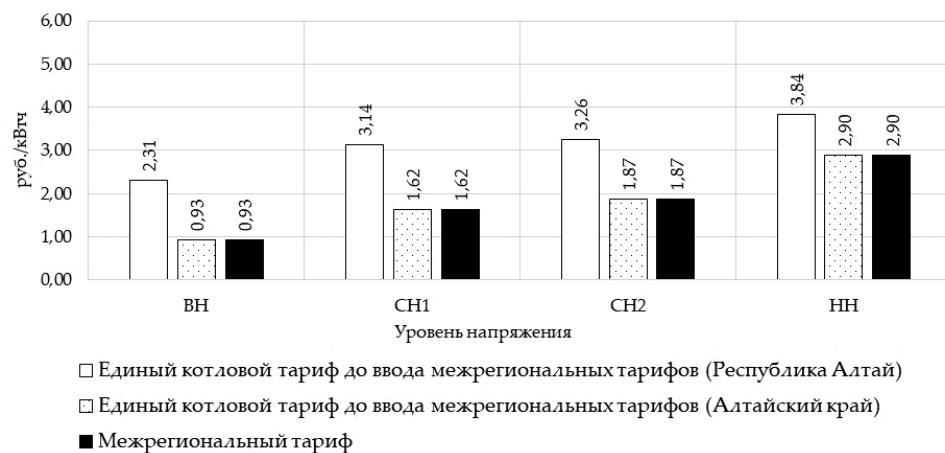

Рис. 3. Сравнительный анализ сетевых тарифов Республики Алтай и Алтайский край, утвержденных регуляторами на второе полугодие 2021 г. (до и после ввода межрегиональных тарифов).

Источник: составлено авторами по нормативным актам (см. сноску 15 на с. 111).

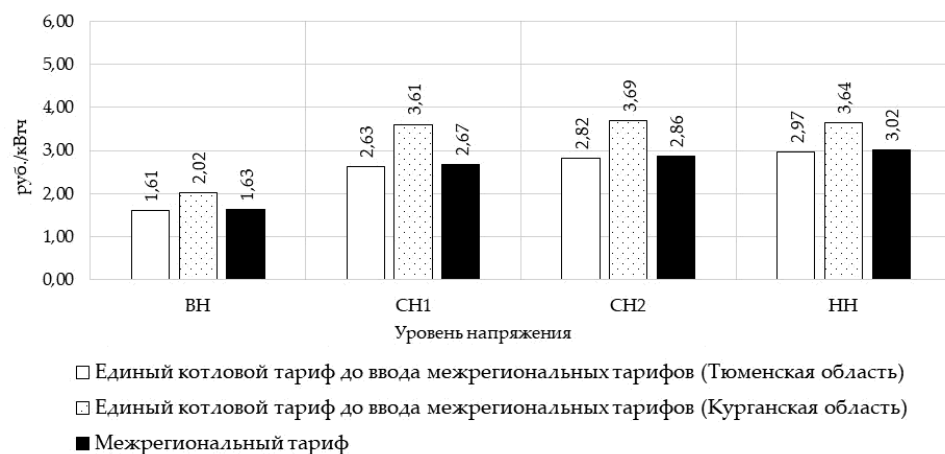

Рис. 4. Сравнительный анализ сетевых тарифов Тюменской и Курганской областей, утвержденных регуляторами на второе полугодие 2021 г. (до и после ввода межрегиональных тарифов).

Источник: составлено авторами по нормативным актам (см. сноску 15 на с. 111).

¹² Объекты электросетевого хозяйства (35 кВ).

¹³ Объекты электросетевого хозяйства (20–1 кВ).

¹⁴ Объекты электросетевого хозяйства (ниже 1 кВ).

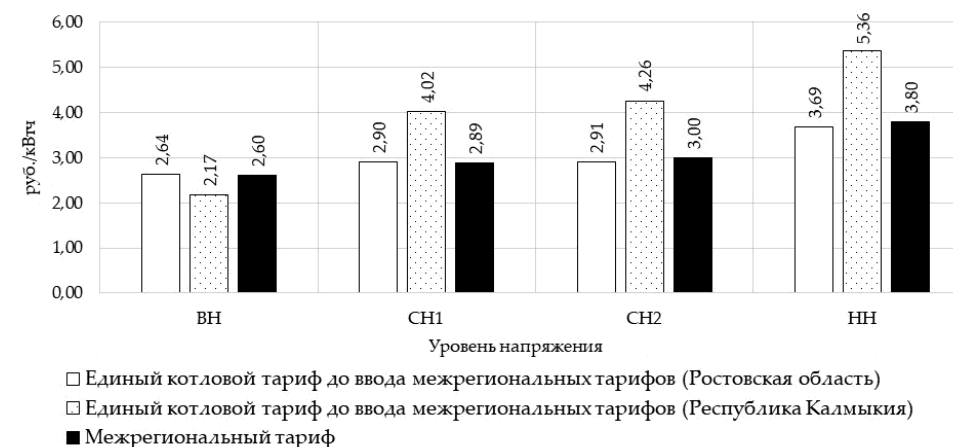

Рис. 5. Сравнительный анализ сетевых тарифов Ростовской области и Республики Калмыкия, утвержденных регуляторами на второе полугодие 2021 г. (до и после ввода межрегиональных тарифов).

Источник: составлено авторами по нормативным актам¹⁵.

В результате ввода межрегиональных тарифов во втором полугодии 2021 г. наблюдаются существенные сокращения величины тарифов в регионах, где отмечается низкий уровень потребления (в сравнении с регионами-донорами) и высокие тарифы по среднему и низкому напряжению (основных диапазонах потребления среднего и малого бизнеса, предприятий легкой промышленности).

¹⁵ Приказ Региональной службы по тарифам Республики Калмыкия от 30 декабря 2020 г. № 75-п/э; приказ Региональной службы по тарифам Республики Калмыкия от 17.06.2021 № 34-п/э; постановление Региональной службы по тарифам Ростовской области от 29 декабря 2020 г. № 60/23; постановление Региональной службы по тарифам Ростовской области от 17.06.2021 № 28/39; распоряжение Правительства РФ от 27.05.2021 № 1384-р, распоряжение Региональной энергетической комиссии Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа от 15 июня 2021 г. № 10; распоряжение Региональной энергетической комиссии Тюменской области, Ханты-мансийского автономного округа – Югры, Ямало-ненецкого автономного округа от 30 декабря 2020 г. №30; постановления Департамента государственного регулирования цен и тарифов Курганской области от 23 декабря 2020 г. № 57-1; постановление Департамента государственного регулирования цен и тарифов Курганской области от 15.06.2021 № 22-1; приказ Комитета по тарифам Республики Алтай от 30.12.2020 г. №47/1; решение Управления Алтайского края по государственному регулированию цен и тарифов от 27 декабря 2019 года №589 (с изменениями от 11.03.2020 №27, от 30.06.2020 №70, от 29.12.2020 №556 (ред. 27.01.2021), от 24.05.2021 №49); приказ Комитета по тарифам Республики Алтай от 18.06.2021 г. №8/1; решение Управления Алтайского края по государственному регулированию цен и тарифов от 18.06.2021 г. №59 (далее – нормативно-правовых актов органов регулирования в Республиках Алтай, Калмыкия, Алтайского края, Курганской, Ростовской и Тюменской областей).

Например, снижение тарифов для потребителей Республики Калмыкия в диапазоне 28–29% (по низкому напряжению, среднему первому и среднему второму в сравнении с котловым тарифом до момента ввода межрегионального тарифа) достигнуто за счет снижения тарифов по среднему второму и низкому напряжению потребителей Ростовской области в среднем на 1,5%. Для потребителей Курганской области снижение тарифов (на 17–26% в зависимости от уровня напряжения) достигнуто за счет одновременного повышения тарифов для потребителей Тюменской области в пределах 1,5% (преимущественно по низкому напряжению). По итогам пересмотра и ввода единых межрегиональных тарифов для потребителей Республики Алтай наблюдается существенное изменение величины тарифов на услуги по передаче электрической энергии по всем диапазонам напряжения (от 20% до 60% в зависимости от вида напряжения), при этом в Алтайском крае тарифы существенно не изменились (менее 1%).

За счет высоких объемов энергопотребления на потребителях Тюменской области объединение тарифного пространства с Курганской областью значительно не отразится. Вместе с тем для Курганской области, где наблюдаются наиболее высокие тарифы на электрическую энергию в Уральском федеральном округе, объединение тарифного пространства положительно скажется на финансово-хозяйственной деятельности предприятий и предпринимателей региона. По оценкам региональных властей, экономия средств уже на современном этапе может достичь порядка 130 млн руб. (для бюджетных потребителей) и порядка 645 млн руб. для промышленных предприятий [11].

С учетом большого объема потребления электрической энергии в Ростовской области (в сравнении с Республикой Калмыкия) ввод межрегиональных тарифов с целью снижения уровня тарифов для поддержки производственных предприятий и создания благоприятных условий для развития бизнеса в Республике Калмыкия является оправданным. Учитывая специфику работы электросетевого комплекса в Республике Калмыкия, где, в отличие от Ростовской области, отсутствуют емкие производственные мощности, наблюдается удаленность населенных пунктов, низкая плотность населения, снижение уровня тарифов для юридических лиц и сферы среднего и малого предпринимательства является целесообразным (потребление на среднем и низком напряжении).

Таким образом, с точки зрения активизации экономической деятельности в регионах с высокими тарифами, ввод межрегиональных тарифов можно назвать перспективным решением. Однако на основе анализа решений регулирующих органов нами найден ряд существенных недостатков, которые впоследствии могут негативно сказываться

на экономическом и социальном положении регионов, объединенных в единое тарифное пространство.

Установление межрегиональных тарифов фактически привело к перераспределению величины перекрестного субсидирования, учитываемой при определении указанных тарифов на услуги по передаче электрической энергии, то есть часть величины перекрестного субсидирования с потребителей одного региона перекладывается на потребителей другого региона. Указанное перераспределение приводит к тому, что в паре субъектов РФ, для которых определены межрегиональные тарифы, при существующей системе договорных отношений (территориальный принцип ценообразования в рамках одного субъекта РФ), в одном из субъектов РФ при расчетах по заключенным территориальными сетевыми организациями договорам сбор «котловой» необходимой валовой выручки территориальных сетевых организаций не будет обеспечен, а в другом субъекте РФ будет избыточен. При этом совокупная «котловая» выручка двух регионов РФ, для которых установлены межрегиональные тарифы, должна обеспечить суммарную НВВ (необходимая валовая выручка) территориальных сетевых организаций, осуществляющих деятельность по передаче электрической энергии на территориях каждого из регионов, определенную регулирующими органами до пересмотра тарифов. Таким образом, возникает новый вид межрегионального перекрестного субсидирования.

В то же время имеет место не всегда корректный расчет величины перекрестного субсидирования, не соответствующий принципам тарифного законодательства (см. табл. 5).

Таким образом, анализ принятых тарифных решений, проведенный авторами исследования, показал, что установленные межрегиональные тарифы не во всех регионах обеспечивают сбор совокупной котловой НВВ (см. табл. 6).

Проведенное исследование позволяет нам утверждать, что принятые тарифно-балансовые решения на второе полугодие 2021 г. в отдельных субъектах РФ являются несбалансированными. Указанные отклонения между установленной региональными органами величиной экономически обоснованной НВВ, определенной при расчете тарифов до пересмотра и величиной НВВ, определенной по межрегиональным тарифам, установленным после пересмотра, прежде всего обусловлены несовершенством нормативно-правовой базы в области регулирования тарифов, так как при внесении изменений, касающихся установления межрегиональных тарифов, не были внесены соответствующие изменения в Методические указания¹⁶ в части определения методики

¹⁶ Методические указания, утвержденные Приказом ФСТ России от 06.08.2004 № 20-э/2 «Об утверждении методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке».

Таблица 5

Анализ перераспределения величины перекрестного субсидирования после утверждения межрегиональных тарифов, тыс. руб.

№ п/п	Субъекты РФ	Величина перекрестного субсидирования		
		До ввода межреги- онального тарифа	После ввода меж- регионального тарифа (по расчету авторов исследова- ния исходя из ТБР)	Отклонения
1. Республика Алтай и Алтайский край				
1.1.	Республика Алтай	119 933,65	-7 988,76	-127 922,41
1.2.	Алтайский край	820 691,11	820 530,93	-160,18
1.3.	Всего по двум регионам	940 624,76	812 542,17	-128 082,59
2. Ростовская область и Республика Калмыкия				
2.1.	Ростовская область	2 768 947,42	2 686 571,61	-82 375,81
2.2	Республика Кал- мыкия	225 302,65	277 390,54	52 087,89
2.3.	Всего по двум регионам	2 994 250,07	2 963 962,15	-30 287,92
3. Тюменская область и Курганская область				
3.1.	Тюменская область	5 562 930,08	5 847 409,34	284 479,26
3.2.	Курганская область	835 453,06	551 091,68	-284 361,38
3.3.	Всего по двум регионам	6 398 383,14	6 398 501,01	117,87

Источник: составлено авторами по: данные нормативно-правовых актов органов регулирования в Республиках Алтай, Калмыкия, Алтайского края, Курганской, Ростовской и Тюменской областей.

расчета межрегиональных тарифов. Также следует отметить, что существующие подходы к тарифообразованию не содержат порядок расчета величины перекрестного субсидирования и учета данной величины при расчете единых межрегиональных тарифов.

Сформированные региональными регулирующими органами по результатам ввода межрегиональных тарифов на электрическую энергию отклонения по величине необходимой валовой выручки могут быть следствием выполнения обязательных требований по соблюдению предельного уровня минимальных и максимальных уровней тарифов на услуги по передаче электрической энергии, дифференцированных по уровням напряжения и утверждаемых ФАС России (см. табл. 7).

Таблица 6

Анализ обеспечения котловой НВВ после установления межрегиональных тарифов, тыс. руб.

№ п/п	Субъекты РФ	Котловая (общая) НВВ		
		До ввода меж- региональ- ного тарифа	После ввода меж- регионального тарифа (по расчету авторов исследова- ния, исходя из ТБР)	Отклонения
1. Республика Алтай и Алтайский край				
1.1	Республика Алтай	338 859,8	210 937,3	-127 922,4
1.2	Алтайский край	3 730 651,8	3 730 491,6	-160,2
1.3	Всего по двум регионам	4 069 511,5	3 941 428,9	-128 082,6
2. Ростовская область и Республика Калмыкия				
2.1	Ростовская область	10 628 596,4	10 546 220,8	-82 375,6
2.2	Республика Калмыкия	685 084,4	737 148,0	52 063,6
2.3	Всего по двум регионам	11 313 680,8	11 283 368,8	-30 312,0
3. Тюменская область и Курганская область				
3.1	Тюменская область	42 523 390,6	42 807 872,9	284 482,3
3.2	Курганская область	3 270 554,6	2 809 940,1	-460 614,5
3.3	Всего по двум регионам	45 793 945,2	45 617 813,0	-176 132,2

Источник: составлено авторами по: данные нормативно-правовых актов органов регулирования в Республиках Алтай, Калмыкия, Алтайского края, Курганской, Ростовской и Тюменской областей.

При принятии тарифных решений по утверждению межрегиональных тарифов для соблюдения предельного уровня тарифа на электрическую энергию региональные регулирующие органы должны были одновременно пересмотреть размер необходимой валовой выручки территориальных сетевых организаций. Таким образом, существующие недочеты государственной тарифной политики в отно-

Таблица 7

Сравнительный анализ предельного максимального уровня тарифов ФАС России и утвержденного величины регулируемыми органами на второе полугодие 2021 г., руб./кВт·ч

№ п/п	Показатели	ВН	СН1	СН2	НН
1	Республика Алтай, Алтайский край				
1.1	Предельные ФАС России	0,93	1,62	1,87	2,90
1.2	Утверждено региональным регулятором	0,93	1,62	1,87	2,90
2	Ростовская область, Республика Калмыкия				
2.1	Предельные ФАС России	2,60	2,89	3,00	3,80
2.2	Утверждено региональным регулятором	2,60	2,89	3,00	3,80
3	Тюменская и Курганская область				
3.1	Предельные ФАС России	1,63	2,67	2,86	3,02
3.2	Утверждено региональным регулятором	1,63	2,67	2,86	3,02

Источник: составлено авторами по: данные нормативно-правовых актов органов регулирования в Республиках Алтай, Калмыкия, Алтайского края, Курганской, Ростовской и Тюменской областей.

пении распределительного комплекса находят свое отражение и при формировании межрегиональных тарифов. Прежде всего, это несоблюдение баланса интересов потребителей и производителей, ограничение роста тарифов с учетом инфляционных процессов.

На правительственном уровне именно ввод единых межрегиональных тарифов на передачу электрической энергии в настоящее время рассматривается в качестве средства по сглаживанию разности в уровне тарифов и в целях формирования единых стандартов государственной тарифной политики [4]. Существующие недочеты в методическом обеспечении формирования единых межрегиональных тарифов будут являться важным препятствием для корректного сглаживания уровня тарифов на электрическую энергию. Принятые тарифные решения свидетельствуют о критически важной необходимости дальнейшей оптимизации регуляторной среды, в том числе и по переподготовке кадров.

Внедрение межрегиональных тарифов на передачу электрической энергии: актуальные проблемы и дальнейшие шаги

По итогам 2020 г. наименьший уровень сетевых тарифов (ниже 1 000 руб./ МВт·ч) отмечается в Иркутской (539,74 руб./ МВт·ч) и Мурманской областях (867,77 руб./МВт·ч). Максимально высокий уровень тарифов отмечается в Республиках Алтай (2 769,94 руб./ МВт·ч), Кал-

мыкия (2 812,44 руб./ МВт·ч), Республика Тыва (3 290,69 руб./ МВт·ч). На рис. 6 представлены величины средневзвешенных тарифов на услуги по передаче электрической энергии на 2020 г. в регионах с минимальными и максимальными тарифами в своем федеральном округе, к которым добавлены субъекты РФ, рассматриваемые в настоящей статье (в порядке возрастания).

Как показывает опыт формирования единого тарифного пространства в Ростовской области и Республике Калмыкия, уровень региональных сетевых тарифов напрямую зависит от объема и структуры электросетевого оборудования, протяженности линий электрических сетей, а также от степени их загрузки. Сложившаяся ситуация вокруг регионального тарифообразования является неоднозначной, с одной стороны, за счет неравномерного размещения на территории региона объектов потребления и низкого уровня электропотребления высокие тарифы на передачу электрической энергии мешают активному развитию экономической деятельности, так как бизнес-структурам выгодней осуществлять свою деятельность в условиях низкой стоимости электроэнергии. Но, с другой стороны, в субъектах РФ, где наблюдаются высокие тарифы, можно наблюдать сокращение (или стагнацию) электропотребления, что может способствовать росту тарифов на передачу в связи с сохранением низкого уровня загрузки электросетей.

Помимо обозначенных нами ключевых моментов (система тарифообразования и техническое состояние распределительного комплекса), по нашему мнению, на перспективы масштабного и успешного введения единых межрегиональных тарифов на передачу электрической энергии в целях сглаживания уровня цен на электрическую энергию между регионами оказывает влияние ряд факторов, которые имеют первостепенное значение.

Структура тарифа

В конечную региональную стоимость электрической энергии помимо услуг по передаче электрической энергии включаются стоимость генерации, сбытовые надбавки и инфраструктурные платежи (см. рис. 7).

В целом по федеральным округам структура стоимости электрической энергии идентична, кроме регионов Дальнего Востока, где доля стоимости электроэнергии с оптового рынка электрической энергии¹⁷

¹⁷ Торговля электрической энергией и мощностью на оптовом рынке осуществляется генерирующими, сбытовыми, сетевыми (в части приобретения электроэнергии для покрытия потерь при передаче) компаниями, крупными потребителями – участниками оптового рынка.

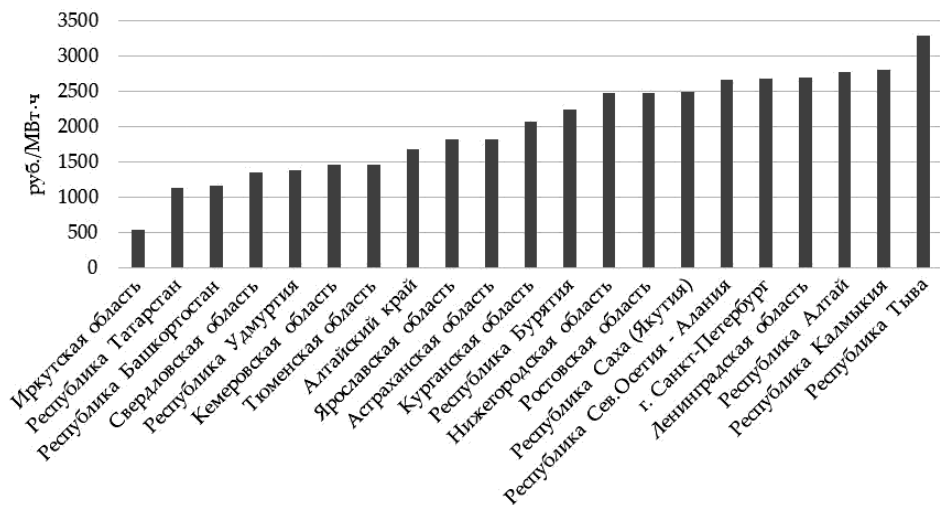

Рис. 6. Величина средневзвешенных тарифов на передачу электрической энергии по регионам РФ за 2020 г., руб./МВт·ч

Источники: составлено авторами по: данные, отраженные в приказах региональных органов регулирования об установлении единых (котловых) тарифов на услуги по передаче электрической энергии по электрическим сетям, принадлежащим на праве собственности или ином законном основании территориальным сетевым организациям, на 2020 г. (подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс (<http://www.consultant.ru>) на основе приказа Службы по тарифам Иркутской области от 27.12.2019 № 451-спр «Об установлении единых (котловых) тарифов на услуги по передаче электрической энергии на территории Иркутской области на 2020 год» и подобных нормативно-правовых актов.

(далее – ОРЭМ) в структуре цены не превышает 40%. Таким образом, помимо деятельности электросетевого комплекса необходимым условием для полноценного эффекта от ввода межрегиональных тарифов является отсутствие стимулов к резкому росту стоимости электроэнергии для конкретного региона на ОРЭМ, в том числе за счет ввода специальных надбавок в виде договора о предоставлении мощностей¹⁸, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии или тепловой энергии, или в Дальневосточном федеральном округе, на общую сумму порядка 480–500 млрд руб.

Консолидация

Б.И. Файн, О.О. Мозговая и др. отмечали, что одной из действенных мер по формированию экономических условий, которые будут способствовать снижению межрегиональной дифференциации на

¹⁸ Обязательство генерирующей компании по вводу новых мощностей с установленными характеристиками в установленный срок при условии гарантированной оплаты вводимой мощности на определенный срок.

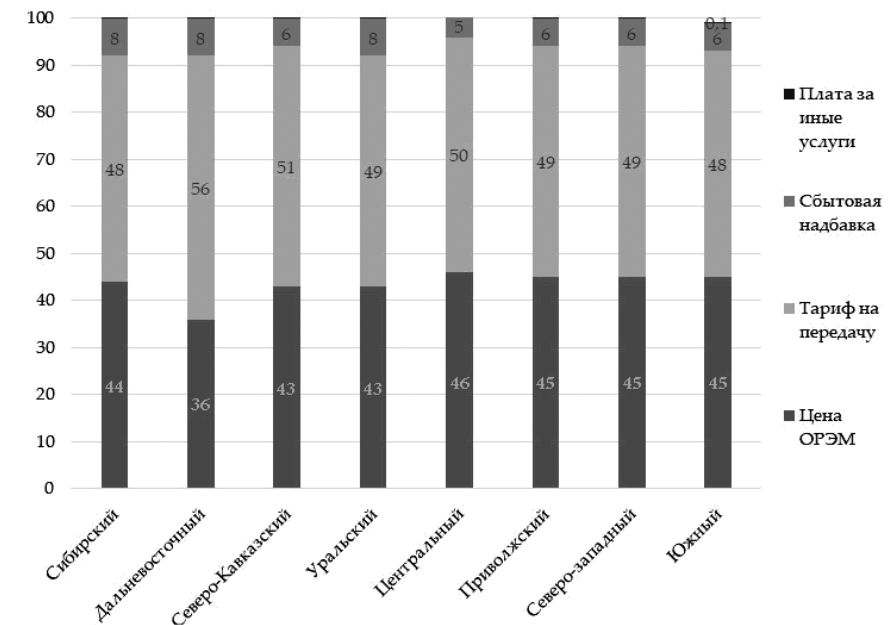

Рис. 7. Структура стоимости электрической энергии по федеральным округам за 2019 г., %

Источник: составлено авторами по: данные НП «Совет рынка» (<https://www.np-sr.ru/ru/partnership/annualreport/index.htm>).

стоимость электрической энергии, является консолидация электросетевого комплекса [9].

Процесс консолидации может осуществляться за счет выкупа межрегиональными распределительными электросетевыми компаниями группы ПАО «Россети» основных фондов, находящихся в муниципальной и прочих видах собственности.

По итогам 2020 г. количество сетевых организаций на территории Российской Федерации составляло 1 623 компании, что на 40% ниже аналогичного показателя за 2014 г. (см. рис. 8).

За последние 6 лет количество организаций распределительного комплекса сократилось практически во всех регионах Российской Федерации (в 68 из 73 регионов). С точки зрения перспектив внедрения межрегиональных тарифов на передачу электрической энергии, проводимая консолидация распределительного комплекса является позитивным шагом.

Безусловно, наиболее положительный эффект от консолидации должен быть достигнут за счет формирования единого исполнительного центра ответственности за надежную работу всего электросетевого комплекса. Для внедрения межрегиональных тарифов на электрическую энергию этот процесс является системообразующим.

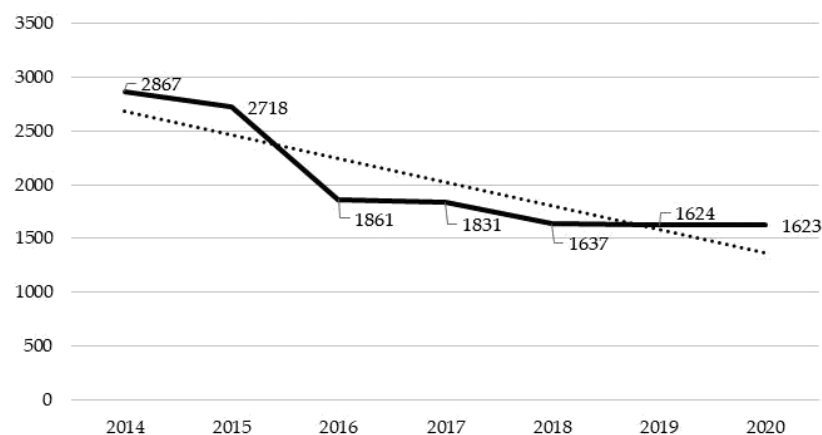

Рис. 8. Количество территориальных сетевых компаний в Российской Федерации за период 2014–2020 гг., шт.

Источник: [9, с. 25].

С учетом доли расходов на оплату услуг смежных ТСО по индивидуальным тарифам в структуре котлового тарифа на передачу электрической энергии ПАО «Россети» на уровне 19–20% (см. табл. 2) проводимый процесс консолидации позволит снизить косвенное субсидирование самых неэффективных электросетевых компаний за счет ПАО «Россети», которое в настоящее время предусмотрено тарифными решениями регуляторов в условиях ограниченного роста котлового НВВ с учетом заданных макроэкономических прогнозов.

Перекрестное субсидирование

В целях снижения уровня тарифов на электроэнергию для населения при расчете экономически обоснованной ставки на содержание электрических сетей регулирующим органом рассчитываются так называемые коэффициенты закладываемого перекрестного субсидирования. Получаемый объем перекрестного субсидирования (237 млрд руб.) суммируется к ставке на содержание сетевой инфраструктуры для прочих потребителей. За счет данного вида перекрестного субсидирования полученные регулятором экономически обоснованные тарифы для населения могут быть снижены практически на 40%, а льготные тарифы для определенной целевой группы потребителей (сельское население, население с электроплитами) снижены более чем на 60% [10, с. 31–32].

С учетом наличия перекрестного субсидирования в сетевых тарифах, при сохранении существующего тренда государственной политики по поддержке населения, можно смело утверждать, что перекрестное субсидирование как социальный инструмент сохранит свое

существование в долгосрочном периоде. Ввод межрегиональных тарифов на передачу электрической энергии, по сути, тоже должен рассматриваться как новый вид межтерриториального перекрестного субсидирования. Таким образом, на фоне существующего перекрестного субсидирования в сетевых тарифах ввод межрегиональных тарифов создает дополнительную нагрузку на сформированные розничные рынки электрической энергии и на регулятивную среду. Безусловно, данные виды перекрестного субсидирования должны рассчитываться и учитываться отдельно.

Перспективное формирование единого межрегионального тарифа на передачу электрической энергии в отношении населения приведет к ожидаемому изменению тарифов на электроэнергию для населения каждого из регионов и может привести к следующему:

- сокращение тарифа на передачу электроэнергии для населения в регионе, где тарифы на передачу для населения больше, приведет к неоправданному увеличению величины перекрестного субсидирования, учитываемой в процессе межрегионального тарифного регулирования;
- увеличение тарифа на передачу электроэнергии в том регионе, где он меньше, с большой вероятностью может привести к превышению предельного темпа прироста тарифов на электроэнергию в этом регионе. Если же рост тарифа на передачу электроэнергии не приведет к превышению предельного темпа роста, то такое повышение в целом является приемлемым (поскольку снижает объем перекрестного субсидирования населения в межрегиональном тарифе).

Сложившаяся ситуация в распределительном комплексе, на фоне ввода межрегиональных тарифов на передачу электрической энергии, лишний раз свидетельствует о необходимости не одновременной, а поэтапной отмены перекрестного субсидирования. Необходимо отметить, что в 2019 г. Минэкономразвития России проводилась оценка стоимости полной ликвидации перекрестного субсидирования. По расчету ведомства, на эти цели ежегодно в федеральный бюджет необходимо закладывать порядка 406 млрд руб. [1]. В существующем виде перекрестное субсидирование является социальным обязательством государства перед населением, переложенным на предприятия промышленного комплекса. С учетом выявленных нами недостатков в тарифном регулировании некорректное перераспределение перекрестного субсидирования несет в себе риски дополнительной нагрузки на промышленность. По мнению авторов, пилотные проекты по формированию единого тарифного пространства (Республика Алтай и Алтайский край; Ростовская область и Республика Калмыкия; Курганская область и Тюменская область) являются экспериментальными площадками по отмене перекрестного субсидирования в распределительном ком-

плексе. В качестве мер поддержки населения данных регионов можно рассматривать адресные субсидии и дотации населению, особенно его малоимущим слоям.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформировать следующие выводы:

- основным целевым предназначением перехода на единые межрегиональные тарифы должна являться активизация процессов экономического развития в регионах с высоким уровнем тарифа за счет роста энергопотребления промышленности и бизнеса. Это должно сформировать объективные предпосылки для последующего снижения тарифа на передачу электроэнергии за счет загрузки сетевой инфраструктуры. С учетом структуры и объемов энергопотребления регионы-доноры (где ожидается рост тарифов) практически не заметят изменения тарифов на услуги по передаче электрической энергии;
- предварительные результаты внедрения единого тарифного пространства в пилотных проектах показывают, что наиболее важной задачей по выравниванию уровня региональных тарифов является предотвращение ухода предприятий промышленности в другие регионы или перехода на электроснабжение от собственных источников генерации, что негативно скажется на снижении загрузки электросетевого оборудования. С учетом короткого срока действия межрегиональных тарифов, делать выводы о том, как нововведения отразятся на социально-экономическом состоянии регионов, преждевременно;
- масштабное внедрение нового вида тарифов в электросетевом хозяйстве на всей территории Российской Федерации является преждевременным. В условиях существующих подходов к государственной тарифной политике в распределительном электросетевом комплексе ввод межрегиональных тарифов на услуги по передаче электрической энергии может спровоцировать рост объемов перекрестного субсидирования, негативно отразиться на прозрачности тарифного регулирования (особенно в части перераспределения между регионами в рамках единого тарифного пространства объемов выручки электросетевых предприятий и перекрестного субсидирования);
- в отрасли не решены проблемы модернизации основных фондов, в ряде регионов (особенно Северного Кавказа) наблюдается высокий уровень потерь электрической энергии. Данные факторы играют ключевую роль в формировании единого тарифного про-

странства в случае его масштабного внедрения (поскольку многие регионы, особенно Центральной России имеют схожий объем и структуру энергопотребления), и успешная реализация существующих подходов к объединению регионов (опыт пилотных проектов) окажется под большим вопросом;

- важным вопросом является модификация законодательства по формированию организационной структуры и полномочий органов государственной исполнительной власти, ответственных за формирование тарифной политики в регионах. Для утверждения и согласования единых сетевых тарифов на территории нескольких субъектов РФ необходимо разработать правовой алгоритм принятия тарифных решений;
- критически важным является разработка и внедрение методических указаний по расчету единых межрегиональных тарифов на услуги по передаче электрической энергии, в которых должен быть регламентирован процесс распределения перекрестного субсидирования;
- представляется целесообразным активизировать работу по консолидации активов распределительного электросетевого комплекса. Создание единого исполнительного центра ответственности за внедрение межрегиональных тарифов на электрическую энергию является ключевым для успешной реализации намеченных реформ в системе электроэнергетики;
- помимо непосредственных мер тарифной политики, для целей сокращения объемов перекрестного субсидирования в сетевых тарифах необходимо сконцентрироваться на адресной социальной поддержке групп населения, которые действительно нуждаются в дотациях со стороны государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавина Е. У правительства нет денег на отмену перекрестного субсидирования в энергетике / Ведомости. 18.07.2019. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/07/18/806815-net-deneg-v-energetike> (дата обращения: 2 ноября 2021).
2. Воротицкий В.Э., Калинкина М.А., Комкова Е.В., Пятигор В.И. Снижение потерь электроэнергии в электрических сетях. Динамика, структура, методы анализа и мероприятия // Энергосбережение. 2015. № 2. С. 90–96.
3. Долматов И.А., Сасим С.В., Панова М.А., Гасс Т.А. Тарифная кампания в электроэнергетике на 2020 год: информационно-аналитический бюллетень. М.: НИУ «ВШЭ», 2020.
4. Дятел Т., Смертина П. Регионы замыкают сети // Коммерсантъ. 2020. № 207. С. 9.
5. Золотова И.Ю., Минкова В.С., Карле В.А. Методы стимулирующего регулирования в электросетевом комплексе: европейский опыт // Энергетическая политика. 2016. № 6. С. 76–85.
6. Кондратьев В.Б. Инфраструктура как фактор экономического роста // Российское предпринимательство. 2010. № 11–2. С. 29–37.

7. Орлова Ю.А. Реформа регулирования тарифов электросетевых компаний России: условия повышения конкурентоспособности сектора // Отраслевые рынки. 2014. № 4 (46). С. 26–48.
8. Репетюк С.В., Шеваль Ю.В. Электросетевой комплекс Российской Федерации: анализ состояния и организационная структура: экспертно-аналитическая записка. Институт экономики естественных монополий РАНХиГС, 2020.
9. Суюнчев М.М., Репетюк С.В., Файн Б.И., Темная О.В., Мозговая О.О., Агафонов Д.В. Межрегиональная дифференциация тарифов на электрическую энергию в Российской Федерации // Экономическая политика. 2014. № 1. С. 90–104.
10. Суюнчев М.М., Темная О.В., Агафонов Д.В. Исследование тарифных последствий перекрестного субсидирования в электроэнергетике: научный доклад. Институт экономики естественных монополий РАНХиГС, 2020.
11. Цисарев С. В Курганской области с 1 июля значительно снизятся энерготарифы для бизнеса / Курган и курганцы. 17.06.2021. <https://kikonline.ru/2021/06/17/v-kurganskoj-oblasti-s-1-ijulja-znachitelno-snizjatsja-jenergotarify-dlja-biznesa/> (дата обращения 2 ноября 2021).
12. Шумаев В.А. Инфраструктура товарных рынков // Экономист. 1997. № 10. С. 43–47.
13. Ясин Е.Г. Государство и экономика на этапе модернизации. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006. С. 338–346.
14. Crew M.A., Kleindorfer R.P. Balancing Access and the Universal Service Obligation // Postal and Delivery Services: Delivering on Competition, edited by M.A. Crew and P.R. Kleindorfer. Boston, MA: Kluwer Academic Publishers, 2002.
15. Joskow P.L. Incentive regulation in theory and practice: electricity distribution and transmission networks // National Bureau of Economic Research. 2006. <https://economics.mit.edu/files/1181> (дата обращения: 05.05.2020).

REFERENCES

1. Vavina E. The government has no money to abolish cross-subsidies in the energy sector. Vedomosti. 18.07.2019. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/07/18/806815-net-deneg-v-energetike>. (Accessed 02.11.2021). (In Russ.).
2. Vorotnitsky V.E., Kalinkina M.A., Komkova E.V., Pyatigorov V.I. Reduction of electricity losses in electric networks. Dynamics, structure, methods of analysis and activities // Energy Saving. 2015. № 2. Pp. 90–96. (In Russ.).
3. Dolmatov I., Sasim S., Panova M., Gass T. Tariff campaign in the electric power industry for 2020: information and analytical bulletin. M.: HSE, 2020. (In Russ.).
4. Dyatel T., Smertina P. Regions inlink networks // Kommersant. 2020. No. 207. P. 9. (In Russ.).
5. Zolotova I., Minkova V., Karle V. Incentive-based control methods in the power grid complex: European experience // Energy policy. 2016. № 6. Pp. 76–85. (In Russ.).
6. Kondratiev V.B. Infrastructure as a Factor of Economic Growth // Rossiyskoe predprinimatelstvo. 2010. 11–2. Pp. 29–36. (In Russ.).
7. Orlova Y. Electricity distribution tariffs regulation reform in Russia: provisions for increase competitiveness of the sector // Industrial Organization. 2014. № 4 (46). Pp. 26–48. (In Russ.).
8. Repetyuk S.V., Sheval Y.V. Russian power grid: status and institutional structure exploring: policy brief. Natural monopoly economic institute, RANEPa, 2020. (In Russ.).
9. Suyunchev M., Repetyuk S., Fayn B., Temnaya O., Mozgovaya O., Agafonov D. Regional Differentiation of Electricity Tariffs in Russian Federation // Economic policy. 2014. № 1. Pp. 90–104. (In Russ.).

10. Suyunchev M., Temnaya O., Agafonov D. The tariff effects research of Cross-Subsidisation in electroenergetics: scientific paper. Natural monopoly economic institute, RANEPa, 2020. (In Russ.).
11. Tsisarev S. In the Kurgan region from July 1, energy tariffs for business will be significantly reduced. Kurgan and Kurgan. 17.06.2021. <https://kikonline.ru/2021/06/17/v-kurganskoj-oblasti-s-1-ijulja-znachitelno-snizjatsja-jenergotarify-dlja-biznesa> (accessed 2, 2021). (In Russ.).
12. Shumaev V. Infrastructure of commodity markets // Economist. 1997. № 10. Pp. 43–47. (In Russ.).
13. Yasin E. State and Economy at the Stage of Modernization. M.: HSE University Publishing House. 2006. Pp. 338–346. (In Russ.).
14. Crew M.A., Kleindorfer R.P. Balancing Access and the Universal Service Obligation // Postal and Delivery Services: Delivering on Competition, edited by M.A. Crew and P.R. Kleindorfer. Boston, MA: Kluwer Academic Publishers, 2002.
15. Joskow P.L. Incentive regulation in theory and practice: electricity distribution and transmission networks // National Bureau of Economic Research. 2006. <https://economics.mit.edu/files/1181> (accessed 05.05.2020).

ABOUT THE AUTHORS

Protsenko Inga Olegovna – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of International Commerce Graduate School of Corporate Management, RANEPa, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education – Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, Russia

Agafonov Dmitriy Valentinovich – Candidate of Economic Sciences, Deputy Director of Infrastructural Branch Economic Research Center of the Natural Monopoly Economies Institute, RANEPa, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education – Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, Russia

Kuznetsov Vasiliy Vladimirovich – Leading expert of methodology and forensic economy analysis center of the Natural monopoly economies Institute, RANEPa, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education – Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, Russia
kuznetsov-vv@ranepa.ru

THE UNIFIED INTERREGIONAL TARIFFS FORMATION PROSPECTS FOR ELECTRIC POWER TRANSMISSION SERVICES IN THE CONTEXT OF A UNIFIED STATE TARIFF POLICY

Currently, the concept of equalizing the level of energy tariffs between the Russian Federation subjects is being actively discussed at the government level. The principles implementation of the unified state tariff policy presupposes the formation of a single regional space, where there are prerequisites for alignment the transmission tariff level. If completed

successfully, this will create additional signals of economic development, including investment attractiveness in the subjects of the Russian Federation, where the transmission tariff level is high.

The main purpose of the article is to assess the large-scale tariff smoothing relevance in the Russian Federation in the context of unresolved structural problems of the power grid. For the purposes the authors analyzed the main trends in the power grid development, considered interregional differences in tariffs for the transmission of electric energy, which are currently observed between the subjects of the Russian Federation.

Keywords: *tariff for electric power transmission, territorial differentiation of tariffs, electric power transmission, electric grid complex.*

JEL: L94, O25, R58.

А.С. ЮХНО

кандидат юридических наук, заместитель руководителя

ФКУ «Аппарат Общественной палаты России»

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В настоящее время информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) активно интегрируются в деятельность организаций по всему миру. Проблематика в области ИКТ затрагивает широкий круг корпоративных вопросов и требует системного участия различных заинтересованных сторон. Данный факт находит прямое отражение в процессах и механизмах корпоративного управления в организациях. Целью работы стало исследование понятия корпоративного управления ИКТ. В первой части работы приведены основные подходы к его определению в научной литературе и в практической деятельности. Во второй – проведен обзор научной литературы в области корпоративного управления ИКТ через призму корпоративной практики. В заключении сделаны выводы о важности развития механизмов корпоративного управления ИКТ.

Ключевые слова: *цифровая экономика, корпоративное управление, корпоративное управление информационно-коммуникационными технологиями, бизнес-стратегия, ИКТ-стратегия, организационная культура.*

JEL: D02, G30, G32, G34, M14, M15, O33.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_127_145

Управление ИКТ в условиях цифровой трансформации

Текущий этап экономического развития характеризуется активной интеграцией информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ/ ИТ) в повседневную деятельность организаций. Среди государств Центральной и Восточной Европы в 2019 г. Российская Федерация представляла собой самый крупный рынок ИКТ объемом 47 млрд долл. США¹. По данным International Data Corporation, после финансового кризиса в 2009 г. расходы на ИКТ по всему миру росли менее чем на 5% ежегодно, при этом отрасль новых технологий

¹ ICT Spending Growth in Central and Eastern Europe in 2020 Expected to Fall Short of Previous Year. Aug. 15, 2020. <https://alertify.eu/ict-spending-growth-in-central-and-eastern-europe-in-2020-expected-to-fall-short-of-previous-year-according-to-idc>.

(Интернет вещей, искусственный интеллект и др.) растет в 2–3 раза быстрее, чем экономика в целом². Показательно, что даже в период пандемии COVID-19, согласно аналитике Gartner, мировые расходы на ИТ в 2020 г. снизились всего на 3,2% по сравнению с 2019 г.³.

Цифровая трансформация экономики обуславливает изменение требований, предъявляемых к деятельности организаций в области ИКТ. Традиционно основной фокус ИКТ был направлен на обеспечение качественного оказания услуг и повышение эффективности бизнес-процессов в организациях. Постепенно они начали играть все большую роль в создании и улучшении продуктов, бизнес-моделей и в поиске новых источников дохода. Ценность ИКТ проявляется в том, что они стимулируют инновации и пронизывают все аспекты цепочки создания стоимости в организации, позволяя ей перестраивать бизнес-процессы, разрабатывать конкурентную стратегию, а также выявлять и удовлетворять предпочтения клиентов.

Проблематика в области ИКТ отличается комплексностью задач и затрагивает широкий круг корпоративных вопросов: бизнес-стратегию, риск-менеджмент, вопросы безопасности, организационную структуру организации, структуру управления, дивидендную политику и др. Р.Кохли. и Н.Мелвилл считают, что в целях выработки механизмов контроля создания ценностей, управления и минимизации возникающих рисков управление ИКТ предполагает *системное участие различных заинтересованных сторон*. Такой подход значительно расширяет управленческие возможности организаций и позволяет повышать эффективность использования существующих ИКТ-активов [1]. Ключевое значение в этом контексте приобретает гибкая и оперативная адаптация организаций к постоянно меняющимся внутренней и внешней средам.

Для решения перманентно возникающих задач цифровой трансформации ИКТ-функции организации должны претерпеть изменения, подразумевающие поиск новых подходов к внутренней структуре и формам коллаборации между подразделениями организации и внешним миром. В.Д. Миловидов справедливо отмечает, что в условиях формирования «корпоративного управления 2.0» такая коллаборативность «под воздействием экспоненциально развивающегося процесса информатизации общества» продолжит усиливаться [2, с. 178]. Таким образом, происходит постепенное изменение роли современ-

ных ИКТ-функций организации от поставщика услуг до консультанта и инноватора, что находит прямое отражение в процессах и механизмах корпоративного управления в организации [3].

В цифровую эру именно качество управления во многом определяет возможности и степень достижения бизнес-целей организации. Эффективное корпоративное управление ИКТ⁴ помогает руководящим органам организации удостовериться в том, что их использование обеспечивает реализацию стратегии организации и положительно влияет на показатели работы организации в целом. Учитывая вышеизложенное, а также вследствие возникающих в данном контексте рисков, автор предлагает расширить содержание понятия «корпоративное управление» за счет включения в него вопросов корпоративного управления ИКТ.

Корпоративное управление ИКТ: основные подходы к его определению

Э. Джордан и Д. Муссон выделяют два самых распространенных в научной литературе подхода к определению понятия «корпоративное управление ИКТ»: как к принимающей решения структуре управления организации и как к процессу. В первом случае, как правило, речь идет о трех основных способах такого управления:

- централизованный, когда руководство организации обладает полномочиями по принятию ИКТ-решений во всей организации;
- децентрализованный, когда у структурного подразделения организации есть полномочия по принятию ИКТ-решений в своей части;
- гибридный, когда руководство организации обладает полномочиями по принятию решений в области ИКТ-инфраструктуры во всей организации, а структурные подразделения – в части ее применения и развития.

Э. Джордан и Д. Муссон отмечают, что наиболее распространенным на практике вариантом является гибридный подход. Однако при таком походе управление ИКТ обособляется от корпоративного

² IDC, Global ICT Spending 2007–2017 (\$3.8T in 2017). <https://www.idc.com/promo/global-ict-spending/overview>.

³ Gartner, Gartner Forecast Worldwide IT Spending to Grow 6.2% in 2021. Jan. 25, 2021. <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2020-01-25-gartner-forecasts-worldwide-it-spending-to-grow-6-point-2-percent-in-2021>.

⁴ В настоящей работе предлагается использовать понятие «корпоративное управление ИКТ». На наш взгляд, оно наиболее точно отражает смысл перевода на русский язык понятия «ICT governance». При этом на практике единообразная терминология отсутствует. Для обозначения понятия «ICT governance» используются различные понятия термины: «управление информационными технологиями», «управление информационно-коммуникационными технологиями», «корпоративное управление информационными технологиями», «стратегическое управление информационными технологиями» и др. В работе они используются как синонимы.

управления, а фокус внимания с ответственности Совета директоров за возникающие риски смещается в плоскость решения операционных вопросов [4]. Второй же подход рассматривает корпоративное управление ИКТ в качестве составного компонента системы корпоративного управления в организации. Именно в таком понимании данное понятие используется в настоящей работе.

В научной литературе регулярно предпринимаются попытки систематизировать исследования в области подходов к определению понятия «корпоративное управление ИКТ» [7; 40]. При этом его общепринятое определение в настоящее время отсутствует. Этот факт, на наш взгляд, можно объяснить не столько новизной исследуемого предмета и недостаточной на сегодняшний момент времени эмпирической базой, позволяющей делать обоснованные и системные выводы, но и постоянным развитием данной концепции. Проведенный автором анализ нормативных документов и научных подходов (см. табл. 1) позволяет сформировать представление о сущности понятия «корпоративное управление ИКТ» и выделить его основные характеристики.

Таблица 1

Основные подходы к определению понятия «корпоративное управление ИКТ»

Источник	Характеристики
Австралийский стандарт корпоративного управления информационными и коммуникационными технологиями AS8015*.	Корпоративное управление ИКТ (англ.: corporate governance of information and communication technology) – система, с помощью которой направляется и контролируется текущее и будущее использование ИКТ, включающее в себя оценку и направление планов использования ИКТ для поддержки организации и мониторинга такого использования, а также стратегию и политику использования ИКТ в организации.
Ассоциация Аудита и Контроля Информационных Систем (англ.: Information Systems Audit and Control Association, далее – ISACA)**.	Корпоративное управление ИТ (англ.: IT governance) – ответственность руководителей и Совета директоров; состоит из команды руководителей, организационных структур и процессов, которые обеспечивают устойчивость ИТ-инфраструктуры предприятия и расширяют его стратегии и цели.
ГОСТ Р ИСО/МЭК 38500-2017 «Информационные технологии (ИТ). Стратегическое управление ИТ в организации»***.	Стратегическое управление ИТ (англ.: governance of IT) – система, при помощи которой осуществляется управление и контроль настоящим и будущим использованием ИТ.

Продолжение табл. 1

Источник	Характеристики
П. Вейль [5, р. 3].	Корпоративное управление ИТ (англ.: IT governance) – «определение структуры принятия решений и ответственности, чтобы способствовать желаемому стилю поведения при использовании ИТ», которое соответствует миссии, стратегии, ценностям, нормам и культуре организации. Корпоративное управление ИТ затрагивает не конкретные принимаемые решения – это задача менеджмента. Скорее, оно касается систематического определения того, кто принимает каждый тип решений, кто вносит вклад в принятие решений и как эти люди (группы людей) несут ответственность за выполнение своей роли. Лучшие практики корпоративного управления ИТ опираются на принципы корпоративного управления в целях управления и использования ИТ для достижения корпоративных целей.
В. Ван Гремберген [6].	Корпоративное управление ИТ (англ.: IT governance) – организационные возможности, которые используют Совет директоров, исполнительное и ИТ руководство организации для разработки и реализации ИТ-стратегии и посредством этого для объединения задач бизнеса и ИТ.
Ф. Вебб, К. Поллард, Г. Ридли [7].	Корпоративное управление ИТ (англ.: IT governance) – это координация ИТ-стратегии с бизнес-стратегией таким образом, чтобы максимальная ценность бизнеса достигалась посредством разработки и поддержания эффективного контроля и подотчетности ИТ, управления эффективностью работы и рисками.
Ст. Де Хаес, В. Ван Гремберген [8, с. 2].	Корпоративное управление ИТ**** (англ.: enterprise governance of information technology) – неотъемлемая часть корпоративного управления, осуществляемая Советом директоров, который контролирует определение и внедрение процессов, структур и взаимосвязанных механизмов в организации, которые позволяют работникам из бизнес – и ИТ-подразделений выполнять свои обязанности по обеспечению координации задач бизнеса и ИТ и создания ценности от инвестиций в ИТ.

Окончание табл. 1

Источник	Характеристики
Дж. Л.Л. Чонг, Ф.Б. Тан [9].	Корпоративное управление ИТ (англ.: IT governance) – конструкция, которая определяет распределение прав и обязанностей, связанных с принятием решений в области ИТ, соответствующих организационных структур и внедряет коммуникационные механизмы для обеспечения координации задач бизнеса и ИТ.

* Standards Australia, AS 8015-2005. Corporate governance of information and communication technology. IT-030 (ICT Governance and Management). 2005. <https://www.standards.org.au/standards-catalogue/sa-snz/communication/it-030/as--8015-2005>.

** ISACA, Glossary of Terms. English. <https://www.isaca.org/resources/glossary>.

*** Российский стандарт ИСО/МЭК 38500:2015 «Информационные технологии. Стратегическое управление ИТ в организации» идентичен международному стандарту ISO/IEC 38500:2015 "Information technology - Governance of IT for the organization", IDT.

**** В данном контексте понятие «стратегическое управление ИТ» эквивалентно терминам «корпоративное стратегическое управление ИТ», «стратегическое управление ИТ предприятия», а также «организационное стратегическое управление ИТ».

Источник: составлено автором.

Приведенные выше определения не противоречат друг другу, а раскрывают разные аспекты используемого понятия. Для целей данной работы выделим общие характеристики корпоративного управления ИКТ:

1. Является составной частью корпоративного управления организации;
2. Осуществляется Советом директоров совместно с исполнительными органами организации;
3. Включает в себя контроль за использованием ИКТ для поддержания деятельности организации и реализации бизнес-стратегии организации;
4. Предполагает распределение прав, обязанностей и ответственности лиц, принимающих решения в области ИКТ;
5. Нацелено на координацию бизнес-стратегии и ИКТ – стратегии организации.

В рамках настоящего исследования под корпоративным управлением ИКТ понимается неотъемлемый компонент системы корпоративного управления, функционал которого заключается в принятии решений в области ИКТ и установлении соответствующей ответственности в целях координации бизнес-стратегии и ИКТ-стратегии организации.

Обзор основных научных направлений в области корпоративного управления и корпоративного управления ИКТ

Новый этап развития корпоративного управления в период цифровой трансформации экономики обуславливает более активное обсуждение вопросов корпоративного управления ИКТ в экономической литературе. Следует при этом констатировать, что в настоящий момент научные исследования в этой области нередко отстают от корпоративной практики и часто касаются специфики отдельных секторов экономики [10]. В целях систематизации научных исследований в области корпоративного управления рассмотрим их по следующим направлениям:

- влияние отдельных механизмов корпоративного управления ИКТ на его эффективность и на результаты деятельности организации в целом;
- влияния внутренних и внешних факторов на эффективность осуществления корпоративного управления ИКТ;
- измерение показателей эффективности организации после внедрения механизмов корпоративного управления ИКТ в организации;
- координация бизнес-стратегии и ИКТ-стратегии организации.

Влияние отдельных механизмов корпоративного управления ИКТ на его эффективность и на управление деятельностью организации в целом. Обобщая научные и практические подходы к данному вопросу, выделим три наиболее распространенных типа механизмов осуществления такого управления:

1. Организационные структуры принятия ИКТ-решений (комитеты, подразделения, ответственные за принятие ИКТ-решений, др.);
2. Формальные процессы согласования и принятия решений для обеспечения координации стратегии в области ИКТ с бизнес-потребностями организации;
3. Коммуникационные механизмы (взаимодействие ИКТ и бизнес-подразделений в целях распространения принципов и политик корпоративного управления ИКТ и принятых решений в этой области, единого понимания целей и задач организации, прав и обязанностей сотрудников, обмена информацией, т. д.) (об этом писали ряд специалистов в данной области, см., например: [11; 12; 13; 14]).

С практической точки зрения для принятия взвешенных управленческих решений важно знать, существуют ли взаимосвязи между механизмами корпоративного управления в организации, корпоративного управления ИКТ в качестве составного компонента системы корпоративного управления в организации и эффективностью экономической деятельности организации. Так, Н. Уке, Б. Буй и М.Дж. Али,

изучая связь между инвестициями в ИКТ, корпоративным управлением и эффективностью организаций на базе выборки организаций из 42 государств в период с 1998 по 2014 гг., пришли к заключению, что сами по себе инвестиции в ИКТ и механизмы корпоративного управления напрямую не связаны с показателями эффективности организации. Тем не менее такая связь становится более заметной, когда организация контролируется независимым Советом директоров (необходимо также учитывать размеры организации и уровень конкуренции в отрасли) [15].

Ш. Пинг-Джу, Д. Штрауб и Т.П. Лян, проанализировав данные по 131 тайваньской организации, пришли к выводу, что механизмы корпоративного управления ИКТ способствуют созданию институционального подхода, который позволяет обеспечивать единое понимание стратегических целей и задач между бизнес- и ИКТ-подразделениями, а также высшим руководством организации [13].

На основе изучения 110 ответов членов ISACA в Австралии, которые передали свои ИКТ-функции на аутсорсинг, Ал. Сяифул и П. Грин обнаружили положительную взаимосвязь между уровнем эффективности корпоративного управления ИКТ и наличием соответствующих механизмов его осуществления (создание комитета по ИКТ-стратегии, вовлечение менеджмента организации в вопросы ИКТ, внедрение системы измерения корпоративной эффективности, др.). При этом авторы отдельно отмечают необходимость с осторожностью интерпретировать данные результаты, так как наличие таких механизмов не гарантирует достижение эффективного корпоративного управления ИКТ внутри организации и требует изучения дополнительных факторов, влияющих в конечном итоге на его эффективность [16].

Влияние внутренних и внешних факторов на эффективность осуществления корпоративного управления ИКТ. Значительное влияние на эффективность внедрения корпоративного управления ИКТ в организациях оказывают различные факторы: социокультурные и институциональные особенности государств [17], корпоративная культура организаций [18; 19], др. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Учитывая, что в настоящее время наметилась тенденция по сближению англо-саксонской модели корпоративного управления с романо-германской [20], при обсуждении корпоративной тематики вопросы культуры в государстве в целом, и корпоративной культуры в организации в частности, все чаще выходят на первый план. Данный факт находит отражение в научной литературе, в которой указывается, что социокультурные факторы (культура) играют важное значение как в экономике [21], так и в корпоративном управлении [22]. В аналитическом докладе Центра стратегических разработок отмечается, что

«социокультурные факторы, определяемые ценностями и поведенческими установками людей, а также разнообразием этнических, лингвистических и религиозных групп, могут оказывать влияние на социально-экономические процессы как на микроуровне (например, в пределах одного предприятия), так и на мезо- и макроуровнях (регион и вся страна в целом). И это влияние может как поддерживать инновационное экономическое развитие, так и препятствовать ему» [23, с. 15].

Таким образом, влияние на корпоративную культуру организаций в части осуществления корпоративного управления ИКТ могут оказывать в том числе сложившиеся в обществе институты, которые создают стимулы к «перераспределительной или производительной деятельности», и уровень как межличностного, так и институционального доверия в обществе [24, с. 82].

Эффективное использование ИКТ подразумевает формирование в организации соответствующей корпоративной культуры, нацеленной на постоянный поиск и использование возникающих возможностей [25, с. 41]. Понимание корпоративной культуры организации критично для изучения корпоративного управления ИКТ, так как она непосредственно влияет на их внедрение и использование, а также играет важную роль в управленческих процессах, которые могут прямо или косвенно воздействовать на них [26]. В данной связи следует согласиться с В.К. Вербицким, который указывает на обязательную адаптацию общепризнанных в мире стандартов корпоративного управления к особенностям управленческой культуры организации, которые обусловлены в том числе ее национальными особенностями [27, с. 11]. Похожей позиции придерживаются Э. Кортес, Х. Ллопис, Р. Гонсалес, Х. Гаско, которые считают, что инвестиции в ИКТ и информационные системы не достаточны для получения положительных результатов работы организации. Помимо технического использования оборудования организации необходима соответствующая корпоративная культура [28].

Измерение показателей эффективности организации после внедрения механизмов корпоративного управления ИКТ в организации. П. Вейль, проанализировав вопросы корпоративного управления ИКТ на 256 предприятиях в 23 государствах, делает вывод о том, что наиболее эффективные предприятия «для поддержки своих стратегий и институционализации хороших практик» преуспевают в получении ценности от ИКТ, в том числе за счет внедрения эффективного корпоративного управления. Описывая ситуацию, когда корпоративное управление ИКТ одновременно расширяет возможности организации и улучшает эффективность контроля ее деятельности, автор использует термин «парадокс управления». Он справедливо отмечает, что такое управление существует во всех организациях, однако организации с эффективным кор-

поративным управлением ИКТ разрабатывают такие его механизмы (специальные комитеты, бизнес-процессы, т. д.), которые стимулируют «желаемое» поведение. Кроме того, корпоративное управление ИКТ не следует рассматривать отдельно от других ключевых форм управления организации, так как оно напрямую связано с ними [5, с. 3].

Г.Л. Лунард, Дж.Л. Бекер и А.К. Макада считают, что организации, внедрившие практику такого управления, улучшили свои финансовые показатели по сравнению с контрольной группой, особенно в отношении рентабельности [29]. П. Вейль и Ж. Росс, проанализировав деятельность 300 организаций в 23 государствах, отметили, что организации с эффективным корпоративным управлением ИКТ получают на 20% больше прибыли, чем организации, имеющие похожие стратегии развития. По их мнению, данный факт объясняется тем, что такое управление определяет ответственность за результаты в данной области и помогает осуществлять инвестиции в соответствии с приоритетами деятельности организации. Более того, понимание высшим руководством организации лежащих в его основе процессов является лучшим показателем эффективности самих организаций [30].

А. Прасад, П. Грин и Дж. Хилс разделяют точку зрения, что усилия организации по корпоративному управлению ИКТ способствуют повышению стоимости бизнеса. В своем исследовании они отмечают, что для поддержания конкурентных позиций организации участвуют в различных формах альянсов, многие из которых используют ИКТ в качестве основы своей деятельности. В результате появляются совместные организационные структуры, которые для обеспечения своей устойчивости требуют более глубокого понимания процессов корпоративного управления ИКТ. Авторы считают, что существует зависимость между усилиями организации по корпоративному управлению ИКТ и поддержанием способности по использованию ИКТ-ресурсов [31].

В литературе подчеркивается, что корпоративное управление ИКТ также может способствовать повышению организационной производительности организации [42]. П. Вейль считает, что высокопроизводительные предприятия осуществляют корпоративное управление ИКТ отличным друг от друга образом. Организации, нацеленные на рост, децентрализуют большую часть своих прав по принятию решений в этой области и передают их в ведение бизнес-подразделений. Организации, нацеленные на получение прибыли, наоборот большую часть таких прав централизуют. Кроме того, наиболее успешные организации в этой области разрабатывают подходы к корпоративному управлению ИКТ для усиления достижения своих целей в области производительности и связывают его с управлением и надзором за другими ключевыми активами [5].

Координация бизнес-стратегии и ИКТ-стратегии организации. В. Ван Гремберген подчеркивает, что координация ИКТ-стратегии с бизнес-стратегией организации является важным драйвером создания ценности посредством инвестиций в ИТ [32, с. 7]. Автор отмечает, что в контексте обеспечения лучшей согласованности между ИКТ и бизнесом посредством корпоративного управления ИКТ главным становится вопрос о том, позволяют ли ее текущие процессы, структуры и иные механизмы достигать целей такого управления [33, с. 1].

Институт управления ИТ (англ.: *IT Governance Institute*) среди одной из пяти основных областей управления ИКТ со стороны Совета директоров выделяет координацию ИКТ-стратегии и бизнес-стратегии в целях достижения стратегических целей и задач организации [34]. Дж.К. Хендерсон и Н. Венкатраман, в свою очередь, отмечают, что концепция координации стратегии в области ИКТ базируется на двух фундаментальных предположениях. Во-первых, экономические показатели напрямую связаны со способностью руководства создавать взаимосвязь между бизнес-стратегией организации и соответствующей административной структурой для реализации стоящих перед ней задач. Во-вторых, координация стратегии в области ИКТ – это не отдельное событие, а непрерывный процесс, включающий элементы адаптации и изменений [35, с. 472–472].

В целях повышения уровня эффективности использования ИКТ Дж.Н. Люфتمان в качестве дорожной карты предложил использовать на практике модель оценки зрелости координации ИКТ-стратегии и бизнес-стратегии (англ.: *Strategic Alignment Maturity Model*), одним из шести элементов которой выступает корпоративное управление ИКТ [36]. Оно определяет, кто имеет полномочия принимать ИКТ-решения и какие процедуры используют ИКТ и бизнес-подразделения на стратегическом и операционном уровнях для установления ИКТ-приоритетов в целях выделения ИКТ-ресурсов. В свою очередь корпоративное управление ИКТ декомпозируется на девять самостоятельных элементов:

1. Бизнес-стратегия;
2. ИКТ-стратегия;
3. Организационная структура ИКТ;
4. ИКТ-отчетность;
5. ИКТ-бюджетирование;
6. Инвестиционные решения в сфере ИКТ;
7. Управляющий комитет (ы) по ИКТ;
8. Приоритизация ИКТ-задач;
9. Способность ИКТ реагировать на изменения.

На основании анализа данных по 130 организациям из США, Индии, государств Латинской Америки и Европы, представляющих различ-

ные секторы экономики (финансы, здравоохранение, транспорт, др.), были получены интересные результаты. Так, наибольшее положительное влияние на эффективность корпоративного управления ИКТ оказывают ИКТ-стратегия (62,5% влияния), способность ИКТ реагировать на изменения (50,3% влияния) и приоритизация ИКТ-задач (32,1% влияния). Представляется, что ИКТ-стратегии при управлении данными, программными приложениями и ИКТ-инфраструктурой необходимо отражать логику построения бизнес-стратегии. В бизнес-стратегию, в свою очередь, необходимо интегрировать подходы для повышения качества управления ИКТ в контексте бизнес-архитектуры организации. Как следствие, организация получает значительные конкурентные преимущества и минимизирует возможные риски [41]. Что касается способности ИКТ реагировать на изменения, то ИКТ предлагается рассматривать в качестве посредника для их внедрения во всей организации. Положительное влияние приоритизации ИКТ-задач (32,1% влияния) на корпоративное управление ИКТ обусловлено тем, что она определяет, как и кем отбираются ИКТ-проекты. При этом самое негативное влияние на корпоративное управление ИКТ оказывает ИКТ-бюджетирование (-60,1% влияния). Данный фактор может объясняться желанием снизить расходы на ИКТ и предполагает изменение подхода к восприятию ИКТ в качестве инструмента по созданию ценности, а не только статьи расходов корпоративного бюджета [36, с. 3–9].

Д. Престон и Е. Караханна на основании опроса директоров по информационным технологиям и руководителей организаций пришли к выводу, что общее понимание роли ИКТ в организации является «ближайшим предшественником» процесса координации стратегии в области ИКТ и бизнеса [37]. Ю.Е. Чан, Р. Сабхервал и Дж.Б. Тэтчер в своем исследовании отмечают, что влияние координации стратегий на организационную эффективность, а также факторы, влияющие на такую координацию, различаются в зависимости от бизнес-стратегии организации и отраслей экономики [38]. При этом А.А. Яйла и Ц. Ху считают, что координация стратегии оказывает существенное положительное влияние на эффективность организации только в условиях высокой неопределенности [39].

Обобщая вышеуказанную информацию важно отметить следующие особенности корпоративного управления ИКТ. Во-первых, широта рассматриваемой проблематики обуславливает наличие большого массива источников, которые затрагивают различные аспекты исследуемого предмета. Во-вторых, стремительность процесса цифровой трансформации экономики требует постоянного обновления эмпирических данных в области корпоративного управления в силу их быстрого устаревания и происходящей трансформации бизнес-

моделей организаций. В-третьих, при оценке качества и эффективности корпоративного управления ИКТ необходимо учитывать различные факторы, которые оказывают на него существенное воздействие. Представляется, что взвешенный подход к данному вопросу будет способствовать повышению прозрачности корпоративного управления и оптимизации его механизмов.

Заключение

В настоящее время организации находятся в условиях постоянно изменяющейся среды, на которую влияет стремительная цифровая трансформация. Это требует новых навыков адаптации организаций к возникающим вызовам в сжатые сроки. В постоянной зоне риска находятся не только вложенные в ИКТ инвестиции, но и упущенные возможности на рынках с растущей конкуренцией. Одной из ключевых корпоративных задач становится привлечение большего внимания к корпоративному управлению ИКТ. В работе были проанализированы разные подходы к пониманию данного понятия и обозначены основные векторы научных исследований в этой сфере.

Развитие механизмов корпоративного управления ИКТ позволит организациям повышать эффективность своей деятельности и открывать для себя новые точки роста благодаря использованию ИКТ. Поэтому необходимо продолжать изучение указанной проблематики, аккумулировать накапливающиеся эмпирические данные и имплементировать разрабатываемые механизмы в практическую деятельность организаций. Представляется, что более высокий уровень общего понимания процессов и задач корпоративного управления ИКТ внутри организации позволит получать больший синергетический эффект при внедрении и реализации такого управления, а также последовательнее согласовывать его с достижением стратегических целей и задач организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kohli R., Melville N.P. Learning to Build an IT Innovation Platform, Communications of the ACM. Aug. 2009. Vol. 52. Iss. 8. Pp. 122–126. <https://doi.org/10.1145/1536616.1536647>.
2. Миловидов В.Д. Корпоративное управление 2.0: эволюция системы корпоративных отношений в информационном обществе // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4. С. 171–189.
3. Urbach N., Drews P., Ross J. Digital Business Transformation and the Changing Role of the IT Function. MIS Quarterly Executive. Jun. 2017. 16(2):2-4. <https://www.fim-rc.de/Paperbibliothek/Veroeffentlicht/690/wi-690.pdf>.

4. Jordan E., Musson D. Corporate Governance and it Governance: Exploring the Board's Perspective, SSRN //Electronic Journal. 2004.Dec. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.787346>.
5. Weill P. Don't Just Lead, Govern: How Top-Performing Firms Govern IT. MIS Quarterly Executive. Mar. 2004. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–17. <http://www.umsi.edu/~lacitym/topperform.pdf>.
6. Grembergen W.V. Introduction to the Munitrack "IT Governance and its Mechanisms". Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. 2005. Pp. 4877–4879. <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/50500/1/paper0613.pdf>.
7. Webb P., Pollard C.E., Ridley G. Attempting to Define IT Governance: Wisdom or Folly? Proceedings of the 39th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'06). 2006. Pp. 194a – 194a. DOI: 10.1109/HICSS.2006.68.
8. Van Grembergen W., De Haes S. Enterprise governance of information technology: Achieving strategic alignment and value. Jan. 2009. DOI: 10.1007/978-0-387-84882-2.
9. Chong J.L.L., Tan F.B. IT Governance in Collaborative Networks: A Socio-Technical Perspective, Pacific Asia Journal of the Association for Information Systems. Jan. 2012. Vol. 4. Iss. 2. Art. 3. DOI: 10.17705/1pais.04202.
10. Ho J.L., Wu A., Xu S.X. Corporate Governance and Returns on Information Technology Investment: Evidence from an Emerging Market. Southern Medical Journal. 2011. 32. Pp. 595–623. DOI:10.1002/SMJ.886.
11. Weill P., Ross J. W. IT Governance: How Top Managers Manage IT Decision Rights for Superior Results. Boston. Harvard Business School Press, Boston. Jun. 24 2004.
12. Peterson, R. Crafting Information Technology Governance, Information Systems Management. 2004. (21:4). Pp. 7–23. http://130.18.86.27/faculty/warkentin/securitypapers/Merrill/Peterson2004_ISM_ITGovernance.pdf.
13. Ping-Ju Wu S., Straub D., Liang T.P. How Information Technology Governance Mechanisms and Strategic Alignment Influence Organizational Performance: Insights from a Matched Survey of Business and IT Managers, MIS Quarterly. Jun. 2015. Vol. 39. Iss. 2. Pp. 497–518. DOI: 10.25300/MISQ/2015/39.2.10.
14. De Haes S., Van Grembergen W. IT Governance Structures, Processes and Relational Mechanisms: Achieving IT/Business Alignment in a Major Belgian Financial Group, Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. Jan. 2005. Vol. 8. Pp. 237b. DOI: 10.1109/HICSS.2005.362.
15. Houqe N., Bui B., Ali M.J. Information and Communication Technology (ICT), Corporate Governance, and Firm Performance: An International Study. Jan. 20. 2019. 2019 Financial Markets & Corporate Governance Conference. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3319229>.
16. Ali S., Green, P. Effective information technology (IT) governance mechanisms: An IT outsourcing perspective. Information Systems Frontiers. Apr. 2012. 14. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1007/s10796-009-9183-y>.
17. Гуриев С., Лазарева О., Рачинский А., Цухло С. Корпоративное управление в российской промышленности. М.: ИЭПП. 2004.
18. Aasi P., Rusu L., Vieru Dr. The Role of Culture in IT Governance Five Focus Areas: A Literature Review, International Journal of IT/Business Alignment and Governance. Jun. 2017. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 42–61. DOI: 10.4018/IJITBAG.2017070103.
19. Kingsford R., Dunn L., Cooper J. Information Systems, IT Governance and Organizational Culture. Proceedings of the 14th Australasian Conference on Information Systems Proceedings. Perth, Australia. Nov. 26–28. 2003.
20. Беликов И.В. Совет директоров компании: новый подход. М.: Delibri, 2019.
21. Никишина Е.Н. Культурный капитал как фактор неопределенности и трансакционных издержек // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 5. С. 3–21. DOI: 10.38050/01300105201551.
22. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations, Behavior Research and Therapy. Jan. 2001. 41(7). Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications. DOI: 10.1016/S0005-7967(02)00184-5.
23. Аузан А.А., Авдijenкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалов В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш., Давыдов Д.В., Золотов А.В., Никитин К.М., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. 2017. <https://csr.ru/wpcontent/uploads/2017/10/reportsf-2017-10-12.pdf>.
24. Аузан А.А., Комиссаров А.Г., Бахтигараева А.И. Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 4. С. 76–95. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-4-76-95.
25. Peppard J., Ward J. The Strategic Management of Information Systems: Building a Digital Strategy. Apr. 2016. P. 504 .
26. Leidner D.E., Kayworth T. Review: a Review of Culture in Information Systems Research: Toward a Theory of Information Technology Culture Conflict, MIS Quarterly. Jun. 2006. 30(2). Pp. 357–399. DOI: 10.2307/25148735.
27. Вербицкий В.К. Из идеального к реальному. Что действительно нужно компаниям для своей практики из corporate governance best practices. М.: Альпина Паблишер, 2015.
28. Claver E., Llopis J., González R., Gascó J. The performance of information systems through organization culture, Information Technology & People. 2001. Vol. 14. No. 3. Pp. 247–260. DOI: 10.1108/09593840110402149.
29. Lunardi G.L., Becker J.L., Maçada A.C. The Financial Impact of IT Governance Mechanisms' Adoption: An Empirical Analysis with Brazilian Firms. 2009 42nd Hawaii International Conference on System Sciences. 2009. Pp. 1–10. DOI:10.1109/HICSS.2009.950.
30. Weill P., Ross J. W. IT Governance on One Page, MIT Sloan Working Paper. CISR WP No. 349. and Sloan WP No. 4516-04. Nov. 2004. P. 15. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.664612>.
31. Prasad A., Green P., Heales J. On IT governance structures and their effectiveness in collaborative organizational structures/// International Journal of Accounting Information Systems. 2012. Vol.13, No.3. Pp. 199-220. DOI: 10.1016/j.accinf.2012.06.005.
32. Van Grembergen W. (ed.) Strategies for Information Technology Governance. Hershey, PA: Idea Group Publishing. 2003.
33. De Haes St., Van Grembergen W. Practices in IT governance and business/IT alignment, Information Systems Control Journal. 2008. Vol. 2. Pp. 1–6. https://www.researchgate.net/profile/Steven_De_Haes/publication/228968843_Practices_in_IT_governance_and_businessIT_alignment/links/0c96051d2ac3824c52000000.pdf.
34. IT Governance Institute, Board Briefing on IT Governance, 2nd Edition, 2003. P. 64.
35. Henderson J.C., Venkatraman N. Strategic alignment: Leveraging information technology for transforming organizations, IBM Systems Journal. 1993. Vol. 38. No. 2.3. Pp. 472–484. DOI: 10.1147/sj.382.0472.

36. Luftman J.N., Ben-Zvi T., Dwivedi R., Rigoni E. H. IT Governance: An Alignment Maturity Perspective, *International Journal on IT/Business Alignment and Governance*. 2010. 1 (2). Pp. 13–25. DOI: 10.4018/jitbag.2010040102.
37. Preston D.S., Karahanna E. Antecedents of IS Strategic Alignment: A Nomological Network, *Information Systems Research*. Jun. 2009. 20(2). Pp. 159–179. DOI:10.1287/isre.1070.0159.
38. Chan Y.E., Sabherwal R., Thatcher J.B. Antecedents and outcomes of strategic IS alignment: an empirical investigation, *IEEE Transactions on Engineering Management*. Feb. 2006. Vol. 53. No.1. Pp. 27–47. DOI: 10.1109/TEM.2005.861804.
39. Yayla A.A., Hu Q. The impact of IT-business strategic alignment on firm performance in a developing country setting: exploring moderating roles of environmental uncertainty and strategic orientation, *European Journal of Information Systems*. 2012. 21(4). Pp. 373–387. DOI: 10.1057/ejis.2011.52.
40. Novotny A., Bernroider E.W.N., Koch S. Dimensions and Operationalisations of IT Governance: A Literature Review and Meta-Case Study, *International Conference on Information Resource Management (Conf-IRM 2012)*. WU Vienna University of Economics and Business, Vienna, Austria. Jan. 2012. Vol. 23. P. 1–12.
41. Met I., Umut Uysal E., Orç E. Blending Business Strategies with IT in Digital Era, *Digital Business Strategies in Blockchain Ecosystems: Transformational Design and Future of Global Business*, Springer International Publishing, Cham. 2020. Pp. 317–341.
42. Hitt L.M., Brynjolfsson E. Productivity, Business Profitability, and Consumer Surplus: Three Different Measures of Information Technology Value, *MIS Quarterly*. Jun. 1996. 20(2). Pp. 121–142. DOI: 10.2307/249475.

REFERENCES

1. Kohli, R., Melville, N.P. Learning to Build an IT Innovation Platform, *Communications of the ACM*. Aug. 2009. Vol. 52. Iss. 8. Pp. 122–126. <https://doi.org/10.1145/1536616.1536647>.
2. Milovidov V. Corporate governance 2.0: The evolution of corporate relations in the information society // *National Strategy Issues*. 2017. № 4. Pp. 171–189. (In Russ.).
3. Urbach N., Drews P., Ross J. Digital Business Transformation and the Changing role of the IT Function. *MIS Quarterly Executive*. Jun. 2017. 16(2):2–4. <https://www.fim-rc.de/Paperbibliothek/Veroeffentlicht/690/wi-690.pdf>.
4. Jordan E., Musson D. Corporate Governance and its Governance: Exploring the Board's Perspective, *SSRN Electronic Journal*. Dec. 2004. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.787346>.
5. Weill, P. Don't Just Lead, Govern: How Top-Performing Firms Govern IT. *MIS Quarterly Executive*. Mar. 2004. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–17. <http://www.umsi.edu/~lacitym/topperform.pdf>.
6. Grembergen W.V. Introduction to the Munitrack "IT Governance and its Mechanisms". *Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. 2005. Pp. 4877–4879. <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/50500/1/paper0613.pdf>.
7. Webb P., Pollard C.E., Ridley G. Attempting to Define IT Governance: Wisdom or Folly?. *Proceedings of the 39th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'06)*. 2006. Pp. 194a–194a. DOI: 10.1109/HICSS.2006.68.
8. Van Grembergen W., De Haes, S. Enterprise governance of information technology: Achieving strategic alignment and value. Jan. 2009. DOI: 10.1007/978-0-387-84882-2.

9. Chong J.L.L., Tan F.B. IT Governance in Collaborative Networks: A Socio-Technical Perspective, *Pacific Asia Journal of the Association for Information Systems*. Jan. 2012. Vol. 4. Iss. 2. Art. 3. DOI: 10.17705/1pais.04202.
10. Ho J.L., Wu A., Xu S.X. Corporate Governance and Returns on Information Technology Investment: Evidence from an Emerging Market. *Southern Medical Journal*. 2011. 32. Pp. 595–623. DOI:10.1002/SMJ.886.
11. Weill P., Ross J.W. IT Governance: How Top Managers Manage IT Decision Rights for Superior Results, Boston. Harvard Business School Press, Boston. Jun. 24 2004.
12. Peterson R. Crafting Information Technology Governance, *Information Systems Management*. 2004. (21:4). Pp. 7–23. http://130.18.86.27/faculty/warkentin/securitypapers/Merrill/Peterson2004_ISM_ITGovernance.pdf.
13. Ping-Ju Wu, S., Straub, D., Liang T.-P. How Information Technology Governance Mechanisms and Strategic Alignment Influence Organizational Performance: Insights from a Matched Survey of Business and IT Managers, *MIS Quarterly*. Jun. 2015. Vol. 39. Iss. 2. Pp. 497–518. DOI: 10.25300/MISQ/2015/39.2.10.
14. De Haes S., Van Grembergen W. IT Governance Structures, Processes and Relational Mechanisms: Achieving IT/Business Alignment in a Major Belgian Financial Group, *Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. Jan. 2005. Vol. 8. Pp. 237b. DOI: 10.1109/HICSS.2005.362.
15. Houqe N., Bui B., Ali M.J. Information and Communication Technology (ICT), Corporate Governance, and Firm Performance: An International Study. Jan. 20, 2019. 2019 Financial Markets & Corporate Governance Conference. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3319229>.
16. Ali S., Green P. Effective information technology (IT) governance mechanisms: An IT outsourcing perspective. *Information Systems Frontiers*. Apr. 2012. 14. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1007/s10796-009-9183-y>.
17. Guriev S., Lazareva O., Rachinsky A., Tsukhlo S. Corporate Governance in Russian Firms. Moscow, IEPTP. 2004. (In Russ.).
18. Aasi P., Rusu L., Vieru Dr. The Role of Culture in IT Governance Five Focus Areas: A Literature Review, *International Journal of IT/Business Alignment and Governance*. Jun. 2017. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 42–61. DOI: 10.4018/IJITBAG.2017070103.
19. Kingsford R., Dunn L., Cooper J. Information Systems, IT Governance and Organizational Culture. *Proceedings of the 14th Australasian Conference on Information Systems*. Perth, Australia. Nov. 26–28, 2003.
20. Belikov I. Effective Boards of Directors: A New Approach. Moscow, Delibri Publ. 2019. P. 506. (In Russ.).
21. Nikishina E. Cultural Capital as a Factor of Uncertainty and Transaction Costs, *MSU Vestnik. Series 6. Economics*. 2015. №5. Pp. 3–21. DOI: 10.38050/01300105201551. (In Russ.).
22. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations, Behavior Research and Therapy. Jan. 2001. 41(7). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications. DOI: 10.1016/S0005-7967(02)00184-5.
23. Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives // *Voprosy Ekonomiki*. 2020. 7. Pp. 75–91. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-75-91>. (In Russ.).

24. Auzan A., Komissarov A., Bakhtigaraeva A. Sociocultural Restrictions on the Commercialization of Innovations in Russia // *Economic policy*. 2019. Vol. 14. №14. Pp. 76–95. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-4-76-95. (In Russ.).
25. Peppard J., Ward J. The Strategic Management of Information Systems: Building a Digital Strategy. Apr. 2016. P. 504.
26. Leidner D. E., Kayworth T. Review: a Review of Culture in Information Systems Research: Toward a Theory of Information Technology Culture Conflict, *MIS Quarterly*. Jun. 2006. 30(2). Pp. 357–399. DOI: 10.2307/25148735.
27. Verbitsky V. From the ideal to the real. What companies really need for their corporate governance best practices. Moscow, Alpina Publ, 2015. (In Russ.).
28. Claver E., Llopis J., Reyes González M., Gascó J. L. The performance of information systems through organization culture, *Information Technology & People*. 2001. Vol. 14. No. 3. Pp. 247–260. DOI:10.1108/09593840110402149.
29. Lunardi G.L., Becker J.L., Maçada A.C. The Financial Impact of IT Governance Mechanisms' Adoption: An Empirical Analysis with Brazilian Firms, *2009 42nd Hawaii International Conference on System Sciences*. 2009. Pp. 1–10. DOI:10.1109/HICSS.2009.950.
30. Weill P., Ross, J.W. It Governance on One Page, MIT Sloan Working Paper. CISR WP No. 349. and Sloan WP No. 4516-04. Nov. 2004. P. 15. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.664612>.
31. Prasad A., Green P., Heales J. On IT governance structures and their effectiveness in collaborative organizational structures, *International Journal of Accounting Information Systems*. 2012. Vol.13, No.3. Pp. 199–220. DOI: 10.1016/j.accinf.2012.06.005.
32. Van Grembergen, W. (ed.) *Strategies for Information Technology Governance*. Hershey, PA: Idea Group Publishing, 2003.
33. De Haes, St., Van Grembergen, W. Practices in IT governance and business/IT alignment, *Information Systems Control Journal*. 2008. Vol. 2. Pp. 1–6. https://www.researchgate.net/profile/Steven_De_Haes/publication/228968843_Practices_in_IT_governance_and_businessIT_alignment/links/0c96051d2ac3824c52000000.pdf.
34. IT Governance Institute, *Board Briefing on IT Governance, 2nd Edition*, 2003. P. 64.
35. Henderson J. C., Venkatraman, N. Strategic alignment: Leveraging information technology for transforming organizations, *IBM Systems Journal*. 1993. Vol. 38. No. 2.3. Pp. 47–2484. DOI: 10.1147/sj.382.0472.
36. Luftman J.N., Ben-Zvi T., Dwivedi R., Rigoni E.H. IT Governance: An Alignment Maturity Perspective, *International Journal on IT/Business Alignment and Governance*. 2010. 1 (2). Pp. 13–25. DOI: 10.4018/jitbag.2010040102.
37. Preston D. S., Karahanna E. Antecedents of IS Strategic Alignment: A Nomological Network, *Information Systems Research*. Jun. 2009. 20(2). Pp. 159–179. DOI:10.1287/isre.1070.0159.
38. Chan Y. E., Sabherwal R., Thatcher J.B. Antecedents and outcomes of strategic IS alignment: an empirical investigation, *IEEE Transactions on Engineering Management*. Feb. 2006. Vol. 53. No.1. Pp. 27–47. DOI: 10.1109/TEM.2005.861804.
39. Yayla A.A., Hu Q. The impact of IT-business strategic alignment on firm performance in a developing country setting: exploring moderating roles of environmental uncertainty and strategic orientation, *European Journal of Information Systems*. 2012. 21(4). Pp. 373–387. DOI: 10.1057/ejis.2011.52.
40. Novotny A., Bernroider E.W.N., Koch, S. Dimensions and Operationalisations of IT Governance: A Literature Review and Meta-Case Study, *International Conference*

- on Information Resource Management (Conf-IRM 2012). WU Vienna University of Economics and Business, Vienna, Austria. Jan. 2012. Vol. 23. P. 1–12.
41. Met I., Umut Uysal E., Orç E. Blending Business Strategies with IT in Digital Era, *Digital Business Strategies in Blockchain Ecosystems: Transformational Design and Future of Global Business*, Springer International Publishing, Cham. 2020. Pp. 317–341.
42. Hitt L. M., Brynjolfsson E. Productivity, Business Profitability, and Consumer Surplus: Three Different Measures of Information Technology Value, *MIS Quarterly*. Jun. 1996. 20(2). Pp. 121–142. DOI: 10.2307/249475.

ABOUT THE AUTHOR

Yukhno Alexander Sergeevich – Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Office of the Civic Chamber of Russia, Moscow, Russia.
a.yukhno@mail.ru

ICT GOVERNANCE IN THE DIGITAL ERA

Currently, information and communication technology (ICT) is being actively integrated into the activities of organizations around the world. ICT covers a wide range of corporate issues and requires the systematic involvement of various stakeholders. This fact is already reflected in the processes and mechanisms of organization's corporate governance. The aim of the article was to study the term of "ICT governance". The first part of the paper discusses the main approaches to its definition in scientific and practical fields. The second part provides a review of scientific literature in the field of ICT governance through the lens of corporate practice. In the end, the conclusions on the importance of the development of ICT governance mechanisms are made.

Keywords: *digital economy, corporate governance, ICT governance, business strategy, ICT strategy, organizational culture.*

JEL: D02, G30, G32, G34, M14, M15, O33.

ФИНАНСЫ**С.А. АНДРЮШИН**доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН**Р.А. ГРИГОРЬЕВ**доктор философии в области экономики (Великобритания),
заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязева (ИЭУП)**С.А. НИКИТИНА**

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

А.П. СВИРИДОВ

младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

**ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА
БАНКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОСИСТЕМНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ВВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ¹**

В статье дана экспертная оценка проекта «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов» (по версии 30.09.2021); определена базовая основа и новизна данного проекта; рассмотрены основные положения некоторых документов Банка России, которые должны быть включены в настоящий проект; проанализированы кредитная активность банковского сектора, эффективность кредитного и депозитного каналов трансмиссионного механизма, а также динамика разрыва между депозитами и кредитами в российских банках; высказаны замечания к проекту с позиций развития в России банковских экосистем и введения цифрового рубля.

Ключевые слова: Банк России, банковский сектор, денежно-кредитная политика, ценовая стабильность, финансовая стабильность, финансовые технологии, фискальная политика, цифровой рубль.

JEL: E50, 52, 58.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_146_165.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-510-00009 Бел_а.

Меры денежно-кредитной политики (ДКП) Банка России, реализованные в 2020–2021 гг., были для российской экономики довольно успешными. Во II квартале 2021 г. российская экономика практически восстановилась, достигнув уровня, на котором она находилась перед началом пандемии COVID-19, и, по предварительным оценкам регулятора, уже возвращается на траекторию сбалансированного роста и нейтральной ДКП². При этом движущей силой восстановительного роста в этот период стал внутренний спрос, который, согласно базовому сценарию Банка России, позволит повысить темпы прироста ВВП в 2021 г. до 4,0–4,5%.

Процессу возвращения российской экономики к сбалансированному экономическому росту и нейтральной ДКП способствовала также и политика Минфина России, реализующая стратегию нормализации бюджетной политики, связанную с постепенным возвратом к формированию предельного объема расходов в соответствии с требованиями бюджетного правила. Поэтому отклонение фактических расходов бюджета от параметров, определенных бюджетным правилом, начиная с 2021 г. продолжит неуклонно снижаться. В 2022 г. это отклонение планируется устранить полностью, сведя тем самым воздействие предельных расходов правительства как проинфляционного фактора на выпуск и инфляцию в российской экономике практически к нулю.

В период пандемии в России стали активно формироваться собственные экосистемы (на базе финтех-компаний и крупных банков), определяющие новые правила организации и ведения бизнеса в реальной экономике. Этот процесс преимущественно идет на базе системно значимых коммерческих банков (Сбербанк, ВТБ и Тинькофф Банка), вбирающих в себя различные направления экономической деятельности и создающих платформенные бизнес-модели на основе собственной пользовательской аудитории и цифровых каналов взаимодействия с клиентами. Причем развитие этих кросс-секторальных экосистем укладывается в общемировой тренд [1, р. 27; 2; 3; 4] и является частью острой конкуренции как банков между собой, так и банков с крупными технологическими компаниями (ИТС), пытающимися выйти на рынок банковских услуг [5; 6].

² Нейтральная ДКП не в состоянии оказывать ни сдерживающего, ни стимулирующего влияния на спрос и экономику. Это значит, что экономика всегда будет пребывать в состоянии долгосрочного равновесия, при котором инфляция и инфляционные ожидания находятся вблизи цели, безработица сохраняется на своем «естественном» уровне, а выпуск – на уровне, близком к потенциалу. Но при этом о текущей направленности ДКП Банк России всегда рассуждает, исходя из краткосрочной нейтральной ставки.

Начиная с октября 2020 г. Банк России стал активно готовить концепцию цифрового рубля, а в апреле-июне 2021 г. она была обсуждена с представителями бизнеса и науки на различных площадках экспертного сообщества³. В ходе обсуждения была выбрана децентрализованная двухуровневая розничная модель D, разработана платформа цифрового рубля, начало тестирования которой запланировано регулятором на I квартал 2022 г. Далее, на конец 2022 г. Банком России намечена подготовка дорожной карты целевой платформы цифрового рубля и возможная корректировка компонентов трансмиссионного механизма ДКП и политики финансовой стабильности.

Ниже нами будет дана экспертная оценка проекта «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов»; рассмотрены базовая основа проекта и его новизна; выделены основные положения ряда документов Банка России; проанализированы кредитная активность банковского сектора, эффективность кредитного и депозитного каналов трансмиссионного механизма, динамика разрыва между депозитами и кредитами в российских банках; а также высказаны некоторые замечания к проекту с позиций развития в России банковских экосистем и введения в обращение цифрового рубля.

Базовая основа Проекта

Проект Банка России «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов» [12] (далее – Проект) показал, что Банк России по-прежнему (начиная с ноября 2014 г.) сохраняет приверженность выбранному режиму таргетирования инфляции (ТИ). При данном режиме основной целью ДКП Банка России является ценовая стабильность, связанная с поддержанием годовой инфляции вблизи 4%. Для оперативной оценки текущей ценовой динамики Банк России использует, как правило, данные о месячном приросте цен, очищенные от сезонности.

Банк России в рамках режима ТИ придерживается свободно плавающего обменного курса рубля, который, действуя как «встроенный стабилизатор», позволяет регулятору проводить самостоятельную ДКП, снижать ее зависимость от влияния внешних факторов, в частности, от притоков и/или оттоков частного спекулятивного капитала. В то же время Банк России может проводить операции с иностранной валютой

на внутреннем рынке по поручению Минфина России с целью выполнения фискальных условий бюджетного правила, а также противодействия факторам, негативно влияющим на финансовую стабильность.

В условиях режима ТИ основным инструментом ДКП Банка России выступает ключевая ставка, которая воздействует на динамику процентных ставок в реальной экономике через ставки овернайт (RUONIA) межбанковского рынка. Решения по ключевой ставке Банк России принимает на основе устойчивых тенденций в экономике и динамики факторов длительного действия, учитываемых в макроэкономическом прогнозе регулятора⁴. В то же время влияние ключевой ставки на динамику процентных ставок на финансовом рынке и цен в реальной экономике в полной мере, по оценкам Банка России, происходит не сразу, а в течение примерно трех-шести кварталов.

Стремясь поддерживать ценовую стабильность, Банк России оказывает лишь косвенное влияние на динамику внутреннего спроса. Это значит, что мерами ДКП Банк России не может ни повысить производительность факторов производства, ни обеспечить организацию нового производства и внедрение новых технологий. Все, что может сделать Банк России, – это поддержать рост экономики (ВВП) вблизи потенциально возможного уровня, в рамках которого уже четко зафиксирована динамика таких факторов производства, как накопление капитала, рост производительности труда, изменение численности трудовых ресурсов и внедрение новых технологий.

Банк России в своей деятельности четко придерживается принципа разделения целей и инструментов между ДКП и политикой финансовой стабильности. При этом политика финансовой стабильности обеспечивается за счет сочетания мер, механизмов и инструментов двух относительно самостоятельных, но связанных между собой политик: политики микропруденциального регулирования, действующей в сфере надзора за деятельностью банков и финансовых организаций, а также мероприятий по их финансовому оздоровлению, и макропруденциальной политики, которая поддерживает стабильность финансовой системы в целом и нацелена на предотвращение накопления избыточных рисков в отдельных ее сегментах.

Для решения задачи устойчивого развития производственного потенциала российской экономики в условиях преобладания в ней проинфляционных факторов, по мнению Банка России, необходимы иные меры. Эти меры не должны противоречить стратегическим

³ Например, обсуждения вопросов дизайна, моделей и платформ цифровых валют центральных банков дано в работах Андрюшина С. [7], Корищенко К. [8], Михайлишина А. [9], а также во время дискуссий, состоявшихся в рамках постоянно действующего семинара «Цифровые финансы» ИЭ РАН [10; 11].

⁴ В 2021 г. Банк России впервые в своей практике выпустил материалы о модельном аппарате Банка России, начал публиковать прогнозную траекторию ключевой ставки, результаты опроса ведущих российских и зарубежных аналитиков о ключевых макроэкономических показателях.

целям ДКП и политике финансовой стабильности регулятора. С другой стороны, они обязательно должны быть связаны с целями модернизации российской экономики и развитием человеческого капитала (повышением его качества), а также с инновационной структурной политикой, неинфляционными способами финансирования бюджетного дефицита и необходимыми инфраструктурными преобразованиями. Именно эти меры, в случае их эффективной реализации, могут обеспечить увеличение потенциальных темпов экономического роста.

Новое в Проекте

В группу факторов среднесрочного характера Банком России были включены те, которые могут оказать непосредственное влияние на российскую экономику в долгосрочном периоде. Это – климатические изменения и демографические тренды. Учет этой новой группы факторов в анализе и прогнозировании экономического развития страны с позиций реализации целей ДКП и политики финансовой стабильности Банка России становится все более актуальным.

Серьезные экологические проблемы и сложная ситуация с климатом может заставить многие центральные банки дополнить арсенал своих монетарных и пруденциальных инструментов набором мер климатической политики, способных осуществить более мягкий переход к «зеленой» экономике. Поэтому не случайно Банк России в своем Проекте стал рассматривать вопрос возможного влияния климатической повестки на условия реализации ДКП, обозначив для себя круг вопросов для дальнейшего исследования этой проблематики.

Демографические изменения, по мнению Банка России, также могут оказать серьезное негативное влияние на реальную экономику в долгосрочной перспективе, в том числе с учетом влияния пандемии и сопровождающих ее локдаунов. В частности, снижение численности рабочей силы и старение населения, выход на пенсию в более старшем возрасте, негативная динамика миграционного прироста могут сильно повлиять на инфляцию, проинфляционные факторы, инфляционные ожидания, на потенциал роста российской экономики и работу всех каналов трансмиссионного механизма ДКП.

В Проекте появился новый макроэкономический сценарий «финансовый кризис». Он возник вместо «рискового сценария», представленного в рамках прошлых проектов Банка России. Сценарий «финансовый кризис» непосредственно связан со стремительным ростом в период пандемии глобального совокупного долга со слабыми показателями финансовой устойчивости должников: накоплением государственного долга, долга местных органов власти (муниципалитетов) и корпоративного долга нефинансовых организаций. И если эти тен-

денции сохранятся и в 2022 г., а наблюдаемые на финансовых рынках процессы будут связаны с «пузырями», то, по мнению Банка России, в I квартале 2023 г. в мировой экономике может начаться масштабный финансовый кризис, сопоставимый с кризисом 2008–2009 гг., с периодом сильной волатильности, макроэкономической неопределенности и длительным восстановлением [12, с. 40].

В настоящее время на российском финансовом рынке складываются четыре тенденции, которые могут привести к заметной корректировке функционирования каналов трансмиссионного механизма ДКП. К ним следует отнести:

- массовый приток частных инвесторов на рынок капитала (это проявляется в устойчивом увеличении количества открытых брокерских счетов и счетов в доверительном управлении при сопутствующем расширении вложений в ценные бумаги);
- рост рынка облигационных займов;
- запуск цифрового рубля;
- дальнейшее развитие Системы быстрых платежей (СБП).

Так, с ростом вложений населения в ценные бумаги, по мнению Банка России, будет постепенно увеличиваться роль двух каналов трансмиссионного механизма: канала благосостояния и балансового канала, функционирование которых может способствовать росту чувствительности процентных ставок на финансовом рынке, что, скорее всего, приведет к повышению эффективности трансмиссионного механизма ДКП.

Банк России считает, что при введении в обращение цифрового рубля, по мере его распространения, влияние этой цифровой валюты, эмитируемой Банком России, на ДКП будет небольшим и растянутым во времени. Скорее всего, на первых порах введение цифрового рубля может привести к некоторому росту стоимости фондирования для банков, снизив эффективность трансмиссионного механизма ДКП. Однако в долгосрочной перспективе эффективность передачи сигнала ДКП в экономику за счет использования в обращении цифрового рубля может, по оценкам Банка России, повыситься в результате роста доступности и большего охвата финансовыми услугами значительных групп населения и бизнеса.

Дополнения к Проекту

Проект целесообразно дополнить следующими консультативными докладами: «Основные направления развития технологий SUPTECH и REGTECH на период 2021–2023 годов» [13], «Экосистемы: подходы к регулированию» [14], «Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в имобилизованные активы» [15], «Совмещение видов деятельности на финансовом рынке» [16], «Основные направле-

ния развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов» [17], «Концепция цифрового рубля» [18]. Это может привести к пересмотру целевых компонентов ДКП и инструментария политики финансовой стабильности, сбалансированного и устойчивого экономического роста, роста производительности труда и капитала, в том числе в результате применения более эффективных форм организации труда и внедрения новых цифровых технологий.

Так, например, доклад «Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы», посвященный особенностям развития российского рынка экосистем, констатирует, что, используя в банковском регулировании гибкий подход, можно уравнивать требования для банков с разными стратегиями накопления иммобилизованных активов и снизить риск регуляторного арбитража, а также сократить нежелательные последствия экспансии банков в другие сферы бизнеса, обеспечить поддержание справедливой конкуренции и финансовой стабильности в целом.

Авторы настоящей статьи с этим утверждением не согласны. Международный опыт свидетельствует, что крупные банки, объединяющие бизнесы из разных и часто не связанных между собой отраслей и территорий, порой провоцируют рост и без того высокой доли иммобилизованных активов, не имеющих требований по возвратности, и ограниченно ликвидных активов банков. Но такое вхождение банков в смежные сферы экономики может привести к реализации рисков для кредиторов и вкладчиков, в том числе к росту кросс-секторальных рисков в результате резкого снижения собственного капитала банка и чистой прибыли в банковских экосистемах [19].

Регулирование банковских экосистем должно, по мнению авторов, осуществляться так же, как и регулирование бизнес-групп, базовым элементом которых является крупный банк. В частности, для японских бизнес-групп (keiretsu) в начале XXI в. был введен лимит на инвестиции в акции компаний – не более объема собственного капитала [20; 21], удерживающий их от чрезмерных инвестиций в компании своей группы. Схожая ситуация имела место и в Южной Корее, когда бизнес-группы (chaebol) также были ограничены в своих вложениях в компании группы. В противном случае чрезмерные заимствования, огромные инвестиции и избыточные мощности со стороны фирм группы могут стать причиной финансового кризиса, как это было, например, в 1997 г. в Южной Корее [22, р. 4; 23, р. 272].

Другой доклад Банка России «Концепция цифрового рубля» содержит описание целевой модели цифрового рубля, анализ влияния цифрового рубля на ДКП и финансовую стабильность, а также описание процедур регулирования цифрового рубля и этапы реализации прототипа платформы цифрового рубля в среднесрочной перспективе.

И хотя при доступе к платформе цифрового рубля со стороны Банка России планируется осуществлять очень строгую двустороннюю аутентификацию прямых участников и пользователей платформы с использованием системы криптографической защиты информации, анонсируемой ФСБ России, это не избавляет платежную систему страны от серьезных рисков информационной безопасности, в частности:

- от возможности доступа к одному кошельку пользователей через программные интерфейсы различных кредитных организаций, обладающих разным уровнем системы кибербезопасности;
- от мошеннических операций, развитие которых обусловлено отсутствием непосредственного контроля за офлайн-платежами;
- от появления новых видов вредоносных программных продуктов, генерируемых современными технологиями, и распространением в сети хакерских атак.

Таким образом, Банк России, выступая оператором платформы цифрового рубля и одновременно его эмитентом, вынужден будет внести существенную коррекцию в целевые компоненты ДКП, так как введение в оборот цифрового рубля приведет как к росту процентных ставок на межбанковском рынке и по кредитам в реальной экономике, так и к более стремительной концентрации депозитов и кредитов банковского сектора страны в системно значимых банках. Об этом свидетельствует проведенный нами анализ динамики кредитной активности российских банков, кредитного и депозитного каналов трансмиссионного механизма ДКП Банка России за 2019–2021 гг.

Рост расходов коммерческих банков по обслуживанию эмитированных долгосрочных инструментов и привлеченных депозитов может привести к росту процентных ставок по межбанковским кредитам и кредитам в реальной экономике. Удорожание банковского фондирования вынудит некоторых заемщиков искать источники кредитования в небанковском финансовом секторе за счет продажи ему своих облигаций. Но данный сектор может оказаться не в состоянии увеличить объемы запрашиваемого фондирования, необходимого этим заемщикам. И основная причина в том, что небанковские поставщики фондирования в условиях цифровой трансформации бизнес-процессов, в большей степени будут сосредоточены на своих платежах (новых платежных инструментах), чем на приобретении долговых обязательств банков и/или корпоративных заемщиков.

Кредитная активность банков

Кредитная активность российских банков, согласно нашим расчетам (см. табл. 1), на протяжении последних семи лет была отрицательной. Исключением стал только один 2020 г., когда кредитная

активность составила плюс 6,2 п. п. Кредитная активность в этом году была достигнута за счет реализации антикризисных мер правительства РФ и мягкой ДКП Банка России, что позволило российским банкам провести реструктуризацию корпоративных кредитов и оказать финансовую поддержку населению и предприятиям МСБ на сумму в 7,6 трлн руб. При этом значительная доля этих мер (до 70%) приходилась на государственные корпорации, которые обслуживаются в ведущих системно значимых коммерческих банках (топ-5⁵) страны [24]. В 2021 г., после сворачивания в экономике антикризисных мер и перехода Банка России к жесткой ДКП, кредитная активность российских банков вновь стала отрицательной (за 8 месяцев она составила минус 3,5 п. п.). Это свидетельствует о том, что российские банки вновь перестали наращивать физические объемы кредитования в российской экономике.

Таблица 1

Динамика кредитной активности банковского сектора РФ, 2019–2021 гг., млрд руб.

Показатели	01.01.2019 г.	01.01.2020 г.	01.01.2021 г.	01.09.2021 г.
Кредиты организациям нефинансового сектора	37 398,3	38 137,4	43 483,9	46 413,5
Кредиты домашним хозяйствам	14 734,2	17 294,3	19 581,2	22 134,2
Кредиты организациям нефинансового сектора и домашним хозяйствам	52 132,5	55 431,7	63 065,1	68 547,7
Прирост кредитования, ΔКрП	6 449,9	3 299,2	7 633,4	5 482,6
ВВП в текущих ценах, ВВП т. ц.	103 861,7	109 241,5	106 967,5	116 172,9*
(ΔКрП / ВВП т. ц.) × 100, %	6,2	3,0	7,1	4,7
Дефлятор ВВП, Дпр., %	10	3,1	0,9	8,2*
Кредитная активность банков (ΔКрП / ВВП т. ц. – Дпр.), п. п.	–3,8	–0,1	6,2	–3,5

*Данные по ВВП и дефлятору ВВП в годовом выражении рассчитаны по данным Росстата на 1 июля 2021 г.

Источники: рассчитано авторами по: Рейтинги банков // Banki.ru. Режим доступа: https://www.banki.ru/banks/ratings/?source=submenu_banksratings (дата обращения: 07.10.2021); Национальные счета // ФСГС России URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения: 07.10.2021).

Кредитный канал

Кредитный канал трансмиссионного механизма ДКП Банка России в 2020–2021 гг. работал крайне неэффективно. Так, за 8 месяцев 2021 г. на кредиты, выданные топ-5 банками организациям нефинансового сектора, приходилось 67,1%, а домашним хозяйствам – 68,2% всех кредитов банковского сектора. На все остальные 363 кредитные организации приходилось 32,9 и 31,8% выданных кредитов, соответственно. При этом лидерами кредитования являлись Сбербанк и ВТБ. На их долю приходилось соответственно 32,8 и 16,9% всех кредитов, выданных организациям нефинансового сектора, и 42,7 и 17,1% – потребителям кредитов, выданных домашним хозяйствам (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика банковского кредитования в РФ, 2019–2021 гг.

Банки	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.09.2021
Кредиты организациям нефинансового сектора				
Банковский сектор РФ – всего, трлн руб.	37,4	38,1	43,5	46,4
Топ-5 (госбанки), трлн руб.	24,8	25,9	29,8	31,1
Сбербанк, трлн руб.	12,2	12,3	14,4	15,2
ВТБ, трлн руб.	6,8	7,2	7,8	7,8
Тинькофф, трлн руб.	0,03	0,02	0,03	0,04
Доля Топ-5, %	66,3	67,9	68,6	67,1
Доля Сбербанк, %	32,7	32,2	33,2	32,8
Доля ВТБ, %	18,2	18,8	17,8	16,9
Доля Тинькофф, %	0,12	0,07	0,10	0,13
Потребительские кредиты домашним хозяйствам				
Банковский сектор РФ – всего, трлн руб.	14,7	17,3	19,6	22,1
Топ-5 (госбанки), трлн руб.	9,7	11,4	13,3	15,1
Сбербанк, трлн руб.	6,1	7,2	8,4	9,5
ВТБ, трлн руб.	2,6	2,9	3,2	3,8
Тинькофф, трлн руб.	0,21	0,36	0,40	0,50
Доля Топ-5, %	65,8	66,1	67,9	68,2
Доля Сбербанк, %	41,5	41,6	43,0	42,7
Доля ВТБ, %	17,3	16,7	16,4	17,1
Доля Тинькофф, %	2,19	3,16	3,03	3,34

Источник: рассчитано авторами по: Рейтинги банков // Banki.ru. https://www.banki.ru/banks/ratings/?source=submenu_banksratings (дата обращения: 07.10.2021).

⁵ Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, РСХБ и Банк «ФК Открытие».

Депозитный канал

В 2020–2021 гг. депозитный канал трансмиссионного механизма ДКП работал также неэффективно. Так, за 8 месяцев 2021 г. на депозиты, привлеченные российскими банками топ-5 от организаций нефинансового сектора, приходилось 64,6%, а от домашних хозяйств – 71,2% всех депозитов, привлеченных банковским сектором. На все остальные 363 кредитные организации приходилось 35,4 и 28,8% соответственно. При этом лидерами на депозитном рынке являлись также Сбербанк и ВТБ – на их долю приходилось соответственно 25,2 и 21,9% депозитов организаций нефинансового сектора и 45,4, и 14,7% – вкладов домашних хозяйств (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика привлеченных в банковский сектор РФ депозитов (вкладов), 2019–2021 гг.

Банки	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.09.2021
Депозиты организаций нефинансового сектора				
Банковский сектор РФ – всего, трлн руб.	26,9	27,0	32,2	42,2
Топ-5 (госбанки), трлн руб.	16,2	16,0	18,9	27,3
Сбербанк, трлн руб.	7,0	6,4	7,6	10,6
ВТБ, трлн руб.	4,9	4,8	5,5	9,3
Тинькофф, трлн руб.	0,06	0,08	0,11	0,13
Доля Топ-5, %	60,3	59,2	58,7	64,6
Доля Сбербанка, %	25,8	23,6	23,5	25,2
Доля ВТБ, %	18,2	17,8	17,2	21,9
Доля Тинькофф, %	0,38	0,52	0,56	0,48
Вклады домашних хозяйств				
Банковский сектор РФ – всего, трлн руб.	27,1	29,1	30,9	32,1
Топ-5 (госбанки), трлн руб.	18,1	20,1	21,9	22,8
Сбербанк, трлн руб.	12,2	12,8	14,0	14,6
ВТБ, трлн руб.	3,6	4,2	4,4	4,7
Тинькофф, трлн руб.	0,21	0,31	0,42	0,53
Доля Топ-5, %	66,8	69,3	70,9	71,2
Доля Сбербанка, %	45,0	43,9	45,3	45,4
Доля ВТБ, %	13,3	14,4	14,4	14,7
Доля Тинькофф, %	1,18	1,54	1,90	2,34

Источник: рассчитано авторами по: Рейтинги банков // Banki.ru https://www.banki.ru/banks/ratings/?source=submenu_banksratings (дата обращения: 07.10.2021).

Разрыв между депозитами и кредитами в российских банках

Динамика разницы между привлеченными депозитами и выданными кредитами во всех кредитных организациях показывает, что основными поставщиками денежных средств в банковский сектор в 2020–2021 гг. являлись региональные банки. Они привлекли на свои счета средств на 1,9 трлн руб. (на 01.01.2020 г.) и 2,3 трлн руб. (на 01.01.2021 г.) больше, чем сумма выданных ими кредитов. Но ситуация резко поменялась в 2021 г. За 8 месяцев 2021 г. банки топ-5 привлекли больше депозитов, чем выдали кредитов: для банков топ-5 – это 3,9 трлн руб., а для всех остальных 363 банков – в два раза меньше, 1,9 трлн руб. Особенно преуспел ВТБ – он привлек на свои счета больше депозитов, чем выдал кредитов, примерно на 2,4 трлн руб., а это больше разницы между депозитами и кредитами, приходящейся на все региональные банки страны вместе взятые (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика разницы между депозитами и кредитами, 2018–2021 гг.

	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.09.2021
Банковский сектор РФ всего, трлн руб.	3,7	1,9	0,6	0,0	5,8
Топ-5 (госбанки), трлн руб.	0,9	–0,2	–1,2	–2,3	3,9
Сбербанк, трлн руб.	1,3	0,8	–0,4	–1,2	0,5
ВТБ, трлн руб.	–0,1	–0,9	–1,0	–1,0	2,4
Тинькофф, трлн руб.	0,02	0,03	0,01	0,09	0,13

Источник: рассчитано авторами по: Рейтинги банков. Banki.ru. https://www.banki.ru/banks/ratings/?source=submenu_banksratings (дата обращения: 07.10.2021).

Замечания к Проекту

Авторы статьи считают, что ужесточение Банком России ДКП во второй половине 2021 г. (с целью снижения спроса, чтобы вернуть экономику на траекторию сбалансированного роста, а инфляцию – к цели) не позволит регулятору в среднесрочной перспективе закорить инфляционные ожидания, так как поведение российского населения и бизнеса очень чувствительно к действию краткосрочных проинфляционных факторов. Это означает, что Банк России в условиях роста инфляционных ожиданий не сможет в 2023 г. обеспечить достижение ключевой ставкой нейтрального диапазона в 5–6% годовых. И причин этому несколько.

Во-первых, текущее быстрое восстановление мировой экономики будет сопровождаться существенным ростом инфляции. Так, значения годовой инфляции (по данным на сентябрь 2021 г.) в большинстве развитых стран (в Великобритании – 3,2%, Германии – 4,1%, США – 5,3%) и в странах с формирующимися рынками (Индии – 4,4%, ЮАР – 4,9%, Мексике – 6,0%, Бразилии – 10,3%, Турции – 19,6%) близки к своим максимальным уровням с 2006 г., но этот рост цен будет продолжаться и дальше. Говоря иначе, устойчивый рост внутреннего спроса будет и дальше опережать возможности реальной экономики по самому широкому кругу предлагаемых товаров и видов деятельности. Это будет способствовать тому, что российский бизнес станет активно переносить в цены возросшие издержки, в том числе связанные с ростом на мировых товарных рынках. Поэтому годовая инфляция в РФ будет неуклонно расти. Так, например, на 25 октября 2021 г. она против целевого индикатора (4%) увеличилась почти в два раза – до 7,97% (после 6,46% в июле, 6,68% в августе, и 7,4% в сентябре).

Во-вторых, в конце 2022 г. развитые страны планируют перейти к ужесточению своей ДКП, а значит к повышению своих ключевых процентных ставок (и прежде всего в США и странах ЕС). Это может стать дополнительным фактором роста волатильности цен и курсов валют на мировых финансовых рынках. В результате для российской экономики вырастут риск-премии, усилится отток частного капитала, снизится обменный курс рубля, повысятся цены и инфляционные ожидания, страна столкнется с проблемами в обслуживании государственной и корпоративной задолженности (в первую очередь со стороны государственных корпораций).

В-третьих, меры по декарбонизации российской экономики с целью ее ускоренного перехода к стратегии устойчивого развития и учета ESG-рисков в издержках российского бизнеса приведут к росту цен как на сырьевые товары [25], относительно которых используются фискальные меры (в силу необходимости учета в ценах налога на выбросы вредных веществ), так и к повышению цен на альтернативные «зеленые» товары и ресурсы (в силу повышения спроса). Это будет еще одним дополнительным фактором дальнейшего роста инфляции и инфляционных ожиданий населения и бизнеса в российской экономике⁶.

В-четвертых, демографические факторы, связанные со снижением численности рабочей силы⁷ и старением населения, выходом на пенсию в более старшем возрасте, негативной динамикой миграционного прироста и влиянием избыточной смертности из-за COVID-19 и других

заболеваний⁸, способны стать, с одной стороны, еще одним фактором роста инфляции и инфляционных ожиданий, а с другой – фактором низких темпов роста российской экономики, накопления основного капитала, производительности труда и внедрения новых технологий.

В результате действия всех перечисленных выше факторов Банк России вынужден будет в 2022 г. вновь обратиться к мягкой ДКП, а правительство – к дополнительным бюджетным расходам в экономике. В дальнейшем (примерно в середине 2022 г.) неутешительная оценка роста инфляционных рисков в экономике заставит Банк России вновь вернуть ДКП в рамки консервативного подхода. Инфляционные ожидания населения и бизнеса на протяжении всего прогнозного периода продолжат оставаться чувствительными к действию краткосрочных проинфляционных факторов, а это будет сдерживать использование средств ФНБ свыше 7% ВВП в проекты российской экономики.

Выводы

По оценкам авторов данной статьи, российская экономика на протяжении всего периода 2022–2024 гг., скорее всего, будет функционировать преимущественно в рамках параметров двух сценариев – «Глобальная инфляция» и отчасти сценария «Финансовый кризис». Именно эти сценарии связаны с повышенной инфляцией (выше цели), ростом структурного дефицита ликвидности, со снижением инвестиций в основной капитал, оттоком частного капитала, с падением реальных располагаемых доходов населения и высокой волатильностью обменного курса рубля. В этих условиях государству, населению и бизнесу потребуется больше времени, чтобы «подстроиться» под требования новой структуры декарбонизированной экономики, а Банку России – скорректировать целевые параметры ДКП и политики финансовой стабильности, отражающие переход российской экономики к новому равновесию на базе развития новых финансовых технологий, сетевых платформ и введения цифрового рубля.

Введение в оборот цифрового рубля, скорее всего, приведет к снижению объемов банковского кредитования и уровня ликвидности в российских банках. Это будет способствовать росту процентных ставок на межбанковском рынке и рынке кредитования в реальной экономике и вынудит некоторые банки искать дешевые источники фондирования в других сегментах финансового сектора (небанковском). Поэтому

⁶ См. исследование по рискам для ДКП, связанным с климатической повесткой [26].

⁷ В 2020 г. численность занятых в РФ снизилась на 1,3 млн человек – с 71,9 до 70,6 млн человек.

⁸ По данным д.э.н. Г.А. Явлинского, с мая 2020 г. по май 2021 г. дополнительная смертность в России выросла на 509 тыс. человек, или на 28,3%. При этом убыль населения в 2020 г. составила 596 тыс. человек, и это самое большое снижение численности населения в мире [27].

дефицит ликвидности в российских банках будет покрываться за счет приобретения небанковскими организациями долгосрочных обязательств банков, которые для эмитентов будут обходиться дороже, чем процент по привлекаемым ими депозитам. Но повышенный спрос на облигации со стороны других сегментов финансового сектора может снизить доходность банковских облигаций, что частично компенсирует рост общих затрат банков по привлечению фондирования на других сегментах финансового рынка.

«Политические решения» Правительства РФ в условиях реализации сценариев «глобальной инфляции» и «финансового кризиса» очень сильно ограничат монетарную самостоятельность и независимость Банка России. Более того, рост фискальных затрат в условиях волатильности совокупного спроса, купирования проинфляционных рисков и падения реальных доходов населения и бизнеса, по мнению авторов, не позволит осуществить запланированный возврат расходов федерального бюджета в 2023 г. в нейтральную область. Это значит, что Банк России не сможет выявить и объективно оценить действительно насущные структурные проблемы (внутренние и внешние), которые учитываются в макроэкономическом прогнозе с целью определения направленности ДКП в среднесрочной перспективе.

В Проекте Банк России отмечает, что ДКП воздействует на отклонения темпа роста экономики от потенциального, но сам расчет экономического потенциала Банк России нигде не дает. Так, например, в условиях пандемии коронавируса и купирования его последствий Банк России в первой половине 2020 г. принял ряд антикризисных мер, которые, по его мнению, привели к превышению потенциального ВВП. Отсюда, при оценке баланса инфляционных рисков на прогнозном горизонте, Банк России посчитал, что главная беда российской экономики – это проинфляционные риски. Поэтому для того чтобы их ограничить и стабилизировать инфляцию вблизи цели на прогнозном горизонте, необходимо повысить ключевую ставку относительно нейтрального уровня (тоже ненаблюдаемой величины) и начать проводить более жесткую ДКП (в марте-октябре 2021 г. Банк России повысил ключевую ставку на 3,25 п. п. – с 4,25 до 7,50% годовых).

Активную роль в формировании экосистем в России сейчас играют крупные системно значимые банки, которые в условиях появления цифровых платформ существенно меняют свои бизнес-модели и расширяют спектр предлагаемых потребителям услуг и сервисов, в том числе в дистанционном формате. Выходя в смежные сферы в реальном секторе экономики, эти крупные банки провоцируют рост и без того высокой доли иммобилизованных активов, не имеющих требований по возвратности, и ограниченно ликвидных активов банков. Но такое вхождение банков в смежные сферы экономики может привести

к реализации рисков для кредиторов и вкладчиков, а также к росту финансовой нестабильности в целом. В Проекте не дается никаких вариантов регулирования этих рисков (ни запретительных, ни связанных с адекватным покрытием этих рисков капиталом банка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Evans D.S., & Schmalensee R. Matchmakers: The new economics of multisided platforms: Harvard Business Review Press, 2016.
2. Kenney M., & Zysman J. The rise of the platform economy. Issues in science and technology, 2016, 32(3), 61.
3. Moazed A., Johnson N.L. Modern monopolies: what it takes to dominate the 21st century economy: St. Martin's Press, 2016.
4. Moss D.L. Update on Digital Technology: The Failure of Merger Enforcement and Need for Reform (March 3, 2021). Retrieved 28.09.2021, from <https://ssrn.com/abstract=3860360>.
5. Bilotta N., & Romano S. Tech Giants in Banking: The Implications of a New Market Power: JSTOR, 2019.
6. Cusumano M.A., Gawer A., Yoffie D.B. The business of platforms: Strategy in the age of digital competition, innovation, and power: Harper Business New York, 2019.
7. Андрушин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. 15(1). С. 5–27.
8. Корищенко К.Н. Вопросы эмиссии и обращения цифрового рубля // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. 15(2). С. 280–293.
9. Михайлишин А.Ю. Предпосылки появления и мировой опыт внедрения цифровых валют центральных банков // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. 15(2). С. 294–307.
10. Андрушин С.А. Обзор заседания постоянно действующего семинара Института экономики РАН «Цифровые финансы» // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. 15(1). С. 163–170.
11. Свиридов А.П. Предпосылки появления и особенности внедрения цифровых валют центральных банков: мировой опыт (обзор постоянно действующего семинара «Цифровые финансы» от 04.03.2021) // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. 15(2). С. 308–317.
12. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (Проект от 30.09.2021 г.). М.: Банк России, 2021.
13. Основные направления развития технологий SUPTECH и REGTECH на период 2021–2023 годов. М.: Банк России, 2021. https://cbr.ru/Content/Document/File/120709/SupTech_RegTech_2021-2023.pdf (дата обращения 26.10.2021).
14. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2021. Апрель. https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения 26.10.2021).
15. Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы. Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2021. Июнь. https://cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf (дата обращения 26.10.2021).

16. Совмещение видов деятельности на финансовом рынке. Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2021. Август. https://cbr.ru/Content/Document/File/124956/Consultation_Paper_24082021.pdf (дата обращения 26.10.2021).
17. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. М.: Банк России, 2021. https://cbr.ru/Content/Document/File/124677/presentation_20210728.pdf (дата обращения 26.10.2021).
18. Концепция цифрового рубля. М.: Банк России, 2021. Апрель. https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения 26.10.2021).
19. World FinTech Report 2020: FinTech Collaboration Is Even More Essential Now for Banks to Achieve Customer Centricity. Retrieved 08.10.2021, from <https://www.businesswire.com/news/home/20200420005963/en/World-FinTech-Report-2020-FinTech-Collaboration-Is-Even-More-Essential-Now-for-Banks-to-Achieve-Customer-Centricity> (дата обращения: 01.10.2021).
20. Act on Limitation on Shareholding by Banks and Other Financial Institutions. Act No. 131 of November 28, 2001. Retrieved 28.09.2021. <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?re=02&vm=02&ky=%E6%A0%AA%E5%BC%8F&page=117&id=3080&lvm=02>.
21. Banking Act and related Laws and Regulations. From <https://www.zenginkyo.or.jp/en/banks/banking-act/>.
22. Akarsu M. Z. Chaebol system. Uluslararası Afro-Avrasya Araştırmaları Dergisi. 2021. 6(12). P. 1–13.
23. Park S. R., & Yuhn K. H. Has the Korean chaebol model succeeded? Journal of Economic Studies. 2012. 39(2). P. 260–274.
24. Андрюшин С.А., Букина И.С., Свиридов А.П. Денежно-кредитная политика Банка России в условиях дефляционных рисков // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 117.
25. Liu & Mauzerall Global Gas Price Surge Threatens to Dent the Economic Recovery, 2020, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-04/global-gas-price-surge-threatens-to-dent-the-economic-recovery> (дата обращения: 08.10.2021).
26. Batten S., Sowerbutts R., & Tanaka M. Climate change: Macroeconomic impact and implications for monetary policy. Ecological, Societal, and Technological Risks and the Financial Sector. 2020. P. 13–38.
27. Явлинский Г.А. С чем Россия пришла к выборам? <https://www.yavlinsky.ru/article/s-chem-rossiya-prishla-k-vyboram> (дата обращения: 07.10.2021).

REFERENCES

1. Evans D.S., Schmalensee R. Matchmakers: The new economics of multisided platforms: Harvard Business Review Press, 2016.
2. Kenney M., & Zysman J. The rise of the platform economy. Issues in science and technology, 2016, 32(3), 61.
3. Moazed A., Johnson N.L. Modern monopolies: what it takes to dominate the 21st century economy: St. Martin's Press, 2016.
4. Moss D.L. Update on Digital Technology: The Failure of Merger Enforcement and Need for Reform (March 3, 2021). Retrieved 28.09.2021, from <https://ssrn.com/abstract=3860360>.

5. Bilotta N., Romano S. Tech Giants in Banking: The Implications of a New Market Power: JSTOR, 2019.
6. Cusumano M.A., Gawer A., Yoffie D.B. The business of platforms: Strategy in the age of digital competition, innovation, and power: Harper Business New York, 2019.
7. Andryushin S.A. Digital currency of the central bank as the third form of state money // Actual problems of economics and law. 2021.15 (1). S. 5–27. (In Russ.).
8. Korischenko K.N. Issues of issue and circulation of the digital ruble. // Actual problems of economics and law. 2021.15 (2). S. 280–293. (In Russ.).
9. Mikhailishin A.Yu. Preconditions for the emergence and world experience of introducing digital currencies of central banks // Actual problems of economics and law. 2021.15 (2). S. 294–307. (In Russ.).
10. Andryushin S.A. Review of the meeting of the permanent seminar of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences “Digital finance” // Actual problems of economics and law. 2021.15 (1). S. 163–170. (In Russ.).
11. Sviridov A.P. Prerequisites for the emergence and features of the implementation of digital currencies of central banks: world experience (review of the permanent seminar “Digital Finance” dated 03/04/2021) // Actual problems of economics and law. 2021.15 (2). S. 308–317. (In Russ.).
12. The main directions of the unified state monetary policy for 2022 and the period of 2023 and 2024 (Draft dated 30.09.2021). Moscow: Bank of Russia, 2021. (In Russ.).
13. Main directions of development of SUPTECH and REGTECH technologies for the period 2021–2023. Moscow: Bank of Russia, 2021. https://cbr.ru/Content/Document/File/120709/SupTech_RegTech_2021-2023.pdf. (Date of treatment 10/26/2021). (In Russ.).
14. Ecosystems: Approaches to Regulation. Public consultation report. Moscow: Bank of Russia, 2021. April. https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf. (Date of treatment 10/26/2021). (In Russ.).
15. Regulation of the risks of banks' participation in ecosystems and investments in immobilized assets. Public consultation report. Moscow: Bank of Russia, 2021. June. https://cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf. (Date of treatment 10/26/2021). (In Russ.).
16. Combination of activities in the financial market. Public consultation report. Moscow: Bank of Russia, 2021. August. https://cbr.ru/Content/Document/File/124956/Consultation_Paper_24082021.pdf. (Date of treatment 10/26/2021). (In Russ.).
17. The main directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2022 and the period of 2023 and 2024. Moscow: Bank of Russia, 2021. https://cbr.ru/Content/Document/File/124677/presentation_20210728.pdf. (Date of treatment 10/26/2021). (In Russ.).
18. The concept of the digital ruble. Moscow: Bank of Russia, 2021. April. https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf. (Date of treatment 10/26/2021). Andryushin S.A. Digital currency of the central bank as the third form of state money // Actual problems of economics and law. 2021.15 (1). S. 5–27. (In Russ.).
19. World FinTech Report 2020: FinTech Collaboration Is Even More Essential Now for Banks to Achieve Customer Centricity. Retrieved 08.10.2021, from <https://www.businesswire.com/news/home/20200420005963/en/World-FinTech-Report-2020-FinTech-Collaboration-Is-Even-More-Essential-Now-for-Banks-to-Achieve-Customer-Centricity> (дата обращения: 01.10.2021).

20. Act on Limitation on Shareholding by Banks and Other Financial Institutions. Act No. 131 of November 28, 2001. Retrieved 28.09.2021. <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?re=02&vm=02&ky=%E6%A0%AA%E5%BC%8F&page=117&id=3080&lvm=02>.
21. Banking Act and related Laws and Regulations. From <https://www.zenginkyo.or.jp/en/banks/banking-act>.
22. Akarsu M.Z. Chaebol system. Uluslararası Afro-Avrasya Araştırmaları Dergisi. 2021. 6(12). P. 1–13.
23. Park S. R., & Yuhn K. H. Has the Korean chaebol model succeeded? Journal of Economic Studies. 2012. 39(2). P. 260–274.
24. Andryushin S.A., Bukina I.S., Sviridov A.P. Monetary policy of the Bank of Russia in the context of deflationary risks // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 5. P. 117. (In Russ.).
25. Liu & Mauzerall Global Gas Price Surge Threatens to Dent the Economic Recovery, 2020. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-04/global-gas-price-surge-threatens-to-dent-the-economic-recovery> (дата обращения: 08.10.2021).
26. Batten S., Sowerbutts R., & Tanaka M. Climate change: Macroeconomic impact and implications for monetary policy. Ecological, Societal, and Technological Risks and the Financial Sector. 2020. P. 13–38.
27. Yavlinsky G.A. With what has Russia come to the elections? <https://www.yavlinsky.ru/article/s-chem-rossiya-prishla-k-vyboram> (date of treatment: 10/07/2021). (In Russ.).

ABOUT THE AUTHORS

Andryushin Sergey Anatolyevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Main Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
Sandr956@gmail.com

Grigoryev Ruslan Arkadievich – PhD in Economics (UK), Deputy Director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEMIL), Kazan, Russia
Ruslan.grigoryev@yandex.ru

Nikitina Svetlana Alexeevna – Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
s.veta.nikitina@yandex.ru

Sviridov Anton Pavlovich – Junior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

RUSSIAN CENTRAL BANK MONETARY POLICY UNDER CONDITIONS OF BANKS ECOSYSTEM TRANSFORMATION AND INTRODUCTION OF DIGITAL RUBLE

The article provides an expert assessment of the project "Monetary Policy Guidelines for 2022-2024" (as of 30.09.2021); The basic framework and novelty of the project have been defined; the main provisions of some documents of the Central Bank of Russia, requiring mandatory inclusion in this project were considered; the credit activity of the banking sector, the effectiveness of the credit and deposit channels of the transmission mechanism, as well as the dynamics of the gap between deposits and loans in Russian banks were analyzed; the comments on project from the point of view of the development of banking ecosystems in Russia and the introduction of digital ruble were made.

Keywords: Bank of Russia, banking sector, monetary policy, price stability, financial stability, financial technologies, fiscal policy, digital ruble.

JEL: E50, 52, 58.

Г.В. АФАНАСЬЕВ

магистрант кафедры экономики организаций
Уральского государственного экономического университета

Т.С. ОРЛОВА

доктор философских наук, профессор кафедры экономики организаций
Уральского государственного экономического университета

В.В. ЖУКОВИЧ

студент кафедры финансов, денежного обращения и кредита
Уральского государственного экономического университета

СОЗДАНИЕ МИРОВОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ВАЛЮТЫ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена исследованию проблемы денежного обращения и влиянию цифровых валют на мировую экономику и фиатные деньги. Одной из главных проблем дальнейшего развития процесса глобализации является отсутствие единой денежной валюты. В данной работе рассмотрены существующие на сегодняшний день главные цифровые валюты, изучена технологическая база каждой из них, выявлены преимущества, недостатки и возможности их применения как инструмента, взятого за основу в качестве мировой денежной валюты, а также развитие собственной цифровой валюты.

Ключевые слова: цифровые деньги, криптовалюта, децентрализация, bitcoin, фиатные деньги, денежное обращение, мировая валюта, глобализация.

JEL: F6, F3.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_166_185.

Введение

Трансформация и цифровизация мировой экономики, а также череда кризисов, глубоко затрагивающих финансовую сферу, определяют необходимость исследования дизайна, выпуска и обращения цифровых валют, способных в ближайшее время кардинально изменить механизмы функционирования суверенных денежно-кредитных систем. Восстановление и последующее динамичное развитие мировой экономики требуют переосмысления уже накопленного объ-

ема знаний и практического опыта в области обращения цифровых валют, а также создания необходимых условий для дальнейшего развития денежного обращения в современной экономике, исходя из принятых всеми странами международных требований (норм контроля и регулирования) обращения единой глобальной цифровой валюты.

В настоящее время чрезвычайную важность приобрело расширение научного мировоззрения, основанного на базе существующей модели денежного оборота.

Каждая страна заинтересована не только в сильной национальной экономике, но и в обеспечении устойчивых экономических и финансовых отношений с другими странами. Гарантом такого обеспечения, по мнению авторов, может стать создание единой денежной валюты, как одного из важнейших условий дальнейшего процесса глобализации. В новых формах «денежного сопровождения» нуждается и стремительно развивающаяся цифровая экономика.

Появление нового класса денег, т. е. «цифровых денег», внесло раскол в научное сообщество. Связано это с тем, что данное явление не сочетается с действующими стандартами в практике функционирования современного социума. Более того, оно отрицает методологические основы сложившихся теорий денег, таких как номиналистическая, марксистская, государственная, количественная теории денег. Безусловно, современные исследования в области электронных денег внесут необходимые коррективы в теорию стоимости, чтобы скорректировать в научном сообществе действующие стандарты в теории денег.

Система обмена на базе криптовалют требует научного обоснования сущности и роли денежного хозяйства, установления инструментов и разработки показателей эффективности их функционирования, определения рационального взаимодействия его элементов.

Сейчас в мире идет борьба за создание самого перспективного рынка – рынка «цифровых денег» [15]. В настоящее время – это рынок криптосистем обмена, который сможет проявить себя в полной степени только в будущем. В этой связи представляет интерес уже накопленный опыт использования криптовалют и обмен мнениями ученых разных стран по поводу дальнейшего развития данного рынка.

Обзор мнений ученых-экономистов по развитию рынка криптовалют

Основные теоретические положения по развитию рынка криптовалют содержатся в трудах таких отечественных и зарубежных авторов, как С.А. Андрюшин, С. Асмус, В.О. Грищенко, Д.А. Кочергин, Дж. Хосп, А.Ю. Букасова, М.П. Воронов, Д.Г. Галчин, В.В. Дорохов, В.М. Кульков, И.В. Лавров, Д.А. Леви, А.А. Максурова, Д.В. Микенин, О.Ю. Радько,

М.М. Пряников, Е.А. Руденко, S. Raval, M. Swan, D. Tapscott, A. Tapscott, P. Vigna, M.J. Casey, D. Yaga, P. Mell, N.M. Roby и другие.

Большинство исследователей считают, что современное общество стоит на пороге нового финансового цикла, а технологию блокчейн сравнивают с интернетом 2000-х годов. Однако в настоящий момент сложно предсказать будущее, хотя существующие технологии и позволяют создать децентрализованный вариант цифровой валюты.

Так, например, С.А. Андришин отмечает, что ни централизованная, ни децентрализованная кредитно-денежная система сами по себе не смогут обеспечить финансовую стабильность [1]. По мнению С. Асмус, биткойн, как альтернатива традиционным валютам, смог бы разрешить экономические проблемы, возникавшие в прошлом [2]. Исходя из множества представленных в научной литературе мнений, можно говорить о том, что точного прогноза по криптовалюте в настоящий момент не существует [1–28]. Авторы разделились на два лагеря: одни предсказывают рост популярности криптовалют в мире, а другие акцентируют внимание на недостатках цифровых технологий. Так, в докладе «Развитие технологии распределительного реестра», подготовленного Банком России в 2017 г., целая глава была посвящена рискам, связанным с безопасностью и масштабируемостью технологий блокчейн. Мы же придерживаемся мнения М. Свон, которая считает, что блокчейн – это многофункциональная и многоуровневая информационная технология, предназначенная для надежного учета различных активов, потенциал которой охватывает все без исключения сферы, в том числе финансы и экономику. Это новый образец для координации любого вида человеческой деятельности. Возможно, это наше будущее [7].

В целом появление криптовалют не вызвало серьезного теоретического осмысления учеными Запада, хотя в отдельных случаях мы можем видеть разные точки зрения по поводу возможности их широкого использования. Так, например, Р. Krugman и R. Shiller выразили резко отрицательное отношение к их появлению в связи с возникновением совершенно новых проблем, связанных с электронными деньгами [21]. Российские ученые и политические деятели в данном вопросе руководствуются существующими на сегодняшний день положениями, содержащимися в законодательной и хозяйственной практике большинства стран мира по использованию криптовалют [10; 19], а также касающихся будущего развития блокчейн-технологий.

Единственными сторонниками, признавшими технологию блокчейн и ее проект Bitcoin в качестве возможности для создания нового процесса денежного оборота, стали ученые Австрийской экономической школы, точнее, половина их. Вторая же половина не признала Bitcoin как новое явление, способное изменить действующие стандарты управления денежным оборотом во всем мире, ссылаясь на уже

имеющиеся аргументы научных экспертов других школ, и встала на сторону большинства западных ученых [2].

Ученые, которые считают правомерным существование нового рынка электронных денег, и, в частности, bitcoin(a), находятся в достаточно сложной ситуации. Это связано с тем, что их большая часть все-таки не смогла прийти к окончательному принятию новых технологий из-за наличия многих, еще не решенных проблем в сфере использования криптовалют, а также из-за отсутствия уверенности в их надежности. Это вызвало дополнительные критические высказывания в адрес меньшего числа своих коллег [12].

Некоторые экономисты, и особенно практики банковского дела, полагают, что отмена бумажных денег и переход к безналичным расчетам – это простой выход из ситуации, который решит проблемы, связанные с криптовалютой. Считается также, что быстрые платежи и дистанционное общение могут быть обеспечены при существующей организации банковского дела [1, 5, 8, 19].

Bitcoin сегодня известен в основном как финансовый актив (инструмент), как объект спекулятивных операций на рынке. Важно отметить, что у денег нет функции доходности или самовозрастания, которая есть у капитала. Статистика, денежные агрегаты не различают эти понятия. В настоящее время аналитикам сложно прогнозировать будущее bitcoin, поскольку данный аспект недостаточно изучен. Аналогия с бумом dot.com, когда была создана новая отрасль промышленности, т. е. товаров и услуг, не совсем подходит.

Уместный аналог для bitcoin – это бумажные деньги в начале их появления (известный опыт Джона Ло, «Стокгольмский банк» Юхана Пальмструка и т. д.), т. е. – это появление денежных знаков новой формы меновой стоимости, причем при отсутствии необходимой инфраструктуры, как технической, так и институциональной [15].

Bitcoin – лишь start up, лишь начало тренда, который в перспективе приведет к появлению цифровых денег. Кроме того, помимо технических проблем существуют также экономические и даже политэкономические проблемы. И очень серьезные.

Децентрализация

Слово «централизация» вошло в употребление во Франции в 1794 г., после Великой французской революции, когда лидеры Французской Директории создали новую правительственную структуру. Как известно, само слово «децентрализация» вошло в употребление в 1820-е годы.

В настоящий момент децентрализацией называется процесс или явление, которое подразумевает перераспределение или рассеивание

функций, а также сил или власти от центрального местоположения или органа управления.

Децентрализованная валюта не имеет единой структуры. Криптовалюты – отличный пример децентрализации. Они используют децентрализованный контроль в то время, как банковские системы и электронные деньги, напротив, являются централизованными. Децентрализованное управление большего числа криптовалют работает через блокчейн, который является публичной базой данных транзакций, функционирующей как распределенный реестр [19]. Bitcoin, появившийся в 2009 г., стал первой децентрализованной криптовалютой. В наше время существует великое множество криптовалют. Многие эксперты считают, что именно криптовалюта станет электронной монетой будущего, которой смогут пользоваться все страны и при этом не бояться политических междоусобиц, падения курса и проблем со страновыми ограничениями.

Рассмотрим преимущества и недостатки децентрализации на сегодняшний день.

Преимущества:

1. Уменьшение затрат на транзакции и нагрузки на платежные системы и банки, с последующим полным отсутствием необходимости в банковской системе;
2. Расширение возможностей трансграничных платежей;
3. Более низкая зависимость от обычных валют, что впоследствии приведет к снижению влияния санкций, вводимых другими странами;
4. Возможность проверки достоверности произведенных операций в любое время;
5. Открытость кода, позволяющая каждому желающему добывать виртуальные монеты [3];
6. Надежность. Взломать, подделать или осуществить другие подобные манипуляции с виртуальной валютой не выйдет – она надежно защищена;

Недостатки:

1. Отсутствие обеспечения;
2. Высокая волатильность;
3. Использование в противоправных целях;
4. Отсутствие возможности отозвать платеж;
5. Опасность потери. «Ключом» доступа к электронным деньгам является специальный пароль; если его потерять, то находящиеся в кошельке криптовалюты будут недоступны;
6. Недостаточная безопасность сохранности криптовалюты.

При всех перечисленных плюсах и решаемых минусах отдельное внимание необходимо уделить вопросу эмиссии: если рассматривать криптовалюту как способ мировой децентрализации, то возникает вопрос эмиссии и контроля инфляции и дефляции [16].

Первый вопрос решается настройкой протокола, который позволяет осуществлять процесс эмиссии в любое время, как Ethereum. Но вопрос инфляции и дефляции стоит намного острее и является более актуальным.

Международный опыт и перспективы регулирования цифровой денежной массы

На международном уровне регулирование количества валюты и золота, достаточного для обеспечения устойчивого платежного оборота между государствами, осуществляется на основе их платежного баланса. Состояние платежного баланса при наличии ненулевого сальдо предполагает проведение ряда мероприятий финансового характера, рекомендованных методиками МВФ, которые мы рассмотрим далее. Согласно теории, платежный баланс является сбалансированным в том случае, когда сумма сальдо счета текущих операций и сальдо счета движения капитала равна нулю [5, с. 375].

Современная мировая экономика, в силу действия ряда факторов (новые субъекты международных мирохозяйственных отношений, новое международное разделение труда, новые валюты и платежные системы, глобализация интернационализированного производства), является новой экономикой, и, по определению ряда авторов¹, функционирует преимущественно в качестве финансовой экономики, или финансомики. Наряду с такими явлениями финансомики, как геофинансы, международный аутсорсинг, офшоринг, глобальное сетевое предпринимательство, *набирает силу тенденция всесторонней цифровизации экономики, что подтверждает закон кортикализации денег*, сформулированный в самом начале XX столетия Г. Зиммелем. Этот закон вполне может составить теоретическую основу исследований применения и развития в современном международном платежном обороте криптовалют и киберплатежных систем.

Кортикализация (от лат. *cortex* – кора) – сосредоточение функций регулирования жизнедеятельности организма в коре головного мозга. В экономическом смысле, в котором употребляется этот термин в работах Г. Зиммеля и С. Московичи, – это дематериализация объективного мира, трансформация его в мир условных знаков и символов, среди которых деньги занимают совершенно особое место [6]. Цифровые технологии в денежно-кредитной сфере обусловили появление и укоренение в экономике виртуальных денег, а на их основе – криптовалюты с соответствующей системой и порядком платежного оборота и резервирования. На наш взгляд, *цифровизация, рассматрива-*

¹ Ю.М. Осипов, Е.Ф. Авдокушин, Е.Ф. Малова и др.

емая в широком смысле, вполне отвечает тенденции кортикализации денег и других средств платежа.

Состояние международной валютной системы капитализма в настоящее время трансформируется, что связано с постепенным разрушением Бреттон-Вудской системы, начавшимся в 1960-х–1970-х годах, и с созданием в конце 1970-х годов Ямайской конвенции. Основное внимание международных финансовых организаций и банковских структур (МВФ, Мировой банк, МБРИР и др.) с момента их возникновения в 1944 г. направлено на обеспечение стабильности валютных курсов государств с открытой экономикой, вкладчиков МВФ. Для целей обеспечения золотовалютными резервами платежного оборота стран – участниц международной экономики и международных финансово-экономических отношений существует внутреннее и внешнее регулирование платежного баланса. Внутреннее регулирование проводит ЦБ, внешнее – МВФ.

На данный момент наиболее популярна в использовании и применении классификация статей платежного баланса, которая была разработана Международным валютным фондом [1]. В своей основе данная методика выделяет два необходимых ключевых раздела платежного баланса – это счета текущих операций и счета движения капитала. Такое разделение обусловлено наличием в каждой сделке двух сторон, являющихся зеркальным отображением друг друга, – торговой и финансовой.

Счет текущих операций включает в себя:

1. Чистый экспорт товаров и услуг (NX).
2. Чистый доход из-за границы – разница между доходом из-за границы и выплатами доходов резидентам других стран.
3. Чистые односторонние трансферты – разница между односторонними трансфертами, получаемыми страной и предоставленными ею другим странам (односторонние трансферты – это выплаты из страны в страну, не связанные с продажей товаров и услуг).

При положительном балансе счета текущих операций проявляется его профицит, или положительное сальдо. И, напротив, при наличии дефицита по счету делается вывод о превышении расходов на импорт над доходами экономики от экспорта.

Данный дефицит может финансироваться:

- 1) зарубежными займами у правительств, банков, международных организаций;
- 2) вложением в экономику страны иностранного капитала в виде инвестиций, то есть путем продажи части активов иностранцам;
- 3) сокращением валютных резервов.

Все эти операции ведут к уменьшению чистых зарубежных активов (разница между зарубежными активами, владельцы которых – отече-

ственные резиденты, и национальными активами, владельцы которых – иностранцы), а также отражаются в счете движения капитала [10]. Баланс же данного счета определяется как разность между кредитом (здесь – величиной притока капитала) и дебетом (здесь – величиной оттока капитала). За счет экспорта в стране растут валютные резервы, с помощью которых покрываются расходы на импорт. МВФ определила доллар США мировой валютой. Американский платежный баланс после окончания Второй мировой войны практически всегда являлся дефицитным, что соответствовало планам ФРС США формировать на основе эмиссии доллара валютные резервы ЦБ других стран – субъектов мировой экономики.

В связи с общей неустойчивостью мирового экономического порядка, падением отдачи от его институтов и организаций, сложившихся на основе Бреттон-Вудской системы международных отношений, внимание предпринимателей, экономистов, финансистов, банкиров и политиков всего мира обращено на возможности криптовалютного регулирования платежных систем, инвестирования в резервы криптовалюты, в частности, в биткоин.

Одним из методов регулирования оборота электронной денежной массы является стейкинг – процесс, при котором средства на осуществления и поддержания всех операций на блокчейне хранятся в криптовалютном кошельке [4]. В сущности, стейкинг заключается в блокировке определенного количества криптовалюты для получения вознаграждений. Данная функция равносильна вкладу в обычном банке. Таким образом можно будет регулировать оборот на мировом уровне, меняя процент стейкинга.

Основные цифровые валюты

Мировой опыт применения инструментов денежной сферы продемонстрировал необходимость поиска такого набора инструментов, который мог бы применяться с одинаковой эффективностью при разнотной денежной политике и способствовать достижению ее целей.

В данном исследовании авторами были выбраны и рассмотрены такие криптовалюты, как BTC, Ethereum, Polkadot, Ripple, Cardano. По мнению авторов, именно их в дальнейшем можно принять за базу для протокола децентрализованной мировой валюты.

Биткоин (BTC) – это пиринговая платежная система, использующая для учета операций одноименную единицу. Для обеспечения полной безопасности и функционирования системы протокол использует криптографический метод, однако в то же время он имеет между адресами открытый доступ по всем транзакциям. Кроме того, чтобы удобней было совершать перевод небольших сумм, BTC разделен на

8 частей дробления, называемых «Сатоши», в честь создателя биткоина Сатоши Накамото [11].

Биткоин включает в себя электронный платеж между двумя сторонами, а также необратимые сделки без посредников. Сделки являются необратимыми, поскольку изначально в протоколе отсутствует механизм, отвечающий за отмену операций, например, когда транзакция была направлена на несуществующий или ошибочный адрес, либо когда платеж оказался подписан закрытым ключом, который впоследствии стал известен третьим лицам [2]. Дополнительным преимуществом системы является антиблокировка активов физических лиц, благодаря чему создается полная безопасность средств, предусмотренная технологией мультиподписи.

Кроме того, биткойн используется при обмене с продавцами на товары и услуги в том случае, если такой вид оплаты ими принимается. Для обмена же на обычные валюты можно воспользоваться онлайн платформами обмена цифровых валют [9]. Поскольку цена на биткойн никем не сдерживается и не регулируется, она зависит и меняется исключительно под влиянием потребительского спроса и предложения. При этом никто и ничто не обязывает людей принимать данные электронные деньги.

Плата за совершение сделки утверждается добровольно, поэтому необходимы дополнительные функции-подсказки со стороны программы для рекомендации стоимости комиссии с целью быстрой обработки транзакции. При этом можно совершить транзакцию и без уплаты какой-либо комиссии, и она также будет обработана программой. Однако такой тип транзакций не рекомендуется при срочности обработки сделки в связи с тем, что время обработки таких сделок неизвестно и не ограничивается часами [21].

Основное отличие цифровых валют, за которое они получили общественное признание, – это децентрализация, которая подразумевает отсутствие управляющего или контролирующего органа в структуре каждой платежной системы и монеты [22]. Сама программа оснащена базовой технологией, основанной на клиенте и осуществляющей платежные операции за счет них. Майнинг включает в себя множество функционирующих компьютеров, главная задача которых – поддержание и обеспечение связи внутри структуры программы. Протокол ограничивает доступ стороннего вмешательства со стороны правительственных организаций, а также запрещает изменение общего объема оборачиваемой денежной массы, при этом полное количество денег доступно и известно при выходе программы в общественные массы. Также, при необходимости, распланирован график эмиссии общего объема, если на рынок выходит доля от всей массы.

Эфириум, или Ethereum, создавалась как криптоплатформа для децентрализованных сервисов на базе блокчейна, которые обеспечивают умные смарт-контракты.

Изначально проект под названием Ethereum был спроектирован как дополнение к развитию и популяризации Bitcoin в сторонние проекты, и только после признания комьюнити и обнаружения большого числа недостатков биткоина, как считают создатели Ethereum, технология была перепроектирована в платежную систему [20]. Уже на старте работы к новому проекту пристально присматривались не только стартапы, но и крупные IT гиганты, такие как Microsoft, International Business Machines (IBM), российские банки ВТБ и Сбербанк, а также авиакомпания Lufthansa и международная благотворительная организация ЮНИСЕФ.

Эфириум, являясь электронной денежной монетой и платформой, работающей на базе умных контрактов, может использоваться в различных финансовых областях [18]. Ethereum могут использовать любые организации, нуждающиеся в защите от несанкционированного вмешательства.

Третьей рассмотренной монетой мы выбрали Polkadot. На фоне других существующих монет ее протокол можно назвать новшеством, так как ICO данного проекта было реализовано только в 2019 г. Протокол проекта Polkadot дает возможность новым и действующим проектам общаться и объединяться в систему для защиты, в то же время обеспечивает полную независимость друг от друга. Говоря простым языком, Polkadot создан для того, чтобы соединять блокчейны, а также создавать новые блокчейны внутри самой системы полкадот и, при желании, присоединяться к другим блокчейн-технологиям. Объединенная защита – доверие – свободная транзакционная способность внутри сети.

Миссия Polkadot – изменить существующую структуру интернета на Web 3.0. – полностью новую и децентрализованную сеть. Polkadot помогает соединять частные и публичные блокчейны и другие сети в экосистеме Web 3.0. Она делает возможным такой интернет, где блокчейны смогут обмениваться информацией и транзакциями без обязательств через Polkadot. Это действительно проект будущего – цифровой мир, интернет вещей и сетевая децентрализация.

Главной задачей Polkadot является создание безопасной системы транзакций, при условии добросовестности участников.

Ripple – система платежей, основанная на базе криптовалютной платформы, которая создавалась для операций обмена валют без возвратных платежей. Главной идеей разработчиков было создание открытой и независимой системы с базами данных, которые включают в себя содержание условий каждой совершенной сделки, обеспечи-

вая внутренний оборот внутри платформы. Также внутри технологии была создана собственная криптовалюта, именуемая XRP.

Система Ripple описывает протокол открытого типа, исходный код которого разрабатывался как проект создания инфраструктуры для финансовых институтов с целью межбанковских операций. В настоящее время протоколу для совершения сделки необходимо наличие двух обязательных участников: во-первых, финансовых институтов, предоставляющих услуги для потребителя, во-вторых, маркет-мейкеров, создающих популярность каждому цифровому активу.

Основа Ripple включает в себя общественную базу данных или несколько реестров данных, содержащих информацию о сделках, совершенных между участниками цепи по поводу продажи или покупки актива. Тем самым создается первый уникальный распределенный обмен, в котором можно производить следующие функции: платежи, обмен средствами, а также перевод любому участнику сети.

Внутреннее строение системы XRP позволяет пользователям осуществлять платежи между собой с помощью сделок, оформленных криптографическим путем, которые представлены в виде фиата, или использовать внутреннюю валюту системы Ripple (XRP). С целью сохранения информации о сделке технология Ripple включает в себя хранение информации во внутренних реестрах, где находятся записи о долговых суммах, предоставленных в качестве кредита. Первоначально технология обходилась возможностью записи сделки только в реестр. В процессе дальнейшего развития, Ripple получил возможность слияния и создания дополнительных функций. Однако в связи с этим появились сложности при совершении сделок, так как любой клиент XRP должен подтвердить свое доверие к каждому контрагенту технологии Ripple, указав при этом даты и суммы, которые он может перечислить.

Соответственно, внутри технологии XRP платеж может произойти между двумя участниками только при наличии доверия сторон друг к другу; также при этом можно использовать лимит суммы, устанавливаемый каждой из сторон. Так определяется оптимально возможный вариант свершения сделки без ущемления прав сторон. Каждое условие обрабатывается одновременно и атомарно. Таких результатов удалось добиться за счет надежной сети партнеров под название *rippling*.

В завершении обзора, для сравнения, предлагается рассмотреть последнюю монету – Cardano, основанную на уже известном протоколе POWS (Proof of Stake). Данная монета дает возможность каждому участнику выражать собственное мнение. В свою очередь, многие эксперты приравнивают Cardano к новому протоколу Ethereum Casper, но, по заявлению разработчиков, разница заключается в том, что

Cardano создана на основе протокола консенсуса, защита которого доказывается математическими методами.

Электронная валюта Cardano применяется с помощью собственного блокчейн протокола под названием Cardano Settlement Layer (CSL). CSL – это распределенный реестр историй сделок с целью сохранения информации операций с криптовалютными кошельками. Дополнительный, второй слой имеет название Cardano Computation Layer (CCL). Он обеспечивает поддержку смарт-контрактов и децентрализованные приложения, а создаваемая многоуровневая модель позволяет в дальнейшем облегчить процесс обновления протокола.

В традиционной финансовой системе скептически относятся к анонимным криптовалютам, так как финансовые регуляторы государственного типа не могут повлиять на монеты, не оставляющие следа, и регулировать их. Для решения данной проблемы система Cardano предусматривает метаданные, которые будут защищены криптографическим методом, что обеспечит возможность взаимодействия с внешними регуляторами и позволит в достаточной степени сохранить конфиденциальные данные пользователей.

На основании изученных материалов можно утверждать, что на сегодняшний день выделить какую-либо одну монету в качестве основы для создания децентрализованной валюты всего мира нельзя. Нам необходима сила Ethereum, в плане смарт-контрактов и возможности постоянной эмиссии, но при этом решить проблему масштабируемости. Часть из протокола Ripple можно применить для создания общей системы транзакций, но уже без финансовых учреждений и хедж-фондов. Также можно будет применить и протокол Polkadot, когда тот будет доработан и докажет возможности своих позиций в сфере смарт-контрактов для дальнейшего внедрения блокчейн-платформ.

Важно отметить, что набор инструментов для модернизации криптовалют и блокчейн-платформ будет зависеть от того, по какому сценарию будет развиваться макроэкономическая ситуация в мире.

Масштабируемость

На наш взгляд, не менее важным техническим вопросом для внедрения цифровой валюты в массы является масштабируемость, под которой понимается сохранение всей информации о каждой транзакции: чем больше количество транзакций, тем больше данных, а следовательно, тем труднее хранить весь объем информации в огромном масштабе, и, соответственно, – за это надо платить [13]. Пример: Эфириум имеет высокие платы за транзакцию из-за того, что смарт-контракты подразумевают большой объем информации при каждой

сделке. Так как монета является второй после Биткойна, ежедневный оборот на Эфириуме огромен. Но в настоящее время появляются новые умные протоколы, такие как Mina Protocol, которые решали (по их заявлениям) данную проблему с масштабируемостью.

Рассмотрим данные две монеты и технологию их протоколов.

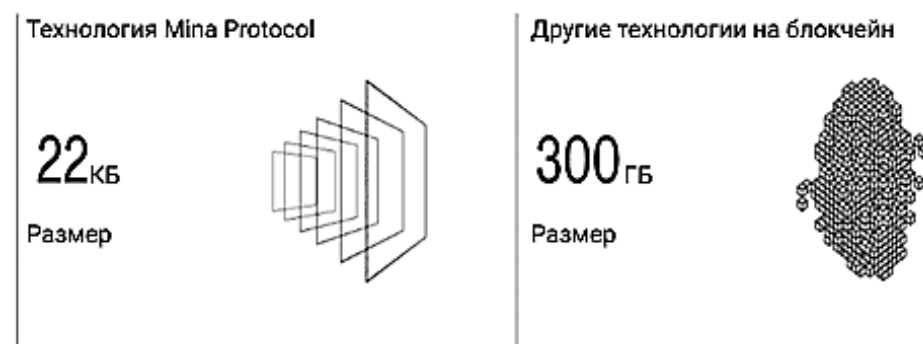

Рис. 1. Структура протокола Mina Blockchain и Ethereum

Источник: официальный сайт Mina Protocol. <https://minaprotocol.com/ru>.

Основным вариантом снижения масштабируемости является применение системы протокола Mina Blockchain см. Рис. 1. Данная система позволяет снизить затраты на хранение, используя новую схему хранения информации. При Эфириуме создаются новые блоки о совершении транзакций, что увеличивает общий объем информации. Mina позволяет накладывать блоки информации друг на друга и при необходимости находить в каждом из них информацию о всех совершенных транзакциях. Данный протокол был разработан в 2020–2021 гг., поэтому о его практическом применении сложно говорить в настоящее время. Однако если команде Mina удастся достичь практического разрешения проблемы с масштабируемостью, то данный протокол сразу станет популярен в сфере электронных денег.

Распределение цифровой массы и регулирующий его орган

Для удовлетворительного решения вопроса распределения электронной криптовалюты необходимо построить простейшую математическую или статистическую модель распределения (дележа) криптовалют. Прежде всего определим экономический механизм распределения (дележа). Децентрализованный способ должен иметь неоспоримое преимущество перед централизованными способами распределения. Наиболее известные централизованные способы распределения любого, включая денежное, имущества – это аукцион или торги [17].

Соответственно, децентрализованное распределение может представлять производство и распределение криптовалютных ресурсов по аналогии с глобальной естественной монополией, но вне границ и компетенций всех государств.

Допустим, что конкурентный экономический механизм распределения криптовалюты в решениях субъектов мировой экономики будет тесно связан с их транзакционными издержками по сделкам и операциям с цифровыми деньгами, имеющими следующий код:

$$\text{Цепочка} = b_1 * (B_1 - B_1^*)^2 + b_2 * (C_2 - C_2^*)^2 + \dots + b_n * (K_m - K_m^*)^2, \quad (1)$$

где: Цепочка – транзакционные издержки субъектов; $B_1, C_2, \dots, K_m$ – фактические значения показателей сделок и операций с криптовалютами; $B_1^*, C_2^*, \dots, K_m^*$ – ожидаемые, желательные их значения; b_1, b_2, b_n – веса указанных показателей, которые определяются субъективно [7].

Снижение транзакционных издержек производится субъектами путем сглаживания и согласования ожидаемых и фактических значений на основе своего опыта, проб и ошибок.

Отсюда и виден новый мировой экономический порядок в плане коренного преобразования организаций и институтов глобальной цифровой экономики: государства, в лице своих органов управления, строят новые отношения по новым правилам и нормам контроля и регулирования, получая новую глобальную монополию (цифровой империи криптовалют) на основе полного их равенства перед глобальным крипто аукционистом.

Соответственно, децентрализованное распределение может представлять в пределе либо бесконечное множество государственных центров производства и аукционной реализации криптовалюты, что и будет децентрализацией ее распределения, либо производство и распределение криптовалютных ресурсов по аналогии с глобальной естественной монополией, но вне границ и компетенций всех государств. Любой такой вариант не противоречит рыночной конкуренции.

На основе сказанного мы предполагаем, что созданием и регулированием должна заниматься мировая организация, где будут собраны лучшие экономисты и программисты. Она не должна иметь доминирующего руководства из какой-либо страны и ее решения не должны блокироваться. Мандаты должны распределяться на равных условиях среди стран, которые будут в этом заинтересованы. Более того, все должно контролироваться, чтобы не было сговоров внутри организации и коалиций. Решения должны обсуждаться общим голосованием, а также каждое обсуждение должно быть открытым и зафиксированным перед всем миром. Возможно выделить какой-то процент на голосо-

ние всем миром, а также выбрать одну из сторон/стороны при обсуждении значимых решений.

Кроме того, должен быть создан орган по законодательному регулированию, а также рассмотрены главные направления регулирования электронной валюты. С нашей точки зрения, первыми направлениями регулирования должны стать:

- защита от мошенничества;
- защита от кражи;
- утрата валюты;
- контроль валюты.

Главной задачей закона, который необходимо разработать и принять, прежде всего, должна быть защита обычных граждан, владеющих данной валютой.

Постепенное разрушение мирового экономического порядка, основанного на принципах Бреттон-Вудской системы, в фундаменте которой в разное время был золотодолларовый стандарт, СДР, плавающие валютные курсы, связано с тем, что ни экономический потенциал стран – лидеров капитализма, например, США или КНР, альянсов и союзов государств, таких как ЕС, ни основной денежный металл (золото) не могут в настоящее время служить основой для обеспечения надежности мирохозяйственных киберплатежных систем и криптовалют [14].

Можно предположить, что такой основой может стать система институтов и организаций государства всеобщего благосостояния и режимов его функционирования в масштабе всей мировой экономики. Эта тема в последнее время все чаще встречается в различных работах, посвященных поиску нового экономического порядка и формированию государства нового типа. Отголоски данного направления можно найти у Г. Эспинга-Андерсена в его работе по классификации «режимов капитализма всеобщего благосостояния». Работа содержит рекомендации по повышению всеобщего благосостояния в государстве и приравнивает данный режим к социальному, ссылаясь на общие инструменты развития капиталистической экономики и выделяя идентичные характеристики двух режимов.

Сейчас авторы пишут о существовании 3-х режимов, в основе которых стоит цель – создание условий для развития всеобщего благополучия при режиме капитализма.

1. Американский, или как его еще называют неолиберальный режим, включает в себя развитие среднего класса при минимальном государственном влиянии и развитие некоммерческого сектора в экономике.

2. Социально-демократический режим основан на максимальном вмешательстве государства в рыночную экономику страны с целью подъема благосостояния каждого члена общества путем перераспределения доходов.

3. Консервативно-корпоративистский режим (также имеет второе название – франко-германский режим), в основе которого – создание условий для взаимодействия государственных публичных институтов и коммерческих организаций, а также условий для формирования внутренней структуры гражданского общества [8, с. 67–81].

Также вспомним об основной функции действующих международных организаций в рамках современных мировых финансово-экономических отношений глобализированной экономики, которая сводится к синтезу представленных моделей государства всеобщего благосостояния в условиях капитализма и формирования оптимального режима новой мировой экономики как финансово-экономики. Возможно, что в рамках эволюции к новому экономическому порядку в глобальном измерении появятся совершенно новые институты, виды и формы собственности, ныне практически не известные.

Выводы

Таким образом, исследования авторов показали, что современное развитие цифровой экономики поднимает проблему изменения существующей мировой системы денежного обращения, в частности, влияние цифровой валюты на мировую экономику и фиатные деньги, не ущемляя при этом экономических и политических интересов разных стран.

По мнению авторов, эффективным направлением разрешения этой проблемы может явиться создание единой денежной валюты, способной стать одним из элементов дальнейшего развития процесса глобализации. Данное предложение основано на исследовании главных цифровых валют (BTC, Ethereum, Polkadot, Ripple, Cardano), на изучении технологической базы каждой, выявлении их преимуществ и недостатков с целью возможного применения каждой как инструмента, взятого за основу мировой денежной валюты.

Предложен механизм формирования нового мирового экономического порядка, связанного с коренным преобразованием организаций и институтов глобальной цифровой экономики. Государства, в лице своих органов управления, будут строить новые отношения по новым правилам и нормам контроля и регулирования своих цифровых валют, исходя из международных требований обращения и регулирования единой глобальной цифровой валюты.

Государства должны будут принять новую глобальную цифровую валюту (цифровой империи криптовалют) на принципах полного их равенства перед глобальным крипто аукционистом.

Безусловно, решение проблемы создания и регулирования цифровой валюты возможно только при условии совместной работы специалистов всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриюшин С.А. Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты. М.: Изд-во «Сам Полиграфист», 2019.
2. Асмус С. Краткая история денег, или все, что нужно знать о биткоине / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
3. Грищенко В.О. Фиатные деньги. Аналитическая записка. М.: Банк России, 2019. Август.
4. Концепция цифрового рубля. М.: Банк России, 2021. 8 апреля.
5. Кочергин Д.А. Электронные деньги: Учебное пособие. М.: Маркет ДС; ЦИП СиР, 2011.
6. Развитие технологии распределенных реестров: доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2017. Декабрь.
7. Свон М. Блокчейн: Схема новой экономики / Пер. с англ. М.: Изд-во «Олимп-Бизнес», 2017.
8. Хосп Дж. О криптовалюте просто. Биткоин, эфириум, блокчейн, децентрализация, майнинг, ICO & Co. СПб.: Питер, 2019.
9. Букасова А.Ю. Блокчейн-технология как инструмент децентрализованного мира // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 9. С. 5–9.
10. Воронов М.П. Blockchain – основные понятия и роль в цифровой экономике // Фундаментальные исследования. 2017. № 9. С. 30–35.
11. Галчин Д.Г. Что такое крипто валюта для бухгалтера? // Сборник статей «Экономические исследования и разработки». 2017. С. 19–25.
12. Дорохов В.В. Блокчейн-технологии: будущее финансовой системы // Современные инновации. 2016. № 6(8). С. 44–46.
13. Кульков В.М., Теняков И.М. Макроэкономика: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. ЭБС Юрайт. <https://urait.ru/bcode/402049>.
14. Лавров И.В. Развитие нормативной теории институтов экономики благосостояния // Дисс. на соискание ученой степени доктора экономических наук. 2014.
15. Лавров И.В. Перспектива как модель будущего в экономике счастья – новой нормативной теории благосостояния // Социум и власть. 2010. № 4. С. 77–80.
16. Лавров И.В. Нормативная экономика: методология, теория, современная проблематика // Журнал экономической теории. 2011. № 4. С. 67–81.
17. Леви Д.А. Перспективы признания и развития криптовалют в Европейском Союзе и странах Европы // Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 148–158.
18. Максурова А.А. Криптовалюты и правовое регулирование их обращения: монография. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019.
19. Микенин Д.В., Радько О.Ю. Биткойн и блокчейн – криптовалюта, которая меняет мир // Вестник научных конференций. 2016. № 10–7(14). С. 345–348.
20. Пряников М.М. Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. № 6. P. 49–55.
21. Krugman P., Shiller R. Nonlinear Dynamics of Financial Crises: How to Predict Discontinuous Decisions.
22. Руденко Е.А. Понятие системы блокчейн // Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2016. С. 163–164.

23. Churyumov A. Byteball: A Decentralized System for Storage and Transfer of Value / A. Churyumov. 2017. P. 175–178.
24. Raval S. Decentralized Applications // O'Reilly Media, Inc. 2016.
25. Simmons R.J. Blockchain Explained: A Technology Guide to the Bitcoin and Cryptocurrency Fintech Revolution 1.0 Edition // 2018.
26. Swan M. Blockchain: Blueprint for a New Economy // O'Reilly Media, Inc. 2015.
27. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World // Portfolio Ins., 2016.
28. Vigna P., Casey M.J. The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and Digital Money Are Challenging the Global Economic Order // St. Martin's Press, 2015.
29. Yaga D., Mell P., Roby N. Blockchain Technology Overview. 2018. <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2018/NIST.IR.820>.

REFERENCES

1. Andryushin S.A. Monetary systems: from origins to cryptocurrencies. M.: Publishing house "Sam Polygraphist", 2019. (In Russ.).
2. Asmus S. A Brief History of Money, or Everything You Need to Know About Bitcoin / Per. from English M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. (In Russ.).
3. Grishchenko V.O. Fiat money. Analytic note. Moscow: Bank of Russia, 2019. August. (In Russ.).
4. The concept of the digital ruble. Moscow: Bank of Russia, 2021. 8 April. (In Russ.).
5. Kochergin D.A. Electronic money: Study guide. M.: Market DS; TsIP SiR, 2011. (In Russ.).
6. Development of distributed ledger technology: a report for public consultation. M.: Bank of Russia, 2017. December. (In Russ.).
7. Swan M. Blockchain: Scheme of a New Economy / Per. from English M.: Publishing house "Olimp-Business", 2017. (In Russ.).
8. Hosp J. Simple about cryptocurrency. Bitcoin, Ethereum, Blockchain, Decentralization, Mining, ICO & Co. SPb.: Peter, 2019. (In Russ.).
9. Bukasova A.Yu. Blockchain technology as a tool for a decentralized world // Modern trends in the development of science and technology. 2016. No. 9. P. 5–9. (In Russ.).
10. Voronov M.P. Blockchain – Basic Concepts and Role in the Digital Economy // Fundamental Research. 2017. No. 9. P. 30–35. (In Russ.).
11. Galchin D.G. What is cryptocurrency for an accountant? // Collection of articles "Economic research and development". 2017. S. 19–25. (In Russ.).
12. Dorokhov V.V. Blockchain technologies: the future of the financial system // Modern innovations. 2016. No. 6 (8). S. 44–46. (In Russ.).
13. Kulikov V.M., Tenyakov I.M. Macroeconomics: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree. M.: Yurayt, 2017. EBS Yurayt [site]. <https://urait.ru/bcode/402049>. (In Russ.).
14. Lavrov I.V. Development of the normative theory of institutions of welfare economics // Diss. for the degree of Doctor of Economics, 2014. (In Russ.).
15. Lavrov I.V. Perspective as a model of the future in the economy of happiness – a new normative theory of welfare // Socium and Power. 2010. No. 4. P. 77–80. (In Russ.).
16. Lavrov I.V. Normative economics: methodology, theory, contemporary issues // Journal of Economic Theory. 2011. No. 4. P. 67–81. (In Russ.).

17. *Levy D.A.* Prospects for the recognition and development of cryptocurrencies in the European Union and European countries // *Management Consulting*. 2016. No. 9. P. 148–158. (In Russ.).
18. *Maksurova A.A.* Cryptocurrencies and legal regulation of their circulation: monograph. Moscow: Ed. Publishing and trading corporation "Dashkov and K", 2019. (In Russ.).
19. *Mikenin D.V., Radko O.Yu.* Bitcoin and blockchain - a cryptocurrency that changes the world // *Bulletin of scientific conferences*. 2016. No. 10-7 (14). S. 345–348. (In Russ.).
20. *Pryanikov M.M.* Blockchain as a communication basis for the formation of the digital economy: advantages and problems // *International Journal of Open Information Technologies*. 2017. Vol. 5. No. 6. P. 49–55. (In Russ.).
21. *Krugman P., Shiller R.* Nonlinear Dynamics of Financial Crises: How to Predict Discontinuous Decisions.
22. *Rudenko E.A.* The concept of a blockchain system // *Problems of modern integration processes and ways to solve them. Collection of articles of the international scientific-practical conference: in 2 hours 2016*. P. 163–164. (In Russ.).
23. *Churyumov A.* Byteball: A Decentralized System for Storage and Transfer of Value / A. Churyumov. 2017. P. 175–178.
24. *Raval S.* Decentralized Applications // O'Reilly Media, Inc. 2016.
25. *Simmons R.J.* Blockchain Explained: A Technology Guide to the Bitcoin and Cryptocurrency Fintech Revolution 1.0 Edition // 2018.
26. *Swan M.* Blockchain: Blueprint for a New Economy // O'Reilly Media, Inc. 2015.
27. *Tapscott D., Tapscott A.* Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin is Changing Money, Business, and the World // Portfolio Ins., 2016.
28. *Vigna P., Casey M.J.* The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and Digital Money are Challenging the Global Economic Order // St. Martin's Press, 2015.
29. *Yaga D., Mell P., Roby N.* Blockchain Technology Overview. 2018. <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2018/NIST.IR.820>.

ABOUT THE AUTHORS

Afanasyev Grigory Valerievich – Master's Student of the Department of Economics of Organizations of the Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia
hawk18Grisha@mail.ru

Orlova Tatyana Stepanovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Economics of Organizations of the Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia
otsdom@mail.ru

Zhukovich Vera Vladimirovna – Student of the Department of Finance, Monetary Circulation and Credit, Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia
Weralolilo18@mail.ru

BUILDING A DECENTRALIZED WORLD E-CURRENCY IN DEVELOPMENT
GLOBALIZATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES

The article is devoted to the study of the problem of monetary circulation and the impact of digital currencies on the world economy and fiat money. One of the main problems in the further development of the globalization process is the lack of a single currency. In this paper, the main digital currencies that exist today are considered, the technological base of each of them is studied, the advantages, disadvantages and possibilities of their use as a tool taken as a basis as a world monetary currency, as well as the development of their own digital currency, are identified.

Keywords: digital money, cryptocurrency, decentralization, bitcoin, fiat money, money circulation, world currency, globalization.

JEL: F6, F3.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.М. ГЕБРЕСЕЛАССИЕ

докторант Азербайджанского Государственного экономического
университета (UNEC)

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ШТАТЕ ТЫГРАЙ, ЭФИОПИЯ

Процесс индустриализации (процесс интеграции с производственным сектором) малых и средних предприятий (МСП) открывает новые возможности для увеличения их капиталоемкости, формирования партнерских отношений и создания стратегических альянсов с местными и иностранными организациями для облегчения процесса производства и распространения своей продукции на местном и глобальном рынках. Цель данного исследования – выявить основные факторы, влияющие на процесс индустриализации малых и средних предприятий. В исследовании использовались как качественные, так и количественные методы анализа (описательный и эконометрический анализ). Первичные данные были собраны в результате социологического опроса, проведенного на основе пропорциональной стратифицированной выборки из 138 малых и средних предприятий после пилотного тестирования. Использовалась информация из интервью с 20 руководителями и заинтересованными сторонами, непосредственно участвующими в деятельности МСП. В статье показано, что уровень индустриализации (интеграции МСП с производственным сектором) МСП зависит от знания реализуемых стратегий развития; квалификации исполнителей и сотрудников МСП; уровня развития бизнеса (УРБ); гарантий, предоставляемых государством; выбора отрасли и типов МСП для предоставления пакета поддержки; наличия деловых связей, а также качества и количества используемых ресурсов. Важным фактором при этом также является политическая стабильность в стране.

Делается вывод о том, что предоставление государственной поддержки, квалификация персонала (адекватное понимание стратегии МСП), УРБ и выбор отрасли являются основными факторами, определяющими успех деятельности МСП и уровень их интеграции. Поэтому правительству необходимо доработать нормативные документы, чтобы сделать их ясными и простыми, а также расширить возможности МСП по проникновению на местные и глобальные рынки. Органы государственного управления всех уровней должны проводить последовательную экономическую политику и реализовывать стратегии развития, благоприятствующие росту сектора МСП, особенно подсектора по промышленной переработке сельхозпродукции. Наконец, создание специальных финансовых институтов для поддержки рынка может способствовать повышению конкурентоспособности МСП. Рабочие помещения для производства и маркетинга, а также инфраструктура должны быть готовы до создания малых и средних предприятий.

Ключевые слова: экономическая интеграция, индустриализация, развитие знаний, нетворкинг, малые и средние предприятия, Тыграй, Эфиопия.

JEL: L26.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_186_203.

1. Введение

Экономика Эфиопии в значительной степени зависит от сельского хозяйства, для которого характерно традиционное мелкомасштабное производство, осуществляемое преимущественно на основе натурального хозяйства. Такой тип производства очень зависим от климатических условий, часто сталкивается с нехваткой финансовых средств, в том числе и иностранной валюты, при одновременном наличии избыточной рабочей силы. Для решения данных проблем правительство Эфиопии сформулировало цели национального развития, в числе которых – поднять уровень дохода на душу населения в стране, приблизив его к уровню, который лишь ненамного ниже среднемирового. Достичь этого предполагается за счет перевода сельского хозяйства на промышленную основу, создания динамично развивающегося частного сектора и увеличения количества дополнительных рабочих мест. Благодаря этим мерам доля экспорта сельскохозяйственной продукции должна увеличиться с 5 до 17%, что будет способствовать увеличению темпов экономического роста [1].

Начиная с 1991 г. в Эфиопии был проведен ряд экономических реформ. Так, в частности, были разработаны: Программа структурной перестройки (в 1991 г.); Стратегия индустриализации, направленная на развитие сельского хозяйства (в 1993 г.); Промежуточный документ о стратегии сокращения бедности (2000 г.); Программа устойчивого развития и сокращения бедности (2002 г.); План ускоренного и устойчивого развития «Покончить с бедностью в 2005 году», а также План роста и преобразований (ПРП) (в 2011 г. и в 2015 г.) для ускорения экономического роста в стране.

Органом федерального правительства, ответственным за разработку экономической политики и стратегий в стране, является Министерство торговли и промышленности Эфиопии. Для обеспечения координации и разрешения актуальных проблем, а также для содействия росту и развитию сектора сельского хозяйства в ноябре 2004–2005 гг.¹ была разработана Стратегия развития микро- и малых предприятий (так называемая Прокламация 33/98) [2; 3; 4]. При этом министерство не включило средние предприятия в состав предприятий, подпадавших под сферу действия этой Стратегии, что было

¹ Автор делает краткий исторический экскурс, начиная с 1991 г.

очень важно для увеличения размеров предприятий. Однако именно такие предприятия, в кооперации с более крупными предприятиями, могли бы расширить отечественное производство импортных товаров (т. е. осуществить импортозамещение) за счет использования трудоемких производственных технологий. А это, в свою очередь, могло бы привести к снижению спроса на иностранную валюту. Эшету и Зекеле [5] утверждают, что «Эфиопия не смогла извлечь выгоду из заметного роста в производственном секторе малого и среднего предпринимательства (МСП)» из-за отсутствия правильной политики и соответствующих стратегий для интеграции деятельности МСП в общую стратегию развития, а также и в сферу ответственности отраслевых агентств, занимающихся оказанием поддержки бизнесу. Все это сдерживает развитие и расширение малых и средних предприятий.

Эмпирическое исследование Федерального агентства по промышленному развитию малого и среднего бизнеса (Federal Small and Medium Manufacturing Industry Development Agency) показывает, что на развитие МСП в обрабатывающих отраслях Эфиопии влияют многие факторы. При этом результаты исследований, проведенных несколько лет назад, в значительной степени потеряли свою актуальность, поскольку: а) многое изменилось с момента их проведения, в частности, из-за принятия новых стратегий; б) задача большинства исследований заключалась в том, чтобы оценить вклад МСП, в то время как необходимо было найти те факторы, от которых зависит экономическое развитие МСП [6].

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить главные факторы, определяющие развитие малых и средних предприятий производственного сектора в штате Тыграй в Эфиопии. Для этого, в частности, необходимо:

1. Проанализировать процесс реализации существующей политики и стратегии экономической интеграции.
2. Выделить основные факторы, от которых зависит процесс интеграции МСП в производственный сектор.

Автор данного исследования поставил перед собой задачу ответить на следующие вопросы:

1. Каким образом политика и стратегии развития МСП реализуются в штате Тыграй?
2. Какие основные факторы препятствуют экономической интеграции МСП?

Исследование направлено на выявление ограничений, которые существуют для интеграции МСП, на изучение того, каким образом политика и выбранные стратегии могут учитывать возможности МСП и максимально их использовать, а также на то, чтобы найти способы смягчения неблагоприятных последствий экономической интеграции.

2. Обзор литературы

2.1. Экономическая интеграция

Экономическая интеграция предполагает формирование таких экономических отношений и координацию членов создаваемой группировки, которые могут обеспечить получение экономических выгод и будут содействовать решению возникающих общих проблем. В теории экономической интеграции выделяются два класса теорий, называемых статическими и динамическими теориями, при этом предметом каждой из них является актуальный политический и экономический контекст. Статические, традиционные теории экономической интеграции объясняют возможные преимущества экономической интеграции стран-членов увеличением объемов торговли и инвестиций, тогда как динамическая теория делает акцент на влиянии экономической интеграции на региональную сплоченность, региональный мир и стабильность, а также на положение на международном рынке [7]. Еще одна, фактически латентная теория концентрируется на эффектах, преимуществах и ограничениях экономической интеграции [8]. Автор другого исследования сосредоточивает свое внимание на преимуществах и проблемах экономической интеграции, чтобы выявить факторы, влияющие на индустриализацию малых и средних предприятий, то есть на интеграцию МСП с производственным сектором [9].

Процесс экономической интеграции МСП с промышленностью открыл новые возможности для увеличения капиталоемкости МСП, для формирования партнерства или стратегического альянса с местными или иностранными организациями, для облегчения процесса производства и выхода на конкурентный рынок с целью распространения своей продукции на глобальных рынках [10]. Однако низкий реальный потенциал существующих в настоящее время малых и средних предприятий не позволил использовать новые возможности [11].

2.2. Политика и стратегии МСП в обрабатывающей промышленности

Стратегия экономического развития Эфиопии отражена в Планах роста и преобразований – в I-ом и во II-ом (ПРП I и II). Основная цель ПРП II заключается в обеспечении широкомасштабного, ускоренного и устойчивого экономического роста и преобразований путем содействия развитию сельского хозяйства, основным инструментом которого выступает Стратегия развития, ориентированная на производство и экспорт, для консолидации и дальнейшего развития инфраструктуры, в частности, проектов, при ведущем участии государствен-

ного сектора [12; 13]. Но непропорционально низкий рост количества рабочих мест в последние годы обострил существовавшие до настоящего времени серьезные проблемы страны, как экономические, так и политические и социальные. Именно поэтому крайне важно усилить внимание к текущей политике, разработать новые стратегии для содействия экономической интеграции, которая создаст достаточное количество качественных рабочих мест и будет содействовать свободной торговле между африканскими странами.

Группа Всемирного банка [14] также признает, что в Эфиопии проводилась специальная экономическая политика и был разработан целый ряд стратегий, направленных на создание благоприятных условий для увеличения возможностей трудоустройства и сокращения бедности. С помощью микропредприятий и малых предприятий много было сделано для достижения значительного прогресса в этой области. Однако эфиопские фирмы сталкиваются со значительными финансовыми ограничениями, поскольку текущая финансовая политика не решает финансовых проблем малых и средних предприятий. В итоге, это сказывается на объеме инвестирования в новые технологии и в производство конкурентоспособных товаров. В этой связи представляется важным выявить проблемы и препятствия на пути экономической интеграции, в то время как деятельность заинтересованных сторон и государственных чиновников МСП получает всестороннее признание [14]. Кроме того, для того чтобы учиться на существующем передовом опыте, необходимы политическая воля, подотчетность, прозрачность и оперативная реакция при принятии решений и их реализации.

2.3. Институциональные и правовые основы

Комитет доноров по развитию предпринимательства [15] отметил, что бизнес-среда представляет собой сложную структуру, функционирующую на основе взаимодействия политик, законов и нормативных актов, влияющих на развитие бизнеса, а также институтов, ответственных за принятие этих документов на международном, национальном и региональном уровнях. Международная Организация Труда [16] отметила, что институциональные рамки определяют эффективность и действенность бизнес-инфраструктуры малых и средних предприятий, поэтому получение знаний и навыков для развития бизнеса, услуги микрофинансовых институтов, маркетинга, а также результаты НИР должны быть доступны для нуждающихся по минимальным ценам.

2.4. Рыночные связи

Производство по переработке сельхозпродукции не будет эффективным до тех пор, пока не будет прочных социально-экономических

и физических связей сельскохозяйственных районов с крупными предприятиями. Производство само по себе не может гарантировать развитие и интеграцию МСП, потому что они должны, по крайней мере, иметь возможность выхода на рынок для продажи своей продукции и получить доступ к сырью из сельских районов. Например, малые и средние предприятия, обладающие хорошим производственным потенциалом, но расположенные далеко от сельскохозяйственных районов, не могут развиваться так же хорошо, как и аналогичные предприятия МСП, находящиеся вблизи сельских центров. Связи между сельскими и городскими районами в Эфиопии обычно характеризуются потоками сельскохозяйственной продукции из села в город, потоками промышленных товаров и услуг из города в село, а также потоками капитала и рабочей силы. Кроме того, они проявляются через межотраслевые связи. В дополнение к этим экономическим связям существует ряд социальных и институциональных связей. Интенсивность потока сельскохозяйственных товаров сдерживается несколькими факторами, включая плохую маркетинговую инфраструктуру, высокий уровень натурального производства, плохую транспортную инфраструктуру, недостаточную информацию о рынках, ограниченные складские мощности и т. д. Поток рабочей силы из села в город также ограничен из-за низкой абсорбционной способности городских центров и плохой транспортной инфраструктуры [17].

2.5. Развитие знаний

Ограниченная способность предприятий вводить новшества и применять новые технологии – это еще один фактор, определяющий экономическую интеграцию и рост предприятий, который препятствует приобретению необходимых машин и оборудования [12] (MoUDH, 2016), а также повышению производительности, которая, по сути, проявляется в способности экономики предоставлять новые возможности для развития компаний. Это также подтверждается исследованием, проведенным на Тайване и в Корее, которое показывает, что наличие технологических инкубаторов содействует росту предприятий за счет внедрения новых технологий, поставки соответствующего оборудования и обучения сотрудников для работы на новом оборудовании [18]. Кроме того, в Докладе о развитии, подготовленном Всемирным банком [14], подчеркивается важность существования развитой конкурентной среды, способствующей внедрению инноваций, как местными, так и международными фирмами. Это может привести к созданию большего количества рабочих мест и повышению конкурентоспособности региона в долгосрочной перспективе.

2.6. Социальная сеть среди субъектов малого и среднего бизнеса

Согласно Харви [19], сеть – это группа малых и средних предприятий, которые сотрудничают в рамках совместной деятельности, дополняя друг друга для решения общих проблем, для повышения эффективности за счет кооперации с использованием объединенных (взаимно обмениваемых) ресурсов, что позволяет выйти на те рынки, которые недоступны отдельным компаниям [10].

3. Методология

Для достижения цели исследования жизненно важна четкая методология исследования, соответствующая поставленной задаче. Так, С.Р. Kothari – автор работы [20], использовал дескриптивный метод исследования и смешанный (количественный и качественный) исследовательский подход для решения поставленной проблемы. Причина выбора такой конструкции связана с конкретными целями статьи и характером используемых данных. Он описывает тип связи между МСП и их стейкхолдерами, систематизирует высказывания респондентов о степени и типе экономической интеграции и об их факторах.

Количественный подход применяется для проведения углубленного анализа данных, полученных с помощью анкет, которые были распространены среди 138 выборочных респондентов (анкеты операторов МСП были розданы малым и средним предприятиям, занимающимся деревообработкой и металлообработкой, кожей и изделиями из кожи, текстилем и одеждой, сельским хозяйством, производством строительных материалов и добычей полезных ископаемых в производственных подсекторах). Выборочные респонденты малых и средних предприятий независимо друг от друга ответили на серию вопросов, исходя из своего мнения. Качественные данные были собраны путем опроса 20 руководителей разного уровня, работающих в агентстве по развитию МСП, в финансовых учреждениях и муниципалитете. Кроме того, параллельно собирались данные из журналов, нормативных документов и отчетов, в том числе из Интернета и из библиотек. Количественные данные анализировались одновременно с помощью приложения SPSS версии 25 и модели обычной регрессии (опирающейся на метод наименьших квадратов). Качественные данные анализировались при помощи специальной трехступенчатой процедуры, призванной вычислить их среднее значение.

1 шаг. Каждому типу ответа (всего было 5 типов ответов) присваивалась оценка от 1 до 5 в зависимости от ответа, т. е. $N = \{1; 2; 3; 4; 5\}$.

2 шаг. Вычислялась доля отвечающих в числе опрошенных (w);

3 шаг. Вычислялось весовое среднее, т. е. Среднее значение = $\sum N \cdot w$.

4. Анализ и интерпретация данных

Таблица 1

Оценка респондентами политик и стратегий (выборочные данные)

Политики и стратегии в отношении МСП		Ответы респондентов					Среднее значение
		категорически не согласен	не согласен	не определился	согласен	полностью согласен	
		1	2	3	4	5	
Применимы ли политика и стратегии к МСП?	число опрошенных	16	16	24	40	27	3,37
	доля числа опрошенных, %	13,0	13,0	19,5	32,5	22,0	
Способствует ли политика улучшению условий деятельности малых и средних предприятий?	число опрошенных	18	30	25	36	12	2,95
	доля числа опрошенных, %	14,9	24,8	20,7	29,8	9,9	
Влияет ли финансовая политика страны на операционную деятельность МСП?	число опрошенных	11	29	32	30	19	3,14
	доля числа опрошенных, %	9,1	24,0	26,4	24,8	15,7	
Действительно ли стратегии в большей степени содействовали развитию крупных предприятий, а не МСП?	число опрошенных	9	35	38	27	12	2,98
	доля числа опрошенных, %	7,4	28,9	31,4	22,3	9,9	
Содействовали ли стратегии повышению производительности МСП?	число опрошенных	15	42	29	23	13	2,81
	доля числа опрошенных, %	12,3	34,4	23,8	18,9	10,7	
Содействовали ли стратегии развитию предпринимательства и человеческого капитала?	число опрошенных	13	49	19	26	15	2,84
	доля числа опрошенных, %	10,7	40,2	15,6	21,3	12,3	
Действительно ли в центре внимания политики находились МСП?	число опрошенных	11	45	22	16	14	2,79
	доля числа опрошенных, %	10,2	41,7	20,4	14,8	13,0	

Источник: составлено автором по: анкетные данные.

Правительство совместно со своими стейкхолдерами прилагает большие усилия для решения серьезных проблем малого и среднего бизнеса. На основании данных анкет (которые отражены в табл. 1) получен вывод, что существует значительная разница между средними показателями реализации разных политик и стратегий. Респонденты оценили реализацию следующих пунктов ниже среднего:

- реализацию политики по улучшению условий деятельности МСП;
- реализацию стратегии по повышению производительности МСП;
- реализацию политики, которая должна уделять максимальное внимание МСП.

Этот вывод был сделан потому, что средние значения соответствующих ответов ($x = 2,95$, $x = 2,81$, $x = 2,84$, $x = 2,79$) оказались ниже интегрального среднего значения по всем ответам, равного 2,98. Более того, большинство респондентов (46,7%) полагают, что стратегии не способствуют развитию предпринимательства и человеческого капитала, 50,9% – производительности МСП, и 51,9% из них согласились с тем, что в политиках большее внимание уделяется крупным предприятиям и микропредприятиям, а также прямым иностранным инвестициям, чем МСП. Респонденты также считают, что разработанные политики и стратегии не реализуются должным образом в секторе МСП.

Как показано в табл. 2, средние значения оценки разных типов государственной поддержки, оказываемой МСП, различаются незначительно. Некоторые средние значения ниже интегрального среднего 3,67. Но средние значения таких типов поддержки, как обучение, обмен информацией, контроль и координация со стороны агентства, оказались выше среднего ($x = 4,08$, $x = 3,69$ и $x = 3,88$). Но обучение кайдзен действительно помогает МСП повышать производительность и эффективность использования ресурсов (обучение кайдзен включено в строку «обучение» в табл. 2). При этом большинство респондентов согласились с тем, что механизм поддержки со стороны правительства неудовлетворителен. Эксперты, обучающие персонал МСП, сами не обладали достаточными знаниями и навыками по сравнению с сотрудниками МСП. Это непосредственно означает, что реализация стратегии на практике оказывается менее эффективной.

Одним из преимуществ экономической интеграции является передача ресурсов другим МСП для эффективного и действенного использования, что позволяет устранять барьеры, с которыми сталкиваются коммерческие предприятия, и выходить на новые местные и международные рынки. Исходя из ответов респондентов (данные о которых приведены в Табл. 3), проанализированные факторы сетевого взаимодействия (хорошие взаимоотношения, обмен опытом между МСП,

Таблица 2

Оценка респондентами различных видов поддержки, оказываемой МСП

Виды поддержки		Ответы респондентов					Среднее значение
		категорически не согласен	не согласен	не определился	согласен	полностью согласен	
Обучение (включая обучение Кайдзен)	число опрошенных	3	59	27	26	6	4,09
	доля числа опрошенных, %	2,5	48,8	22,3	21,5	5	
Разработка и передача технологий	число опрошенных	6	41	26	26	19	3,65
	доля числа опрошенных, %	5,1	34,7	22,0	22,0	16,1	
Доступ к финансированию	число опрошенных	5	41	23	27	25	3,61
	доля числа опрошенных, %	4,1	33,9	19,0	22,3	20,7	
Информация о рынке	число опрошенных	12	40	29	20	20	3,46
	доля числа опрошенных, %	9,9	16,5	24,0	16,5	33,1	
Деловые связи и нетворкинг	число опрошенных	8	22	26	20	22	3,58
	доля числа опрошенных, %	6,7	36,7	21,7	16,7	18,3	
Обмен информацией	число опрошенных	10	50	26	19	16	3,69
	доля числа опрошенных, %	8,3	41,3	21,5	15,7	13,2	
Контроль и координация со стороны агентства развития малого и среднего бизнеса	число опрошенных	8	56	22	23	12	3,88
	доля числа опрошенных, %	6,6	46,3	18,2	19,0	9,9	

Источник: составлено автором по: анкетные данные.

передача знаний, человеческих ресурсов и капитала между МСП) характеризуются следующими средними значениями: $x = 2,54$, $x = 2,67$, $x = 2,69$ и $x = 2,48$ соответственно. То есть средние значения различаются между собой совершенно незначительно. Большинство респондентов (56,9%) согласились с тем, что далеко не все стейкхолдеры МСП поддерживают идею передачи знаний, капитала и человеческих ресурсов другим МСП. Более того, ключевой респондент также заверил, что

Таблица 3

Оценка респондентами уровня сетевого взаимодействия между МСП

Виды взаимодействия		Ответы респондентов					Среднее значение
		категорически не согласен	не согласен	не определился	согласен	полностью согласен	
Имеются хорошие отношения с другими МСП	число опрошенных	13	41	21	17	3	2,54
	доля числа опрошенных, %	13,7	43,2	22,1	17,9	3,2	
Предоставление ресурсов другим МСП	число опрошенных	11	44	22	14	3	2,67
	доля числа опрошенных, %	11,7	46,8	23,4	14,9	3,2	
Обмен опытом с другими МСП	число опрошенных	8	42	22	17	6	2,69
	доля числа опрошенных, %	8,4	44,2	23,2	17,9	6,3	
Передача знаний, капитала и человеческих ресурсов	число опрошенных	11	48	21	12	4	2,48
	доля числа опрошенных, %	11,5	50	21,9	12,5	4,2	

Источник: составлено автором по: анкетные данные.

МСП, скорее, конкурируют друг с другом, а не поддерживают друг друга. Это означает отсутствие как командного духа, так и менталитета совместного роста при помощи экономической интеграции и производственных взаимосвязей.

Результат, представленный в табл. 4, представляет собой результаты регрессии, которые показывают, что среди объясняющих переменных, включенных в модель, статистически значимыми являются коэффициенты Государственной поддержки, Знания стратегии МСП, Получения услуг по развитию бизнеса, Предоставление рабочих помещений. Результат регрессии показал, что по мере увеличения среднего балла государственной поддержки на единицу экономическая интеграция возрастает примерно на 0,25 балла. Это означает, что различные виды поддержки, предоставляемые государством, помогают МСП интегрироваться.

Кроме того, результат регрессии показывает, что по сравнению с МСП, которые не получили рабочих помещений, МСП, которым была оказана поддержка с рабочими помещениями, более склонны к интеграции. Получение обещаний от правительства снизило стои-

Таблица 4

Результаты оценки детерминантов интеграции с помощью метода наименьших квадратов

Объясняющие переменные интеграции	Базовые значения для фиктивных переменных	β-коэффициент	Стандартная ошибка	Р-значение
Политика		0,0809187	0,1390477	0,563
Поддержка		0,2453549	0,1374895	0,080***
Конкурентоспособность		0,0917532	0,1401046	0,515
Знание стратегий МСП	не согласен	-0,2814642	0,319281	0,382
	не определился	-0,609294	0,4472492	0,179
	согласен	1,04652	0,5355662	0,056**
	полностью согласен	0,1384628	0,5892615	0,815
Бизнес-окружение	не согласен	-0,241577	0,3497586	0,493
	не определился	-0,537878	0,4712213	0,259
	согласен	-0,739486	0,5737738	0,203
	полностью согласен	-0,425992	0,9137107	0,643
Получение услуг по развитию бизнеса	не согласен	-0,091357	0,3168105	0,774
	не определился	0,5402581	0,4128942	0,196
	согласен	1,249363	0,4451815	0,007*
	полностью согласен	0,1604478	,948734	0,866
Предоставление финансов	не согласен	-0,0063175	0,3199277	0,984
	не определился	-0,058368	0,4130191	0,888
	согласен	-0,024101	0,5106065	0,963
	полностью согласен	0,6891759	1,17803	0,561
Предоставление рабочих помещений	не согласен	-0,172861	0,3246117	0,597
	не определился	-0,318827	0,5087827	0,534
	согласен	0,086581	0,6438214	0,894
	полностью согласен	1,86746	0,8218344	0,027**
Связь с рынком	не согласен	-0,395849	0,3840314	0,307
	не определился	-0,098682	0,4997735	0,844
	согласен	0,471284	0,5712391	0,413
	полностью согласен	0,258794	0,6081174	0,672
Пол	мужчины	0,1903772	0,2462737	0,443
Возраст	30–49 лет	0,3971096	0,2769538	0,157
	50–65 лет	0,2576515	0,3141318	0,416
	больше 65 лет	0,5013843	0,6126682	0,417

Окончание табл. 4

Объясняющие переменные интеграции	Базовые значения для фиктивных переменных	β -коэффициент	Стандартная ошибка	P-значение
Отрасль	переработка сельхозпродукции	0,9982683	0,3039745	0,002*
	производство строительных материалов	0,4938759	0,3836506	0,204
	металло- и деревообработка	0,2460114	0,3099491	0,431
	добыча полезных ископаемых	0,797887	0,6228074	0,206
Шкала	medium	0,5438526	0,2430038	0,029**
Константы		0,2016879	0,8606821	0,816
	N = 80	Pro>F = 0,000	Breusch-Pagan (Chi2= 0,03, pr.=0,87)	
	R ² = 0,6386	Adj R ² = 0,3932	Среднее VIF= 4,66	

Примечание: эталонная категория для всех переменных, измеренных по шкале Лайкерта, – «категорически не согласен»; эталонной категорией для фиктивной переменной «пол» является женский пол; эталонной категорией для фиктивной переменной «отрасль» являются текстиль и одежда; эталонной категорией для фиктивной переменной «размер бизнеса» является малый бизнес; эталонная категория по возрасту – «15–29» лет. Зависимая переменная (экономическая интеграция) измеряется как комбинированное среднее двух переменных (наличие хорошей взаимосвязи между МСП и передача знаний, рабочей силы и капитала между МСП). Все интерпретации учитывают допущение *Ceteris Paribus*, согласно которому другие независимые переменные остаются неизменными.

Источник: рассчитано автором.

мость земли и арендную плату за землю, поскольку обычная стоимость в 300 ЕТВ за кв. м делает землю (и, соответственно, рабочие помещения) недоступной для малых и средних предприятий. Если же государство предоставляет им землю, то средства, которые бы использовались для аренды, используются для расширения их бизнеса. Это также было подтверждено в отчете Tigray SME Agency [1], в котором говорится, что первым сдерживающим фактором для МСП в производственном секторе в городе является отсутствие доступа к рабочим помещениям.

Кроме того, существует значительная разница в экономической интеграции между отраслями, в которых действуют МСП. Предприятия, занимающиеся переработкой сельскохозяйственной продукции, с большей вероятностью будут кооперироваться друг с другом по сравнению с эталонной категорией (производством текстиля и одежды, дерево-

и металлообработкой, а также производством строительных материалов). Прямая и обратная связь между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью имеет важное значение, особенно для эффективных производств по переработке сельскохозяйственной продукции, поскольку сложилась благоприятная ситуация для развития потенциала и возможностей стимулирования и роста, интегрированного создания рабочих мест и повышения внутреннего и местного спроса. Таким образом, результатом деятельности этого подсектора становится равенство, справедливость в распределении доходов для создания инклюзивной экономики и сокращение бедности в целом. Это также одобрено и успешно реализуется Стратегией развития малых и средних предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции в ЮАР, разработанной Департаментом сельского хозяйства ЮАР в 2015 г.

Кроме того, существует значительная разница в экономической интеграции между малыми и средними предприятиями. Средние предприятия с большей вероятностью кооперируются друг с другом, а не с эталонной категорией (малыми предприятиями). Этому способствует то, что средние предприятия имеют гораздо больший оборотный капитал, более высококвалифицированный человеческий труд и доступ к обучению и информации на локальных и глобальных рынках, поэтому они могут решать стоящие перед ними проблемы при помощи координации и сотрудничества между собой.

5. Заключение

Развивающиеся страны, такие как Эфиопия, нуждаются в инклюзивном и устойчивом промышленном развитии при помощи экономической интеграции. Но вопрос в том, как этого добиться. Разработка соответствующих стратегий, создание сильных институтов, расширение инфраструктуры, привлечение капиталовложений и инвестирование в производство имеют решающее значение. МСП в городе Тыграй-Мекелле не являются исключением: все они сталкиваются с ограниченностью местного рынка и рабочих мест, с невозможностью выбрать «правильную» отрасль, а также с недостатком знаний и навыков, недополучением услуг по развитию бизнеса и нехваткой рабочих помещений. В решении этого вопроса не стоит полностью полагаться на правительство, но следует опираться также на чувство безотлагательности и ответственности всех заинтересованных сторон, в том числе самих МСП, за реализацию экономической интеграции между МСП в производственном секторе. При помощи эффективного руководства, предоставления государственной поддержки и обучения персонала предприятия можно внести определенный вклад в экономический рост штата Тыграй, тем более что при эффективном устраи-

нении барьеров МСП выступают в качестве базы для создания рабочих мест, что обеспечивает более справедливое распределение доходов, рост прибыли и существенный вклад в ВВП Эфиопии.

МСП не подпали под действие предыдущих стратегий (в связи с существовавшей классификацией), хотя сейчас уже известна стратегия, которая обеспечивает возможность МСП стать дальновидными, целеустремленными и конкурентоспособными на рынке. С другой стороны, отсутствие технических ноу-хау, базовых знаний и навыков работы с программным обеспечением, а также математических ноу-хау и подготовленных специалистов в этой области – все это должно быть включено при подготовке эффективного и достижимого плана. Автор будущей стратегии должен знать и учитывать соотношение вклада человеческого капитала, технологического оборудования и рыночных стратегий для установления рыночных связей внутри и за пределами своего региона. Обучение сотрудников МСП имеет решающее значение для повышения производительности, улучшения качества продукции и рыночных связей. Прохождение обучения один раз в год не может кардинально изменить возможности МСП. Обучение должно быть востребованным, актуальным и непрерывным.

Кроме того, существует разрыв между наличием хороших отношений между отдельными МСП и готовностью делиться, передавать факторы производства и информацию между самими МСП, что препятствует повышению производительности и конкуренции. Установление прямых и обратных связей между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью необходимо, особенно для того, чтобы стать эффективной производственной кампанией по переработке сельскохозяйственной продукции. Таким образом, результатом деятельности этого подсектора станет равенство, справедливость в распределении доходов для создания инклюзивной экономики и сокращения бедности в целом. Наконец, нездоровая политическая ситуация на границе между Эфиопией и Эритреей и между региональными правительствами Эфиопии с 2018 г. наносит ущерб и производству, и рынку, что требует немедленных действий со стороны лиц, принимающих решения, и общества в целом.

Ниже перечислены меры, которые, по мнению автора, необходимо принять для ускорения экономического развития Эфиопии.

- Увеличение количества инноваций и технических усовершенствований, повышение эффективности управления и финансовых возможностей МСП, для чего Агентство по развитию малых и средних предприятий уже начало увеличивать поддержку МСП.
- Правительству региона необходимо использовать благоприятные условия и дешевую арендную плату за землю, а также финансирование МСП (в том числе для лизинга).

- Правительству следует сосредоточить внимание на предприятиях, занятых промышленной переработкой сельскохозяйственной продукции, которые с большей вероятностью будут кооперироваться и с сельским хозяйством, и с предприятиями других отраслей обрабатывающей промышленности.

Необходимо принять срочные меры для создания экономически и политически стабильной среды для местных жителей страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Tsegay Hagos* (2018) Ethiopian Herald report on SMEs Driving Force for Realization Renaissance, 22 April 2018. Ethiopia.
2. *Belay File* (2012): Determinants of Microenterprise Success in the Urban Informal Sector of Addis Ababa a Multidimensional Analysis Netherlands. ISBN 978-94-91478-05.
3. *Mesfin Seyoum* (2015): Challenges and Prospects of Small Enterprises in Ethiopia: A Study of Entrepreneurs in Tigray Region Submitted in accordance with the requirements for the degree of Doctoral of Philosophy in the Development Subject Development Studies at the University of South Africa. October 2015.
4. MoUDH (2016): Government of the Federal Democratic Republic of Ethiopia Ministry of Urban Development and Housing SMEs Development and Strategies.
5. *Eshetu Bekele & Zeleke Worku* (2008). Factors that Affect the Long-term Survival of Micro, Small, and Medium Enterprises in Ethiopia // South Africa Journal of Economics, 10(2):76-81.
6. Federal Small and Medium Manufacturing Industry Development Agency (FSMMIDA) (2018): Regional Small and Medium Industry Development Agency; National level Small and Medium Industry Development Conference Document
7. *Kosandi M.*, 2012: Parallel Evolution of Practice and Research on ASEAN Economic Integration: From Paradigm Contestation to Eclectic. Theorization. Thee International Studies Association of Resuming University.
8. *Marinov E.* (2016): Economic Integration Theories and the Developing Countries Conference Paper: Infusing Research and Knowledge in South-East Europe, At Thessaloniki, Volume September 2014.
9. OECD (2018): Discussion Paper Small and Medium-Sized Enterprises Ministers Conference 22–23 February, 2018 Mexico City Enabling SMEs to scale up Plenary session.
10. *Harvies Ch.* (2010): SMEs and Regional Production Networks, Centre for Small Business and Regional Research, School of Economics, Faculty of Commerce University of Wollongong, Australia. Pp. 16–42.
11. *Sigitas Brazinskas and Julius Beinoravičius* (2013): Contemporary Issues in Business, Management and Education; SMEs and integration driving factors to regional and global value chains, Vilnius Gediminas Technical University, Faculty of Business Management, Lithuania.
12. MOIFDRE, (2017): Small and Medium Enterprise Development Plan, Ethiopia, January 30, 2017.
13. MoUDH (2012): Government of the Federal Democratic Republic of Ethiopia Ministry of Urban Development and Housing SMEs Development and Strategies.

14. World Bank (2016): Ethiopia Small and Medium Enterprise Finance Project Washington, D.C., World Bank Group. <http://documents.worldbank.org>.
15. DCED, 2014. Donor Committee for Enterprise Development. <https://www.enterprise-development.org>.
16. ILO, 2000. International labor Organization. <https://www.ilo.org/global/lang-en/index.htm>.
17. OECD, (2004): Conference of Ministers Responsible for Small and Medium-Sized Enterprises (SMEs): Promoting Entrepreneurship and Innovation SMEs in a Global Economy: Towards More Responsive and Inclusive Globalization Istanbul, Turkey. 3–5 June. 2004.
18. Balassa B. Industrial Policies in Taiwan and Korea / B. Balassa, Springer. 1971. (106). Pp. 55–77.
19. Harvie C. (2010), 'SMEs and Regional Production Networks', in Vol, T. T., D. Narjoko and S. Oum (eds.), Integrating Small and Medium Enterprises (SMEs) antitheorems Integrate East Asia. ERIA Research Project Report 2009 No. 8, Jakarta: ERIA.
20. Kothari C.R. (2004) Research Methodology: Methods and Techniques. 2nd Edition, New Age International Publishers, New Delhi.

ABOUT THE AUTHOR

Abrehet Mehari Gebreselassie – Doctoral Student of the Azerbaijan State Economic University (UNEC), Baku, Azerbaijan
 abrehet@mail.ru

DETERMINANT FACTORS OF INDUSTRIAL INTEGRATION OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN MANUFACTURING SECTOR IN TIGRAY REGIONAL STATE, ETHIOPIA

The process of economic integration has created opportunities and increased pressure for SMEs to expand their value and form partnerships and strategic alliances with local and foreign organizations to facilitate the production and distribution of products in the local global market. The objective of this study was to identify the determinant factors that affect the integration of small- and medium-sized enterprises. The study used cross-sectional mixed approaches to qualitative and quantitative methods (descriptive and econometric analysis). Primary data was collected from a sample of 138 SMEs, selected based on proportional stratified sampling, after a pilot test was conducted. Interviews with 20 leaders and stakeholders directly involved with the SMEs operations and the researcher's observation during the pilot test. The result indicates that SMEs are determined by the knowledge of the strategies and skills of implementers and SME operators, business development services, working promises provided by the government, the selection of subsectors and types of SMEs to provide the supporting package, market linkage, and quality and quantity of inputs, and political stability in the country.

This study concludes that provision of support, adequate knowledge of SMEs' strategy, BDS, and selection of an appropriate sector are the main factors determining the SME's operation. Thus, the government should amend rules and regulations to make them clear and simple and enhance the capacity of SMEs to penetrate the local and global markets. All the levels of government need to introduce consistent and reliable development policies and strategies favorable to SME sector growth, especially to agroprossesing subsectors. Finally,

establishing special financial institutions and market supporting units might help SMEs' competitiveness. Work premises for production and marketing as well as infrastructure should be ready before the SMEs are established.

Keywords: *economic integration, industrialization, knowledge development, networking, small and medium-sized enterprises, Tigray, Ethiopia.*

JEL: L26.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 12.12.2021.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 4820-21

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2021

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru